

Первый роман
классика
мировой фантастики

Зарубежная

фантастика

Айзек Азимов
ПЕСЧИНКА
В НЕБЕ

Айзек АЗИМОВ ПЕСЧИНКА В НЕБЕ

Научно-фантастический
роман

Издательство «Мир»

Зарубежная

фантастика

PEBBLE IN THE SKY

ISAAC ASIMOV

Doubleday & Company, Inc. Garden City, N.Y. 1950

Зарубежная

фантастика

Айзек Азимов ПЕСЧИНКА В НЕБЕ

Научно-фантастический роман

Перевод с английского
А. К. АНДРЕЕВА

МОСКВА «МИР» 1993

ББК 84(7США)-44
А35

Азимов А.

А35 Песчинка в небе: Науч.-фантаст. роман:
Пер. с англ. – М.: Мир, 1993. – 320 с. –
(Зарубеж. фантаст.)

ISBN 5-03-002985-0

Первый роман одного из основоположников современной научно-фантастической литературы Айзека Азимова, впервые опубликованный на языке оригинала в 1950 году.

А $\frac{4703040100 - 102}{041(01) - 93}$ без объявл. ББК 84(7США)-44

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ISBN 5-03-002985-0

© перевод на русский язык,
Андреев А. К., 1993
© оформление, Сошинская К. А.,
1993

Персонажи и эпизоды этой книги являются плодом только авторского вымысла и не имеют никакой связи с реальными лицами и событиями.

*Моему отцу, который познакомил
меня с миром научной фантастики.*

I. ЧЕРЕЗ ПОЛШАГА

За две минуты до того, как Джозеф Шварц навсегда исчез с лица знакомой ему Земли, он шагал по уютным улицам одного из пригородов Чикаго и про себя читал Браунинга.

Это было немного странно, потому что на взгляд случайного прохожего Шварц никак не производил впечатление человека, привыкшего цитировать Браунинга. Шварц выглядел так, как и должен выглядеть портной на пенсии: он был совершенно лишен того, что современные любители обобщенных высказываний называют "широким образованием". Тем не менее Шварц тратил много времени на чтение всего, что попадалось ему под руки, в этом его любознательная натура находила большое удовлетворение. Благодаря жадному, неразборчивому чтению и цепкой памяти он надолго запоминал прочитанное и имел кое-какое представление практически обо всем.

Например, когда Шварц был намного моложе, он дважды прочел стихотворение Роберта Браунинга "Равви Бен Эзра" и, конечно, запомнил его на всю жизнь. Смысл всего стихотворения доходил до него с трудом, но первые строки, казалось, имели к нему самое непосредственное отношение, во всяком случае к его нескольким последним годам. В это прекрасное, солнечное

летнее утро 1949 года он с выражением читал про себя, остро переживая каждое слово:

Не бойся стареть рядом со мной!
Впереди нас ждет самое лучшее –
Последняя часть нашей жизни,
Ради которой и были прожиты все годы.

В этих строках Шварц чувствовал глубокий смысл. Приятно сознавать, что после долгой борьбы за существование – сначала в Европе, а в более зрелом возрасте в США – приближается безмятежная, спокойная старость. Теперь у Шварца был собственный дом, он накопил достаточно денег и мог позволить себе бросить работу. Так он и сделал. О чем беспокоиться, если жена сохранила крепкое здоровье, обе дочери удачно вышли замуж и дома тебя ждет самая большая радость этих лучших лет жизни – внук?

Конечно, в мире были еще и атомная бомба, и эти неприятные разговоры о третьей мировой войне, но Шварц верил в доброту человека и не думал, что когда-либо разразится еще одна разрушительная война, что человечество снова увидит ад солнцеподобного атомного взрыва. Поэтому он снисходительно улыбался встречавшимся детям и мысленно желал им быстрой и не слишком трудной дороги сначала к юности, а затем и к той лучшей поре жизни, которая непременно должна ждать их впереди.

Шварц собирался перешагнуть через брошенную на тротуаре и несмотря ни на что улыбающуюся куклу – найденыша, которого еще не хватились. Не успел он поставить ногу на землю...

В другом районе Чикаго располагался Институт ядерных исследований, в котором, возможно, ученые разрабатывали разные теории о ценнейшем качестве человеческой природы, но немного стыдились своих изысканий, потому что не было прибора, который позволил бы измерить этот параметр. Когда ученые размышляли о человеческой природе, у них часто возникало желание, чтобы вдруг появилась какая-нибудь волшебная сила, которая спасла бы людей (и их проклятую изобретательность) от соблазна превращать любое вполне невинное и интересное открытие в новое разрушительное оружие.

Все же человек может не устоять перед соблазном, успокоить свою совесть и только ради удовлетворения собственной любознательности заняться ядерными исследованиями, которые в конце концов могут привести к гибели половины человечества. И тот же человек в критический момент способен рисковать своей жизнью, спасая жизнь какого-нибудь случайного незнакомца.

Доктор Смит проходил мимо приоткрытой двери лаборатории, его внимание привлекло голубое сияние за спиной химика, и он в недоумении уставился на это сияние. Молодой веселый химик, насвистывая, перемешивал содержимое мерной колбы, в которой объем смеси уже был доведен до метки. Белый порошок лениво оседал, одновременно медленно растворяясь в жидкости. Такая картина предстала перед глазами доктора Смита, когда он сначала инстинктивно остановился, а потом также инстинктивно начал действовать.

Смит ворвался в комнату, схватил линейку и смахнул стоявший на столе сосуд на пол. Послышалось зловещее шипение расплавленного

металла. Доктор Смит почувствовал, как у него на носу повисла капелька пота.

Молодой химик непонимающе смотрел на бетонный пол, на котором уже застыли мелкие брызги расплавленного металла. От них все еще исходил жар.

- Что случилось? - еле слышно спросил он.

Доктор Смит пожал плечами. Он и сам еще не пришел в себя.

- Не знаю, - ответил он. - Скажите... Что делалось здесь?

- Ничего здесь не делалось, - пробормотал химик. - Здесь стоял образец неочищенного урана. А я определяю медь объемным методом... Понятия не имею, что могло случиться.

- Что бы ни случилось, молодой человек, я могу сказать, что я видел. Над этим платиновым тиглем появилось свечение. Очевидно, это было очень мощное излучение. Вы говорите, уран?

- Да, уран, но неочищенный, а он неопасен. хочу сказать, что для цепной реакции ядерного деления очень высокая чистота - один из важнейших критериев, не так ли? - химик быстро облизал губы. - Сэр, вы думаете, что была цепная реакция? Но это же не плутоний, образец не подвергался облучению.

- Кроме того, - задумавшись, сказал доктор Смит, - масса образца была меньше критической. Или, во всяком случае, меньше той, какую мы считаем критической. - Он оглядел стол, облицованный стеатитом, лабораторную мебель, на которой местами обгорела краска, серебристые брызги на бетонном полу. - И все же: температура плавления урана 1800 градусов, к тому же ядерные процессы не настолько хоро-

шо изучены, чтобы мы могли позволить себе болтать о них все что вздумается. Кстати, уровень радиоактивности в комнате должен быть довольно высоким. На вашем месте, молодой человек, я бы подождал, пока металл охладится, потом надо соскоблить брызги, собрать их и тщательно проанализировать.

Доктор Смит задумчиво посмотрел на химика, подошел к противоположной стене и с недоумением ощупал на ней пятно примерно на высоте плеча.

- Что это? - спросил он химика. - Это всегда было здесь?

- Что, сэр? - нервно переспросил молодой человек. Он подошел и бросил взгляд на пятно. Это было крошечное отверстие, какое могло остаться, например, от тонкого гвоздя, только этот "гвоздь" прошел через штукатурку и кирпич насквозь.

Химик покачал головой.

- Раньше никогда не замечал. Впрочем, сэр, я и не приглядывался.

Доктор Смит промолчал. Он медленно пошел назад мимо термостата - прямоугольного ящика из тонкой стали. В термостате монотонно вращаемая электромотором мешалка создавала маленький водоворот, а расположенные под ящиком электрические лампочки, подчиняясь командам ртутного реле, время от времени включались и выключались и нагревали воду.

- Хорошо, а это здесь было? - доктор Смит осторожно поцарапал ногтем пятно на широкой стороне термостата, ближе к его верхнему краю. В металлической стенке прибора оказалось крохотное круглое отверстие как раз над уровнем воды.

У химика округлились глаза.

- Нет, сэр, этого здесь никогда не было, ручаюсь!

- Гм. Нет ли такой же штуки на другой стороне?

- Черт побери... Я хотел сказать, есть, сэр!

- Хорошо. Обойдите кругом и посмотрите сквозь эти отверстия. Термостат, пожалуйста, выключите, оставайтесь на месте, - доктор Смит закрыл пальцем отверстие в стене. - Что вы видите?

- Ваш палец, сэр. Это то место, где дырка?

Доктор Смит не ответил. Самообладание совсем покидало его, но, оставаясь внешне спокойным, он сказал:

- Посмотрите сквозь отверстия в термостате с обратной стороны... Что вы видите теперь?

- Ничего.

- Но это же именно то место, где стоял тигель с ураном. Вы смотрите точно на это место, не так ли?

- Думаю, так, сэр, - неохотно согласился химик.

Бросив взгляд на табличку, прикрепленную к наружной стороне двери, доктор Смит холодно сказал:

- Мистер Дженнингз, прошу вас никому и никогда не говорить ни слова об этом происшествии. Все должно остаться в полной тайне. Вы поняли?

- Понял, сэр!

- Тогда давайте покинем это помещение и пошлем сюда для проверки кого-нибудь из службы радиационной безопасности, а нам с вами придется провести это время в больнице.

- Вы хотите сказать, что мы получили радиационные ожоги? - побледнел химик.

– Увидим.

Но симптомов лучевой болезни ни у кого не обнаружили. Число лейкоцитов было в норме, ничего аномального не показало и исследование корней волос. Легкую тошноту в конце концов объяснили психосоматическими причинами, а никаких других симптомов не нашли.

Никто в Институте ни тогда, ни позже так и не смог объяснить, почему неочищенный уран, масса которого была намного меньше критической и который не подвергался бомбардировке нейтронами, вдруг расплавился, стал ярко светиться и испускать смертельно опасные лучи.

Можно было сделать только один вывод: ядерная физика хранит еще много странных и опасных секретов.

И все-таки доктор Смит так и не смог заставить себя изложить всю правду в докладе, который он в конце концов подготовил. Он ни слова не сказал ни об отверстиях в стене здания и в термостате, ни о том, что ближайшее к тиглю отверстие было едва заметным, отверстие на другой стороне термостата – чуть больше, а в стене, то есть в три раза дальше от тигля, в образовавшуюся щель можно было протолкнуть гвоздь.

Распространяющийся строго по прямой луч должен пройти несколько миль, пока из-за кривизны земной поверхности не поднимется над ней настолько, что уже не сможет никому причинить вреда, но к тому времени его диаметр возрастет до трех метров. И только после этого, постепенно расширяясь и угасая, луч – эта странная нить в ткани космоса – навсегда уйдет в пространство.

Доктор Смит ни с кем не поделился своими фантазиями.

Он никому не сказал, что на следующий день, еще в больнице, попросил принести ему все утренние газеты и, тщательно просматривая их, выискивал сообщения о подозрительных происшествиях.

Но в гигантском городе каждый день бесследно исчезает так много людей! По-видимому, никто не прибежал с криком в полицию, никто не рассказал страшную историю, как на его глазах вдруг исчез человек (или полчеловека?).

В конце концов доктор Смит заставил себя забыть об этом.

С Джозефом Шварцем все произошло в течение одного шага. Только он собрался переступить через куклу, как испытал странное головокружение, будто смерч за ничтожную долю секунды поднял его и перевернул вниз головой. Когда Шварц наконец перешагнул через куклу, у него перехватило дыхание, и он, медленно осев, упал на траву.

Довольно долго Шварц, выжидая, лежал с закрытыми глазами, потом осмелился открыть их.

Так и есть! Действительно, он шел по бетону, а теперь почему-то сидел на траве. И дома исчезли! Испарились целые ряды белых домиков с газонами.

И сидел Шварц не на газоне; за этой буйной травой, очевидно, никто не ухаживал, а вокруг стояли деревья, много деревьев, еще больше их виднелось на горизонте.

Потом был удар еще сильнее: оказалось, что на этих деревьях листья уже пожелтели, и под рукой Шварц ощутил сухие, ломкие опавшие листья. Шварц был горожанином, но отличить

осень от любого другого времени года, конечно, мог без труда.

Осень! Но когда он собирался переступить через куклу, было ясное июньское утро, вся зелень сверкала свежестью.

Думая об этом, Шварц взглянул на свои ноги и, пронзительно вскрикнув, нагнулся... Тряпичная маленькая кукла, через которую он перешагнул, этот крохотный кусочек реального мира...

Нет, не может быть! Он повертел куклу в дрожащих руках – это была уже не кукла, а только ее половина. И она была не искорежена, а разрезана! Было чему удивиться. Срез оказался настолько ровным, что в набивке куклы, изготовленной из отходов пряжи, не сдвинулась ни одна нитка. Шварц держал половинку куклы с абсолютно плоским срезом перепутанных нитей набивки.

Вдруг Шварц заметил отблеск на своем левом ботинке. Все еще не выпуская из рук куклу, он согнул ногу и пригляделся: самый кончик подошвы, рант ботинка, был срезан; такой гладкий срез не смог бы сделать ни один сапожник на земле, как бы остро ни был заточен его нож. Бросалась в глаза противоестественная гладкость среза, он блестел, как поверхность жидкости.

Замешательство Шварца постепенно переросло в оцепенение, его охватил ужас.

Наконец он заговорил вслух, потому что звук собственного голоса казался ему единственным утешением в этом во всех других отношениях совершенно безумном мире. Голос, который он слышал, оказался тихим, напряженным, хриплым от волнения.

- Во-первых, - говорил Шварц, - я не сошел с ума. Я чувствую себя так же, как и всегда... Впрочем, если бы я сошел с ума, я бы не знал этого... или знал бы? Нет... - он почувствовал, что близок к истерике, и заставил себя рассуждать хладнокровно. - Тут должны быть какие-то другие объяснения.

- Может, это сон? - размышлял Шварц. - Но как отличить сон от реальности? - он ущипнул себя, почувствовал боль и недовольно покачал головой: - Это не доказательство. Во сне тоже может быть больно.

Шварц в отчаянии огляделся. Могут ли сны быть такими отчетливыми, подробными и продолжительными? Однажды он прочел, что обычно сны длятся не больше пяти секунд, что они появляются, когда спящему мешает какая-нибудь мелочь, и что кажущаяся продолжительность снов - всего лишь иллюзия.

Слабое утешение! Шварц поднял манжету сорочки и долго смотрел на свои часы. Секундная стрелка сделала один оборот, второй, третий. Если это сон, то пять секунд растягиваются в целую вечность.

Шварц посмотрел вдаль и беспомощно вытер выступивший на лбу холодный пот.

- Может быть, у меня потеря памяти?

На этот вопрос Шварц отвечать не стал, только медленно опустил голову на руки.

Если в то время, когда он собирался сделать тот злополучный шаг, его память соскользнула с удобной и тщательно утоптанной тропинки, по которой она так долго ходила... Если память внезапно вернулась к нему через три месяца, осенью, или через год и три месяца, или через десять лет и три месяца, когда он сделал дру-

гой шаг в этом странном месте... Ну что ж, тогда ему могло показаться, что все произошло за полшага, и все это... В таком случае где же он был и что делал все это время?

— Нет! — невольно выкрикнул Шварц. — Этого не могло быть.

Он оглядел свою сорочку. Именно ее он надел сегодня утром или утром того дня, который должен быть сегодняшним, и сорочка казалась еще вполне свежей. Он задумался, сунул руку в карман куртки и вытащил яблоко.

В бешенстве Шварц надкусил яблоко. Оно было совсем свежим и еще сохранило прохладу холодильника, из которого Шварц взял его два часа назад. Или он напрасно думал, что это было два часа назад?

А как же тряпичная кукла, с ней что произошло?

Шварц почувствовал, что начинает выходить из себя. Все это должно быть сном, или он действительно сошел с ума.

Потом Шварц сообразил, что изменилось и время суток: сейчас день клонился к вечеру, во всяком случае, тени постепенно удлинялись. Он с ужасом осознал, что место, где он оказался, очень тихое и совершенно безлюдное.

Шварц поднялся на ноги. Очевидно, ему нужно найти людей, хоть кого-нибудь. Не менее очевидно, что ему необходимо отыскать какой-нибудь дом, а для этого лучше всего сначала выйти на дорогу.

Машинально он выбрал направление, в котором деревья, казалось, стояли реже, и пошел в ту сторону.

Когда Шварц вышел наконец на прямую, пустую и безликую дорогу, покрытую щебнем,

даже в куртке он ощутил легкую вечернюю прохладу, а верхушки деревьев уже начали теряться в таинственном полумраке. Он радостно, чуть ли не плача, бросился к дороге и испытал огромное удовольствие, почувствовав под ногами твердое дорожное покрытие.

Впрочем, куда ни посмотри, дорога была совершенно пустой, и на мгновение Шварц снова оцепенел от ужаса. Он надеялся на автомобили. Проще всего было бы поднять руку, остановить первую попавшуюся машину и спросить... Он настолько отчетливо представил себе такую ситуацию, что даже сказал вслух:

— Вы случайно не в сторону Чикаго?

А что, если он совсем не рядом с Чикаго? Хорошо, пусть это будет любой большой город, даже местечко, только бы там был телефон. В кармане у него всего четыре доллара и двадцать семь центов, но ведь всегда можно обратиться в полицию...

Шварц пошел посередине дороги, всматриваясь вперед и время от времени оглядываясь назад. Наступившие сумерки и даже показавшиеся на небе первые звезды не произвели на него никакого впечатления.

Ни одного автомобиля! Ничего и никого! А между тем становилось совсем темно.

Шварцу показалось, что у него снова закружилась голова, потому что слева на горизонте появилось какое-то мерцание. В просветах между деревьями он увидел холодное голубое свечение, не ярко-красные быстрые языки, какие, по мнению Шварца, бывают во время лесного пожара, а слабое стелющееся понизу свечение. Шварцу показалось, что даже щбень под ногами стал чуть-чуть поблескивать. Он наклонился,

потрогал камешки руками – они были холодными. И все же щебень еле заметно светился.

Спустя какое-то время Шварц понял, что безоглядно бежит по дороге и его ботинки глухо и неритмично стучат по щебню. Только тогда он сообразил, что все еще держит в руке разрезанную куклу, и озлобленно бросил ее через голову.

Это насмешливое, издевательское напоминание о жизни...

Потом Шварц в панике остановился. Как бы то ни было, но все-таки кукла – единственное доказательство того, что он в здравом уме. А доказательство это ему очень нужно! В темноте он долго ползал на коленях, пока не нашел куклу – темное пятно на слабо светящемся фоне. Набивка куклы растрепалась, и Шварц машинально затолкал ее внутрь.

Он снова пошел по дороге. “Уж слишком я жалок, чтобы бежать”, – сказал себе Шварц.

Он уже начинал ощущать голод, но не на шутку перепугался, заметив справа от дороги свет.

Конечно, это был дом!

Шварц иступленно закричал, но ответа не дождался. И все-таки это был дом, настоящий проблеск реального мира в безымянной, ужасной, дикой природе, окружавшей его несколько последних часов. Он свернул с дороги и пошел к дому напрямик, не выбирая пути, только обходя большие деревья, через канавы, через густой подлесок, потом через ручей.

Странно! Даже ручей слабо фосфоресцировал! Но это Шварц отметил лишь мимоходом и ни на секунду не задумался о природе таинственного свечения.

Наконец Шварц оказался рядом с домом. Он протянул руку и нащупал твердый материал. Не камень, не кирпич и не древесина, но на это Шварц не обратил ни малейшего внимания. Материал, из которого был построен дом, больше всего напоминал грубый фарфор, но Шварцу было на это наплевать. Он искал дверь, только дверь, и, когда наконец нашел ее и не увидел колокольчика, забарабанил в дверь ногами и завопил, как сумасшедший.

Шварц услышал какой-то шорох внутри дома, потом голос, не его собственный, а другого человека, такой благословенный, такой прекрасный. Шварц крикнул еще раз:

— Эй, есть кто-нибудь там?

Послышалось тихое, мягкое жужжание, и дверь отворилась. На пороге стояла высокая худая женщина, явно встревоженная. За ней маячила тощая фигура мужчины с суровым лицом, он был в рабочей одежде... Нет, пожалуй, не в рабочей. В сущности, подобной одежды Шварц никогда не видел, но почему-то ему показалось, что именно в таком костюме мужчина должен работать.

Впрочем, в тот момент Шварц не рассуждал. Для него не было никого и ничего прекрасней, чем эти люди и их одежды; да и что может быть прекрасней вида друзей для одинокого человека.

Женщина что-то сказала. У нее оказался мелодичный голос, но говорила она повелительным тоном. Шварцу пришлось прислониться к двери, чтобы удержаться на ногах, его губы беззвучно зашевелились, от страха и ужаса перехватило дыхание.

Дело в том, что женщина говорила на языке, которого Шварц никогда не слышал.

2. ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ЧУЖЕСТРАНЦА

В этот прохладный вечер Лоа Марен и ее флегматичный муж Арбин играли в карты. В инвалидной коляске, управляемой электродвигателем, сидел старик. Он сердито зашелестел газетой и позвал:

- Арбин!

Арбин Марен ответил не сразу. Обдумывая следующий ход, он осторожно погладил тонкие, гладкие прямоугольники карт, потом, выбрав наконец подходящий вариант, безразлично откликнулся:

- Что тебе нужно, Гру?

Поседевший Гру, вытянув шею, свирепо рассматривал своего зятя. Потом снова зашелестел газетой. Почему-то этот звук приносил ему большое облегчение. Боже мой, должен же быть у человека хоть какой-нибудь способ выразить свои эмоции, если он кипит энергией, но привязан к инвалидному креслу, потому что у него вместо ног две бесчувственные палки. Поэтому Гру и нужна была газета. Газетой он шелестел, газетой указывал, иногда газетой же колотил по чему попало.

Гру знал, что где-то на Земле есть специальные машины для передачи новостей, которые выдают микрофильмы - блоки последних известий. А для просмотра микрофильмов годятся те же обычные проекторы, что и для книг. Но над этими машинами Гру только молчаливо посмеивался. Дурацкий модный способ!

- Ты читал об археологической экспедиции, которую посылают на Землю? - спросил Гру.

- Нет, - все так же безразлично ответил Арбин.

Ответ был известен Гру заранее, потому что, кроме него, еще никто не успел пролистать газету, а от видеогазет их семья отказалась еще в прошлом году. Но на самом деле его вопрос был только предлогом для начала разговора.

– Да, – продолжал Гру, – прилетает экспедиция. К тому же она финансируется Империей. А как вам нравится вот это? – и он начал читать искаженным голосом, то замедляя, то ускоряя темп, как часто почему-то получается, когда читают вслух: – Бел Арвардан, ведущий научный сотрудник Имперского археологического института, в интервью корреспонденту “Галактик пресс” выразил надежду, что археологические исследования, которые предполагается провести на планете Земля, расположенной на окраине сектора Сириуса (см. карту), дадут чрезвычайно ценные результаты. “Земля, – сказал он, – с ее архаичной цивилизацией и уникальной окружающей средой породила своеобразную культуру, изучением которой наши социологи слишком долго пренебрегали, если не принимать во внимание не самые удачные попытки регулировать деятельность местного правительства. У меня есть все основания полагать, что в ближайшие год-два наши так называемые фундаментальные концепции развития общества и человеческой цивилизации претерпят революционные изменения“. И так далее и тому подобное, – торжественно закончил Гру.

Арбин слушал невнимательно и пробормотал:

– Что он имеет в виду под “своеобразной культурой“?

Лоа Марен вообще не слушала отца. Она сказала только:

– Арбин, тебе ходить.

- Да, - продолжал Гру, - вот и у тебя, наверное, на языке вертится вопрос, почему "Трибюн" напечатала все это? Ты же знаешь, без веской причины они не напечатали бы информацию "Галактик пресс" и за миллион имперских кредитов.

Отклика Гру не дождался и сам себе ответил:

- Потому что здесь редакционная статья на эту же тему. Статья на целую страницу, в ней разносят этого несчастного Арвардана в пух и прах, а за что? Парень собирается прилететь сюда с научными целями, а они из кожи лезут, чтобы его не пустить. Ты только посмотри на эту трескотню! Ты только взгляни! - Гру сунул газету Арбину. - Прочти, неужели тебя это не интересует?

Лоа Марен положила карты на стол и поджала свои тонкие губы.

- Отец, - сказала она, -- у нас и без того был тяжелый день, поэтому не приставай к нам сейчас с этой политикой. Может, попозже, а? Я прошу тебя, отец.

Гру нахмурился и сердито передразнил дочь:

- Я прошу тебя, отец! Я прошу тебя, отец! Кажется, вы изрядно устаете от своего старого отца, если вам жалко для него даже нескольких слов о текущих событиях. Похоже, я вам мешаю, сидя здесь в углу и заставляя вас работать за троих... Но кто в этом виноват? У меня достаточно сил, я хочу работать. Вам же известно, что я мог бы вылечить ноги и тогда стал бы не слабее, чем был прежде, - Гру с силой, резко и звучно шлепнул себя по ногам, но только услышал, а не почувствовал удар. - Единственная помеха - мой возраст. Я слишком

стар, чтобы меня стоило лечить. Может быть, в этом и заключается "своеобразие" нашей культуры? Как еще можно назвать мир, в котором человек может и хочет работать, но ему не дают такой возможности? Боже мой, кажется, наступает время прекратить всю эту ерунду с нашими так называемыми "особыми учреждениями". Никакие они не особые, они ненормальные! Я думаю...

Гру переполняла злорадство, он покраснел, начал размахивать руками.

Арбин встал, подошел к инвалидной коляске и с силой сжал плечо старика.

— Что тебя так расстраивает, Гру? Я прочту статью, как только ты расстанешься с газетой.

— Конечно, но что толку, если ты наверняка будешь согласен с ней? Все вы, молодые, — бесхарактерные, тряпки, настоящие марионетки в руках Древних.

— Успокойся, отец, — резко сказала Лоа. — На эту тему лучше не надо.

Лоа замолчала прислушиваясь. Конечно, она не могла сказать, на какую именно тему лучше не говорить, но...

У Арбина мороз по коже пробежал; так было всегда, когда речь заходила о Древних. Говорить, как Гру, смеяться над древней культурой Земли и многое другое — все это далеко не безопасно.

Да, это называли ассимиляционизмом. Арбин поперхнулся, уродливое какое-то слово, даже если его произносишь про себя.

Конечно, когда Гру был молод, много болтали о том, что пора выбрать новый путь, но тогда были другие времена. Уж это-то Гру следовало знать, да, наверное, он и знал, только ведь не

просто рассуждать здраво и разумно, если ты привязан к инвалидному креслу и обречен считать дни, оставшиеся до очередной переписи.

Судя по всему, замечание Лоа не слишком задело Гру, но он ничего не сказал. Постепенно он все больше и больше успокаивался, газетный текст все чаще расплывался у него перед глазами. Он еще не добрался до спортивных страниц, чтобы, как обычно, детально и критически разобрать все статьи, а его голова уже медленно упала на грудь, он тихо захрапел, и газета, прошеlestев в последний раз, выпала у него из рук.

— Может быть, мы к нему недостаточно внимательны, — встревоженно прошептала Лоа. — Такому человеку, как отец, сейчас должно быть особенно тяжело. По сравнению с тем, как он жил раньше, сегодняшнее существование должно ему казаться чем-то вроде смерти.

— Ничего подобного, Лоа! У него есть любимые газеты и книги. Оставь его в покое! Небольшое возбуждение только взбодрит его. Теперь несколько дней он будет спокоен и счастлив.

Арбин снова принялся изучать свои карты. Только он решил наконец вытянуть одну из них, как послышался стук в дверь и хриплый крик, в котором невозможно было разобрать ни слова.

Рука Арбина дернулась и замерла. Лоа со страхом смотрела на мужа, ее нижняя губа задрожала.

— Убери Гру. Быстро!

Арбин не успел закончить фразу, как Лоа уже стояла за инвалидным креслом и что-то убаюкивающе шептала старику.

Но при первом же движении кресла Гру от-

крыл рот, проснулся, распрямился и машинально потянулся за газетой.

– В чем дело? – раздраженно и довольно громко спросил он.

– Тихо! Все в порядке, – растерянно пробормотала Лоа и покатила кресло в соседнюю комнату. Она прикрыла дверь и прислонилась к ней спиной, дыхание ее участилось, глазами она искала мужа. В дверь снова застучали.

Перед открывшейся дверью они стояли рядом, заняв почти оборонительную позицию, и совсем не гостеприимно смотрели на невысокого полного мужчину, беспомощно улыбавшегося им.

Подчеркнуто вежливо Лоа спросила:

– Можем ли мы чем-нибудь вам помочь? – и тут же отпрянула назад, потому что мужчина открыл рот, будто хотел что-то сказать, но пошатнулся и невольно вытянул руку вперед, пытаясь удержаться на ногах.

– Он болен? – в замешательстве спросил Арбин. – Лоа, помоги мне внести его.

Через несколько часов в тишине своей спальни Лоа и Арбин не спеша готовились ко сну.

– Арбин, – позвала Лоа.

– Что?

– Это не опасно?

– Опасно? – Арбин, казалось, нарочно не хотел понимать, о чем говорит Лоа.

– Я хотела сказать, пустить этого человека в дом не опасно? Кто он?

– Откуда я знаю? – раздраженно ответил Арбин. – Кто бы он ни был, нельзя же отказать в приюте больному человеку. Если у него не окажется регистрационного знака, завтра мы сообщим в районный отдел безопасности, вот и все, – он отвернулся, явно стараясь уйти от разговора.

Впрочем, скоро его жена снова нарушила молчание. Более настойчиво, тонким голосом она спросила:

– Ты думаешь, он не может быть агентом Общества древних? Ведь у нас Гру, сам знаешь.

– Из-за того, что он сказал вечером? Ты это имеешь в виду? Ну, это уж слишком. Я не хочу обсуждать такую чепуху.

– Ты отлично понимаешь, что я имею в виду совсем другое. Я хотела сказать, что мы незаконно укрываем Гру уже два года. Ты знаешь, что мы нарушаем, пожалуй, один из самых строгих законов.

– Мы никому не делаем ничего плохого, – пробормотал Арбин. – Ведь мы же выполняем нашу норму, норму трех рабочих. А если так, что здесь подозрительного? Мы даже не выпускаем его из дому.

– Они могли обнаружить инвалидное кресло. Ведь двигатель и всякие приспособления тебе пришлось покупать на стороне.

– Лоа, не начинай все сначала. Я уже много раз объяснял, что для этого кресла я не покупал ничего, кроме обычного кухонного оборудования. Кроме того, наш гость ничем не похож на агента Общества. Или ты думаешь, что они способны на такой сложный трюк только ради того, чтобы выследить несчастного старика в инвалидном кресле? Разве они не могут прийти днем с обычным ордером на обыск? Пожалуйста, постарайся рассуждать логично.

– Арбин, – сказала Лоа, и ее глаза вдруг загорелись, – если ты так уверен, а я на это и рассчитывала, тогда он должен быть инородцем. Он не может быть землянином.

– Почему не может? Это еще смешней. По-

чему какой-то гражданин Империи должен прилететь сюда, почему из всех планет он должен выбрать именно Землю?

– Не знаю! Нет, пожалуй, знаю. Может быть, где-то там он совершил серьезное преступление, – Лоа сразу поверила в собственную выдумку и принялась развивать ее. – А почему бы и нет? Вполне может быть. Для преступника спрятаться на Земле очень удобно. Разве здесь кто-нибудь будет его искать?

– Если он инородец. А какие у тебя доказательства?

– Он не говорит на нашем языке, ведь так? Можешь мне верить. Ты понял хоть одно его слово? Значит, он прилетел из какого-то очень далекого уголка Галактики, где люди говорят на странных диалектах. Я слышала, жителям Формалхаута приходится учить почти совсем незнакомый язык, чтобы их поняли члены Имперского суда на Транторе... Разве ты не понимаешь, что все это значит? Если он не землянин, он не зарегистрирован в Департаменте переписи и будет только рад, если мы не сообщим о нем. Можно заставить его работать на ферме вместо отца, тогда нас снова будет не двое, а трое, и в следующем сезоне мы легко выполним задание... Даже сейчас он мог бы помочь нам с уборкой урожая.

Лоа тревожно смотрела на мужа. В нерешительности Арбин долго раздумывал, что сказать, потом нашелся:

– Ладно, Лоа, давай спать. Утро вчерашнее, вот утром обо всем и поговорим.

Перешептывание закончилось, свет выключили, и скоро весь дом погрузился в сон.

На следующее утро наступила очередь Гру раз-

бираться в случившемся. Арбин с надеждой обратился к своему тестю, рассчитывая найти в нем уверенность, которой самому так не хватало.

– Очевидно, Арбин, – сказал Гру, – ты беспокоишься только из-за того, что я зарегистрирован как рабочий, поэтому вам приходится выполнять задание за троих. Я устал быть нахлебником. Я живу уже второй лишний год. С меня хватит.

Арбин был разочарован.

– Но я говорил совсем не о том и не собирался намекать, что ты живешь нахлебником.

– Пусть так, какая разница? Через два года будет перепись, и все равно я уйду.

– По крайней мере ты сможешь читать свои любимые книги и отдыхать еще два года. Какая нам необходимость отнимать все это у тебя?

– Необходимость понятна: другие лишены и этого. А что будет с тобой и Лоа? Когда придут за мной, могут забрать и вас. Кем же мне надо быть, чтобы из-за нескольких паршивых лет жизни...

– Замолчи, Гру. Мне не нравится этот спектакль. Тебе много раз говорили, что мы собираемся делать. Мы сообщим о тебе за неделю до переписи.

– Похоже, вы собираетесь обмануть врача?

– Мы подкупим врача.

– Гм. А этот гость – еще одно преступление. Ведь его вы тоже собираетесь скрывать?

– Потом мы его отпустим. Ради Бога, не думай об этом сейчас. У нас еще целых два года. Что нам делать с ним сегодня?

– Чужестранец, – размышлял Гру. – Попросил приютить. Пришел неизвестно откуда. Говорит непонятно что... Не знаю, что и посоветовать...

– Он смирный, – сказал Арбин, – и, кажется, напуган до смерти. Он не причинит нам вреда.

– Напуган, да? А если он слабоумный? Если его бормотание совсем не чужой диалект, а просто бред сумасшедшего?

– На бред сумасшедшего непохоже, – возразил Арбин, но при этом беспокойно засрзал.

– Ты говоришь так, потому что хочешь извлечь из него пользу... Хорошо, я скажу, что тебе надо делать. Отвези его в город.

– В Чику? – в ужасе переспросил Арбин. – Это будет конец.

– Совсем нет, – уверенно возразил Гру. – Твоя беда в том, что ты не читаешь газет. К счастью для этой семьи, я читаю. Оказывается, в Институте ядерных исследований изобрели прибор, который должен облегчать обучение человека. В воскресном приложении этому прибору отведена целая страница. Так вот им нужны добровольцы. Забери нашего гостя, и пусть он будет добровольцем.

Арбин покачал головой.

– Ты с ума сошел, – сказал он. – Гру, ничего подобного делать нельзя. Прежде всего спросят его регистрационный номер. Наверняка окажется, что номера у него нет. Мы только навлечем на себя подозрения, а потом отдел безопасности доберется и до тебя.

– Не доберется. Видишь ли, Арбин, ты во всем неправ. Институту нужны добровольцы по той простой причине, что эта машина только экспериментальная. Очень может быть, что она уже убила не одного человека. Я уверен, там не будут задавать лишних вопросов. Если же наш гость умрет, ему, наверно, будет не хуже,

чем сейчас... Арбин, подай мне книжный просктор и поставь шестую кассету. И принеси мне газету сразу же, как только она придет, хорошо?

Когда Шварц открыл глаза, было уже за полдень. Он почувствовал тупую, сжимающую сердце боль, которая рождалась почти сама собой при одной лишь мысли о том, что по утрам он больше не увидит рядом свою жену, что он навсегда потерял родной мир...

Однажды он уже испытывал такую боль. В памяти Шварца всплыли очень живые и яркие, давно забытые сцены. Вот он, еще совсем молодой, стоит на снегу в деревне... рядом ждут сани... в конце этого длинного путешествия был поезд... а потом еще большой корабль...

На какое-то мгновение щемящий душу страх за родной, с детства знакомый мир объединил его с тем двадцатилетним парнем, который эмигрировал в Америку.

Шварц вскочил на ноги, когда лампочка над дверью мигнула и он услышал баритон своего хозяина; конечно, он не понял ни слова. Затем дверь открылась – на завтрак ему принесли незнакомую мучнистую массу, которая по вкусу (но не по запаху) немного напоминала кукурузную кашу, и молоко.

Шварц поблагодарил и энергично закивал головой.

Хозяин сказал что-то в ответ и взял сорочку Шварца, висевшую на спинке стула. Он тщательно осмотрел ее со всех сторон, особенно пуговицы. Потом хозяин повесил сорочку на прежнее место, открыл задвижную дверь стенного шкафа, и тут Шварцу бросились в глаза необычные стены теплого молочного цвета.

- Пластик, - пробормотал про себя Шварц, прибегая к этому обычному для дилланта очень растяжимому понятию. Еще он заметил, что в комнате не было ни одного угла, а все плоские поверхности соединялись одна с другой плавными закруглениями.

Хозяин протянул Шварцу какие-то предметы и жестами показал, что нужно сделать. Ошибиться было невозможно: от Шварца требовалось, чтобы он умылся и переоделся.

Шварц подчинился и с помощью хозяина кое-как справился с этим. Он пожалел, что не нашел бритвы, попытался жестами объяснить, что ему нужно, но хозяин сказал что-то непонятное и с явным отвращением взглянул на него. Шварц поскреб седую щетину и шумно вздохнул.

Потом его повели к крохотному вытянутому двухколесному автомобилю и знаками предложили сесть на заднее сиденье. Автомобиль мчал их по безлюдной дороге, пока прямо перед ними не показались низкие ослепительно белые здания, а далеко впереди - голубой водоем. Шварц оживился.

- Чикаго? - спросил он, указывая на здания.

Это была последняя, очень слабая надежда, потому что, конечно, он никогда не видел ничего менее похожего на Чикаго.

Хозяин промолчал.

И последняя надежда умерла.

3. ОДИН МИР ИЛИ МНОГО МИРОВ?

Бел Арвардан еще был полон впечатлений от пресс-конференции, посвященной его предстоящей экспедиции на Землю, и переживал чувство

тесного единения со всеми ста миллионами звездных систем, составлявших всеобъемлющую Галактическую Империю. Теперь речь шла не о том, будет его имя известно в одном секторе Империи или в другом. Если только удастся подтвердить его гипотезу относительно жизни на Земле, то репутация Арвардана как ученого будет признана на любой населенной планете Млечного Пути, на любой планете, на которую ступил человек за сотни тысяч лет освоения космического пространства.

Арвардан очень рано достиг больших высот в науке и известности в научных кругах, но его путь в науку был далеко не прост. Ему только что исполнилось тридцать пять, а в своей научной карьере он уже пережил и взлеты и падения. Все началось с громкого взрыва, потрясшего стены университета Арктура, в котором Арвардан неслыханно рано, уже в двадцать три года, защитил диссертацию на соискание звания ведущего археолога. Взрыв же, хотя и нематериальный, но оттого не менее эффективный, заключался в том, что Журнал галактического археологического общества отказался публиковать его диссертацию. За всю историю университета это был первый случай отказа в публикации диссертации на соискание звания ведущего сотрудника. Также впервые в истории специального журнала отказ был сформулирован в очень резком тоне.

Человеку, незнакомому с археологией, причины таких озлобленных нападков на небольшую, непонятную, сухую и сугубо научную статью, озаглавленную "О возрасте артефактов в секторе Сириуса и о применении полученных данных для подтверждения миграционной теории происхождения человека", могли показаться загадоч-

ными. Суть же спора заключалась в том, что в основу своей работы Арвардан положил некую гипотезу, высказывавшуюся ранее несколькими группами мистиков, которые были лучше знакомы с метафизикой, чем с археологией, и утверждали, что человечество сначала появилось на одной планете и впоследствии расселилось по всей Галактике. Эту гипотезу охотно взяли на вооружение современные писатели-фантасты, а для любого уважающего себя археолога Империи она оставалась очевидной глупостью.

Но с Арварданом не могли не считаться даже самые почтенные ученые, потому что за десять лет он стал признанным авторитетом в области археологии доимперских культур, следы которых еще можно было изредка отыскать в самых разных уголках Галактики.

Так, Арвардан написал монографию о механистической цивилизации в секторе Ригеля, где в результате самосовершенствования роботов родилась своеобразная культура. Она существовала в течение нескольких столетий до тех пор, пока металлические машины не перехватили инициативу у человека в такой степени, что пришлось вмешаться мощному флоту военного министра лорда Морся, который без труда взял ситуацию под контроль. Ортодоксальная археология утверждала, что на разных планетах различные расы человека эволюционировали независимо, в качестве аргументов в пользу этой теории обычно вспоминали такие нетипичные культуры, как культура Ригеля, где расовые различия еще не успели стереться за счет смешанных браков. Арвардан камня на камне не оставил от теории, доказав, что ригелианская культура роботов была всего лишь естественным развитием экономи-

ческих и социальных тенденций, преобладавших в свое время в этом регионе.

Другим излюбленным аргументом ортодоксальной археологии были варварские племена на планетах системы Офиука; долгое время было принято считать, что на этих планетах примитивное человечество еще не достигло уровня межзвездных путешествий. Во всех учебниках эти планеты приводились в качестве наиболее показательного примера, подтверждающего справедливость теории слияния, согласно которой человек представляет собой обязательный естественный результат эволюции живых организмов на любой планете, имеющей воду и кислород, а также необходимые температуру и силу тяжести. Далее теория слияния утверждала, что представители любых независимо развивавшихся рас человека могут вступать в смешанные браки, что и произошло после освоения межзвездных полетов.

Однако Арвардан раскопал следы древней цивилизации, предшествовавшей тысячелетней варварской культуре Офиука, и доказал, что в период освоения планеты велась интенсивная межзвездная торговля. Окончательный удар теории слияния был нанесен, когда Арвардан убедительно показал, что человек мигрировал в эту звездную систему уже в цивилизованном состоянии.

Лишь после признания этих работ, то есть через десять лет после представления, Журнал галактического археологического общества решился опубликовать диссертацию Арвардана.

И вот теперь стремление развить и укрепить излюбленную теорию привело Арвардана на, вероятно, самую заброшенную и самую ничтожную планету во всей Империи — Землю.

Арвардан приземлился в том единственном месте планеты, которое принадлежало Империи, — на крошечном участке безлюдного высокогорного плато к северу от Гималайских гор. На этом участке, который никогда не подвергался заражению радиоактивными веществами, теперь возвышался дворец, неземная архитектура которого сразу же бросалась в глаза. В сущности, дворец был копией резиденций вице-королей, построенных на других более благополучных планетах. Для удобства был преобразован и прилегающий к дворцу участок местности. Прежде недоступные голые скалы теперь были покрыты слоем плодородной почвы, обводнены, окружены искусственной атмосферой и таким образом превращены в пять квадратных миль лужайек и цветущих садов с регулируемым климатом.

На сооружение этого оазиса были израсходованы невероятно большие по земным меркам средства, но за всем этим стояли совершенно неисчерпаемые ресурсы десятков миллионов планет. (Число их постоянно росло. По статистическим данным в 827 году Галактической эры каждый день в среднем пятьдесят новых планет добивались чести получить статус провинции, для чего необходимо было довести численность населения планеты по меньшей мере до пяти миллионов человек.)

В этом единственном неземном уголке планеты жил прокуратор Земли. Окруженный искусственно созданной роскошью, он иногда мог забыть о том, что на него возложены обязанности прокуратора отсталой, нищей планеты, и вспомнить о своем аристократическом происхождении, о принадлежности к древнему уважаемому роду.

Супруга прокуратора, по-видимому, забыва-

лась реже. Удаленность от культурных центров Империи ощущалась особенно остро, когда, забравшись на поросший травой холм, она видела вдали четкую, резкую линию, разделяющую возделанную почву и дикую, несобузданную природу Земли. В такие моменты ни цветные фонтаны, люминесцирующие по вечерам (и тогда они напоминали холодный огонь), ни окаймленные цветами дорожки, ни идиллические рощи не могли погасить острое ощущение жизни в ссылке.

Вероятно, по этой причине Арвардана ожидал даже более теплый прием, чем полагалось по протоколу. Что ни говори, а для прокуратора Арвардан был частицей Империи с ее космическими просторами, с ее свободой.

Что касается Арвардана, то его восхищало в резиденции прокуратора многое.

– Отлично сделано, – сказал он, – и с большим вкусом. Я искренне удивлен, лорд Энниус, что центральная культура смогла проникнуть даже сюда, на самые отдаленные рубежи нашей Империи.

– Боюсь, что во дворце прокуратора приятнее быть гостем, чем хозяином, – улыбнулся Энниус. – То, что вы видите, в сущности лишь иллюзия. Здесь и во всех крупных городах планеты вся центральная культура ограничивается мной, моей семьей, моими сотрудниками, имперским гарнизоном и иногда случайными гостями вроде вас. Мне кажется, этого явно недостаточно.

Бел Арвардан и лорд Энниус сидели под колоннадой. Солнце клонилось к закату, к неровной линии горизонта, отчасти скрытой пурпурной дымкой, а воздух был настолько насыщен ароматами растений, что слабый ветерок казался их дыханием.

Даже прокуратору, конечно, не пристало проявлять чрезмерное любопытство в отношении планов гостя, но, наверное, можно было сделать скидку на нечеловеческие условия длительной изоляции прокуратора от всей Империи.

— Доктор Арвардан, вы планируете остаться на Земле на какое-то время? — поинтересовался Энниус.

— Что касается длительности моего визита, лорд Энниус, пока не могу сказать ничего определенного. Я прилетел раньше других участников экспедиции, чтобы самому на месте ознакомиться с культурой Земли и выполнить все необходимые формальности. Например, я должен получить от вас обычное официальное разрешение на создание полевых баз вблизи пунктов намечаемых раскопок и так далее.

— О, конечно, конечно! Но когда вы начнете раскопки? И что вы надеетесь найти в этой никому не нужной куче хлама?

— Если не будет никаких непредвиденных задержек, я рассчитываю открыть базу через несколько месяцев. А что касается этой планеты... знаете, ее можно назвать как угодно, но только не кучей хлама. Она уникальна во всех отношениях, в Галактике нет другой такой планеты.

— Уникальна? — упрямо переспросил прокуратор. — Совсем нет! Это самая обычная планета. В большей или меньшей мере ее можно назвать свинарником, ужасной дырой, выгребной ямой, для ее описания подойдет почти любое другое уничижительное определение, которое придет вам в голову. И все же, несмотря на всю тошнотворность этой планеты, она никак не может претендовать на уникальность и остается самой обычной планетой, на которой живут грубые и нищие люди.

– Но эта планета радиоактивна, – возразил Арвардан, немного ошеломленный градом посыпавшихся на него не вполне последовательных обвинений.

– Ну и что? В Галактике есть тысячи радиоактивных планет и на некоторых уровень радиоактивности намного выше, чем на Земле.

Тут их внимание привлек мягко скользивший автоматический бар. Он остановился на таком расстоянии, что до него легко можно было дотянуться рукой.

Энниус жестом указал на бар и спросил гостя:

– Что вы предпочитаете?

– Все равно. Может быть, лимонный коктейль.

– Можно и коктейль. В баре есть все необходимые компоненты... Вам с ченси?

– Добавьте ченси, но совсем немного, – сказал Арвардан и пальцами показал слой не толще миллиметра.

– Через минуту все будет готово.

Где-то в глубинах бара (вероятно, самого популярного порождения человеческого гения) работал невидимый нсодушевленный бармен, электронный мозг которого смешивал необходимые компоненты не в мерных стаканчиках, а отсчитывая молекулу за молекулой всегда в абсолютно точном соотношении, недостижимом для любого самого искушенного, самого артистичного бармена-человека.

Как бы из ничего возникли высокие бокалы, которые, казалось, только и ждали этой минуты в своих нишах.

Арвардан взял бокал с зеленоватой жидкостью и на секунду щекой ощутил его прохладу.

Потом он поднес бокал к губам и попробовал коктейль.

- Отлично приготовлено, - сказал он и поставил бокал в удобный подстаканник в ручке кресла. - Вы правы, прокуратор, есть тысячи радиоактивных планет, но только одна из них населена. Только эта планета, прокуратор.

- Что ж, - Энниус пригубил свой бархатистый напиток. Казалось, его суждения стали более мягкими. - В этом смысле, возможно, Земля уникальна. Незавидная особенность.

- Но дело не только в уникальности в статистическом смысле, - задумчиво продолжал Арвардан, время от времени отпивая глоток коктейля. - Отсюда следует несколько потенциально очень важных выводов. Биологи доказали или, во всяком случае, утверждают, что доказали, будто бы жизнь не может развиваться на планетах, на которых уровень радиоактивности атмосферы и океана превышает определенную критическую величину... А уровень радиоактивности на Земле намного больше этой критической величины.

- Интересно. Я этого не знал. Мне кажется, это доказывает, что жизнь на Земле принципиально отличается от жизни на других планетах Галактики... Вас такой вывод должен устраивать, ведь вы из системы Сириуса, - при этом Энниус насмешливо улыбнулся, затем более доверительно продолжил: - Вам известно, что наибольшая трудность в управлении этой планетой заключается в сложностях борьбы с распространившимися в секторе Сириуса сильными антиземными настроениями? И эти настроения вызывают еще более сильную ответную реакцию землян. Конечно, я не хочу сказать, что враждебное отношение к

землянам в той или иной мере не встречается в других секторах Галактики, но там оно не так распространено, как в системе Сириуса.

— Лорд Энниус, я никак не могу согласиться с этими обвинениями, — горячо и нетерпеливо возразил Арвардан. — По отношению к землянам во мне не больше нетерпимости, чем в любом другом человеке. Как ученый я глубоко убежден в единстве человечества, в том числе и населения Земли. В принципе возможно существование только одной формы жизни, основой которой являются коллоидные системы белковых комплексов, то есть то, что мы называем протоплазмой. Влияние радиоактивности, о чем я только что говорил, распространяется не на какие-то определенные расы человека и даже не на ограниченное число каких-либо форм жизни. Радиоактивность воздействует на любые живые организмы, поскольку механизм этого воздействия определяется квантово-химическими свойствами белковых молекул. Радиоактивность одинаково влияет на вас, на меня, на землян, на пауков и на микроорганизмы.

Видите ли, белки представляют собой — возможно, нет необходимости напоминать вам об этом — невероятно сложное сочетание аминокислот и некоторых других специфических соединений и имеют запутанную трехмерную структуру, неустойчивую, как солнечный луч в пасмурный день. Неустойчивость белков и есть сама жизнь, поскольку живой организм, стараясь сохранить свою индивидуальность, вынужден постоянно изменять свое положение и положение составляющих его молекул, которые можно уподобить длинному шесту, балансирующему на носу акробата.

Но прежде чем возникнет жизнь, из неорганических веществ должно быть построено это чудесное соединение – белок. Поэтому сначала под воздействием энергии солнечного излучения в огромных сосудах, которые мы называем океанами, постепенно образуются все более и более сложные органические молекулы: в одном направлении из метана синтезируются сначала формальдегид, потом сахара и крахмалы, а в другом – мочевины превращаются в аминокислоты и белки. Конечно, соединение атомов в молекулы и расщепление молекул происходит случайно, и на одной планете процесс может тянуться миллионы лет, а на другой – только несколько веков. Гораздо более вероятно, конечно, что процесс затянется на миллионы лет. В сущности, скорее всего белки и сахара вообще так и не образуются.

Теперь специалисты в области физической органической химии с очень большой достоверностью выяснили все происходящие при этом последовательные реакции, особенно их энергетику, то есть изменения энергии, связанные с перемещением атомов. Сейчас уже не приходится сомневаться, что некоторые важнейшие стадии построения живых систем осуществляются только в отсутствие энергии излучения. Если вам, прокуратор, это покажется странным, я могу лишь сказать, что, например, фотохимия, то есть отрасль химии, изучающая реакции, которые индуцируются энергией излучения, достигла очень больших успехов; ей известно бесчисленное множество очень простых реакций, которые протекают в прямом или обратном направлении в зависимости от того, происходят они в присутствии или в отсутствие квантов света.

На обычных планетах соответствующая звезда является единственным или по меньшей мере важнейшим источником лучистой энергии. Под покровом облаков или ночью соединения углерода и азота взаимодействуют друг с другом так, как они могут взаимодействовать только в отсутствие тех ничтожных порций световой энергии, которые посылает в их гущу звезда. Кванты света подобны шару, брошенному в центр скопления бесконечно большого числа бесконечно малых кеглей.

Напротив, на планетах с высоким уровнем радиоактивности независимо от того, светит звезда или нет, каждая капля воды даже самой темной ночью, даже на пятикилометровой глубине испускает быстрые гамма-лучи, которые, сталкиваясь с атомами углерода, — активируя их, как говорят химики, — заставляют их реагировать строго определенным образом, совсем не так, как в живом организме.

Арвардан допил коктейль и поставил бокал на терпеливо ожидавший бар. Бокал мгновенно исчез в специальном отделении бара, где будет вымыт, стерилизован и заполнен другим напитком.

— Еще коктейль? — предложил Энниус.

— Возможно, после обеда, — ответил Арвардан. — Пока достаточно.

Энниус побарабанил тонкими длинными пальцами по ручке кресла и сказал:

— Вы очень образно описали процесс, но если это так, то какова же история жизни на Земле? Как она развивалась?

— Вот видите, даже вас заинтересовала эта проблема. Ответ, мне кажется, прост. Да, при определенном уровне радиоактивности зарождение жизни невозможно, но в то же время такой уро-

вень может оказаться недостаточным для уничтожения уже существующей жизни. Повышенная радиоактивность может как-то видоизменить живые организмы, не приводя к их гибели, конечно, если это повышение не чрезмерно велико... Видите ли, здесь все дело в различии химических процессов. В первом случае речь идет о предотвращении образования сравнительно простых молекул, а во втором – о расщеплении уже образовавшихся сложных молекул. Это совсем не одно и то же.

– Не могу сообразить, что из этого следует, – сказал Энниус.

– Разве это не ясно? Жизнь на Земле возникла до того, как планета стала радиоактивной. Мой дорогой прокуратор, это единственное объяснение существования жизни на Земле, не противоречащее ни теоретической химии, ни доброй половине всех других наук.

Энниус с удивлением и недоверием смотрел на Арвардана:

– Очевидно, вы шутите?

– Почему?

– Как же планета может стать радиоактивной? Радиоактивные элементы живут в коре планеты миллионы и миллиарды лет. Они должны были существовать практически всегда. Во всяком случае, так нам говорили даже на подготовительных курсах юридического факультета.

– Лорд Энниус, но ведь есть еще так называемая искусственная радиоактивность, которая вырабатывается в гигантских масштабах. Известны тысячи ядерных реакций, в результате которых образуются всевозможные радиоактивные изотопы. Так вот, предположим, что люди использовали какие-то ядерные реакции в промышленности без соответствующих систем конт-

роля и безопасности или даже в качестве оружия, если только можно себе представить войну на одной планете, тогда большая часть почвы на планете должна была приобрести искусственную радиоактивность. Что вы скажете на это?

Кроваво-красное солнце спряталось за вершинами гор, и в лучах заходящего светила тонкое лицо Энниуса тоже, казалось, приобрело красноватый оттенок. Подул легкий вечерний ветерок, и навевающее дремоту жужжание тщательно подобранных видов насекомых, копошащихся вблизи искусственного грунтового слоя, стало еще более умиротворяющим.

— Мне ваша гипотеза представляется в высшей степени умозрительной. Во-первых, я не могу себе представить, что можно использовать ядерные реакции в военных целях или как можно допустить, чтобы эти реакции в такой мере вышли из-под контроля...

— Конечно, сэр, вы склонны недооценивать опасность ядерных реакций, потому что живете в такое время, когда контроль над ними не составляет труда. Ну а если какая-то армия использовала ядерное оружие прежде, чем были разработаны системы защиты? Представьте себе, например, что кто-то начал применять зажигательные бомбы до того, как стало известно, что их можно погасить песком или водой?

— Гм, — сказал Энниус. — Вы говорите, как Шект.

— Кто такой Шект? — оживился Арвардан.

— Землянин. Один из немногих приличных землян. Я имею в виду, такой человек, с которым может разговаривать джентльмен. Он физик. Как-то он мне рассказывал, что, возможно, Земля не всегда была радиоактивной.

- Ах так... Ну что ж, в этом нет ничего удивительного, потому что эта гипотеза была известна задолго до меня. Она изложена в "Книге древних" - передававшейся из поколения в поколение мифической истории древней Земли. Я лишь повторяю то, что написано в этой книге, естественно, переводя ее чрезмерно образные выражения на язык современной науки.

- "Книга древних"? - удивленно и немного испуганно переспросил Энниус. - Где вы могли ее достать?

- В разных местах. Это было не так просто, и каждый раз мне удавалось получить лишь разрозненные части. Конечно, для моих исследований все эти старинные предания о нерадиоактивной Земле, даже очень далекие от науки, чрезвычайно важны... А почему вы спрашиваете?

- Потому что одна из радикальных сект землян считает эту книгу своей святыней. Ее запрещено читать инопланетянам. Разумеется, пока вы на Земле, я не стану болтать направо и налево, что вы ее читали. Здесь жителей других планет линчевали и за менее серьезные проступки.

- Вы говорите так, будто полиция Империи не имеет здесь никакой власти.

- В случаях святотатства не имеет, доктор Арвардан.

Мелодичная музыка перешла в вибрирующий звук, удивительно гармонизировавший с тихим шелестом листвы на деревьях. Звук постепенно затихал, как бы не желая расставаться с прекрасным окружением.

Энниус встал.

- Кажется, подошло время обеда. Не согласитесь ли вы, сэр, присоединиться к нам и насла-

диться таким гостеприимством, какое только может себе позволить этот осколок Империи?

Во дворце Энниуса причины устраивать изысканные обеды появлялись не слишком часто. Очередной повод для такого обеда, пусть и не очень серьезный, не следовало упускать. Прием оказался роскошным: число блюд было невероятно велико, мужчины блистали элегантностью, а женщины покоряли своей обворожительностью. К тому же с доктором Б. Арварданом, прибывшим с планеты Баронн системы Сириуса, носились как со знаменитостью сверх всякой меры.

Арвардан воспользовался обедом, чтобы в завершающей его части повторить всем присутствовавшим многое из того, что накануне он рассказывал Энниусу. Впрочем, на этот раз его зажигательная речь пользовалась заметно меньшим успехом.

К Арвардану наклонился напыщенный джентльмен в форме полковника и снисходительно, как обычно обращаются военные к школьникам, сказал:

– Доктор Арвардан, если я правильно вас понял, вы хотите доказать, что эти негодяи-земляне принадлежат к древней расе, от которой, возможно, когда-то произошло все человечество?

– Полковник, пока я этого не утверждаю, но мне кажется, такая интересная возможность не исключена. Я очень надеюсь, что через год смогу представить исчерпывающие доказательства.

– Доктор, – возразил полковник, – если вы найдете такие доказательства, в чем я очень сомневаюсь, вы меня крайне удивите. Я живу на Земле уже четыре года и накопил немалый опыт. Я считаю этих землян, любого из них, жуликами и мошенниками. В интеллектуальном развитии они явно отстают от нас. В них нет

той искры, благодаря которой человечество расселилось по всей Галактике. Они ленивы, суеверны, скупы, в них нет и намека на благородство души. Покажите мне землянина, который во всех отношениях был бы равен настоящему человеку, – вам или мне, например. Тогда я поверю, что он может быть представителем расы, от которой когда-то произошли и мы. Но до этого, нет, увольте, я никак не могу согласиться с вашей гипотезой.

Осанистый мужчина, сидевший на углу стола, неожиданно добавил:

– Говорят, хороший землянин – это мертвый землянин, но даже и тогда он обычно воняет, – сказал и громко расхохотался.

Арвардан нахмурился и, не отрывая глаз от своей тарелки, сказал:

– Я не хотел бы сейчас обсуждать проблему расовых различий, тем более что она не имеет отношения к обсуждаемому вопросу. Я говорю о доисторических землянах. Их ныне живущие потомки долго были изолированы и оказались в самых необычных условиях, и тем не менее я не стал бы пренебрегать ими.

Арвардан повернулся к Энниусу и сказал:

– Милорд, если мне не изменяет память, перед обедом вы упомянули об одном землянине.

– О землянине? Не помню.

– О физике. Его фамилия Шект.

– Ах да. Да.

– Возможно, вы имели в виду Аффрета Шекта?

– Да. Вы слышали о нем?

– Кажется, слышал. Как только вы называли это имя, я постоянно пытался вспомнить, где я его слышал. Кажется, теперь я понял, кого вы

имели в виду. Он работает в Институте ядерных исследований в... ах, как же называется это проклятое место? – Арвардан стукнул ладонью по лбу. – В Чике?

– Да, это он. Так чем же он вас заинтересовал?

– Только одним. В августовском номере журнала “Успехи физики” была опубликована его статья. Я обратил на нее внимание, потому что меня интересует все, так или иначе связанное с Землей, а во всегалактических журналах статьи землян появляются очень редко... Впрочем, сейчас я хочу сказать другое. Этот человек заявил, что он разработал прибор, названный синапсифайером, который предназначен для улучшения способности млекопитающих к обучению.

– В самом деле? – немного резковато откликнулся Энниус. – Я не слышал об этом.

– Могу дать вам ссылку. Довольно интересная статья, хотя, конечно, я не могу похвастаться, что понял весь ее математический аппарат. Он проводил испытания на местных животных – кажется, они называют их крысами – и потом заставлял их решать задачу. Вы понимаете, о чем я говорю: чтобы получить пищу, животным нужно было найти путь через маленький лабиринт. В качестве контроля он взял крыс, не подвергавшихся действию синапсифайера, и обнаружил, что каждый раз синапсифицированные крысы решали задачу в среднем в три раза быстрее... Полковник, вы понимаете важность этого открытия?

Затеявший дискуссию полковник безразличным тоном ответил:

– Нет, не понимаю.

– Тогда я объясню. Я глубоко убежден, что любой ученый, даже землянин, способный выпол-

нить такую работу, по своему интеллектуальному уровню по меньшей мере не уступает мне и, если простите такое нахальство, вам тоже.

Энниус пересбил Арвардана:

– Прошу прощения, доктор Арвардан. Я хотел бы вернуться к синапсифайсеру. На людях Шект проводил эксперименты?

– Сомневаюсь, лорд Энниус, – рассмеялся Арвардан. – В процессе синапсифицирования погибали девять из десяти крыс. Пока его метод не будет существенно улучшен, едва ли он осмелится проводить опыты на человеке.

Энниус снова сел в кресло. Он нахмурился, до конца обеда ничего не ел и не проронил ни слова.

Ближе к полуночи все еще мрачный и в глубине души чрезвычайно обеспокоенный прокуратор покинул гостей и, предупредив только свою жену, на личном лайнере отправился в двухчасовой полет до города Чика.

Так получилось, что в тот же день, когда Арбин Марен привез Джозефа Шварца в Чику в качестве подопытного для испытаний синапсифайера Шекта, доктор Шект больше часа разговаривал с глазу на глаз не с кем-нибудь, а с самим прокуратором Земли.

4. САМАЯ ПРЯМАЯ ДОРОГА

Арбин чувствовал себя в Чике беспокойно. Ему казалось, что здесь за ним постоянно следят. Где-то в Чике, одном из самых больших городов на Земле, – говорят, в нем пятьдесят тысяч – где-то здесь живут официальные представители великой Галактической Империи.

Вообще-то Арбин никогда не видел человека из Империи, и все-таки здесь, в Чике, он постоянно вертел головой, боясь вот-вот столкнуться с инородцем. Если бы его приперли к стенке, Арбин не смог бы объяснить, как при случайной встрече от сможет отличить инородца от землянина, но до мозга костей был уверен, что какое-то различие между ними есть.

Уже собираясь войти в Институт, Арбин еще раз оглянулся. Его двухколесный автомобиль стоял на открытой площадке; он оплатил шестичасовую стоянку. Может быть, сама необычная обстановка давала пищу его подозрительности?.. Сейчас Арбин боялся всего. Ему казалось, всюду за ним подсматривают, везде его подслушивают.

Только бы этот странный гость не забыл, что должен прятаться на дне заднего отделения. Головой он кивал энергично, но понял ли? Арбин вдруг рассердился: и как только он позволил Гру уговорить себя на такую безумную затею?

Потом дверь перед ним почему-то открылась, и мысли Арбина нарушил голос:

– Так что же вы хотите?

В вопросе слышалось нетерпение, возможно, его задавали уже не в первый раз.

Арбин отозвался охрипшим голосом, слова с трудом срывались с его языка:

– Здесь требуется человек для синапсифайера?

Регистратор внимательно взглянула на него и сказала:

– Поставьте здесь свою подпись.

Арбин заложил руки за спину и хрипло повторил:

– С кем я могу поговорить насчет синапсифайера?

Гру сказал Арбину, как называется эта штука, но все равно слово казалось ему странным, тарабарщиной какой-то.

Регистратор ответила тоном, не допускающим возражений:

– Я ничего не могу сделать для вас, пока вы не распишетесь в книге посетителей. Таковы правила.

Не сказав ни слова, Арбин повернулся. Сидевшая за столом молодая женщина плотно сжала губы и с силой нажала на сигнальную кнопку сбоку от кресла.

Арбин клял себя за нерешительность, он так низко пал в собственных глазах. Женщина смотрела на него внимательно и непреклонно. Она будет помнить его и через тысячу лет. У Арбина появилось почти непреодолимое желание бежать, бежать немедленно к автомобилю, на ферму...

Из соседней комнаты быстро вышел кто-то в белом лабораторном халате, и регистратор указала на Арбина.

– Доброволец для испытаний синапсифайера, мисс Шект, – сказала она. – Не хочет называть своего имени.

Арбин поднял голову. Еще одна женщина, молодая. Он беспокойно огляделся.

– Мисс, не вы ли командуете этой машиной? – спросил он.

– Нет, совсем не командую, – ответила она, очень приветливо улыбнулась, и беспокойство Арбина немного поутихло.

– Впрочем, я могу вас проводить к тому, кто непосредственно занимается прибором, – продолжила мисс Шект и заинтересованно спросила: – Вы действительно добровольно хотите испытывать синапсифайер?

– Я только хотел поговорить с человеком, который распоряжается им, – деревянным голосом ответил Арбин.

– Хорошо, – казалось, резкий ответ совсем не задел ее. Она проскользнула назад в ту же дверь, через которую несколькими минутами раньше вошла. Арбину пришлось немного подождать, потом его поманили рукой.

С бьющимся сердцем Арбин последовал за мисс Шект в небольшую приемную. Мисс Шект сказала:

– Вам придется подождать полчаса, не больше, и доктор Шект примет вас. Сейчас он очень занят... Если хотите быстрее скоротать время, я принесу вам микрофильмы книг и проектор.

Но Арбин покачал головой. Ему казалось, что четыре стены небольшой присмной наглухо сомкнулись и крепко держат его. Неужели он попал в ловушку? Неужели сейчас за ним придут Древние?

Никогда еще в жизни Арбина время не тянулось так медленно.

Для прокуратора Земли лорда Энниуса встретиться с доктором Шектом было несравнимо проще, хотя он испытывал почти такое же волнение, как и Арбин Марен. Место прокуратора Энниус занимал уже четвертый год, но визит в Чику все еще был для него событием. Как полномочный представитель далекой Империи лорд Энниус формально занимал столь же высокое положение, что и вице-короли огромных секторов Галактики, растянувшихся на сотни кубических парсеков космического пространства, но фактически он находился почти в ссылке.

Энниус постоянно жил в стерильной пустоте Гималаев, окруженных бесплодно воющими друг с другом племенами, которые ненавидели и его и всю представляемую им Империю, поэтому даже поездка в Чикку была каким-то избавлением.

Разумеется, любое такое избавление было очень кратковременным. Всегда приходилось ограничиваться короткими визитами, потому что в Чике постоянно, даже ночью, необходимо носить оцинкованную одежду и, что еще хуже, время от времени принимать дозу метаболита.

Энниус горько жаловался Шекту:

— Друг мой, для меня метаболит — это настоящий символ вашей планеты, — сказал он, вертя в руках ярко-красную таблетку. — Метаболит должен ускорять все процессы обмена веществ, пока я сижу здесь, погруженный в радиоактивное облако, которое вы даже не замечаете, — с этими словами Энниус проглотил таблетку.

— Ну вот, — продолжал он, — теперь мое сердце забьется быстрее, мое дыхание участится настолько, насколько организм сочтет необходимым, а в печени с невиданной скоростью пойдут все те химические реакции, которые, как сказали мне медики, и делают печень самой важной химической фабрикой человеческого организма. За все это я заплачу потом приступами головной боли и огромной усталостью.

Доктор Шект слушал Энниуса с усмешкой. Шект производил впечатление очень близорукого человека, но не потому, что носил очки, а потому, что, прежде чем сказать что-то, произвольно останавливал взгляд на предмете, о котором шла речь, и тщательно взвешивал относящиеся к делу факты. Доктор Шект был высо-

ким, худым, слегка сутулым мужчиной чуть старше среднего возраста.

Он много читал о культуре Империи и поэтому был лишен того комплекса враждебного отношения и подозрительности ко всему инопланетному, из-за которого любой другой землянин испытывал отвращение даже к такому космополиту Империи, как лорд Энниус.

– Я уверен, что таблетки вам не нужны, – сказал Шект. – Метаболин – это всего лишь одно из ваших предубеждений, и вам это хорошо известно. Если бы я без вашего ведома заменил метаболин на сахар, вам было бы ничуть не хуже. Больше того, позже в результате психосоматической реакции страдали бы от такой же головной боли.

– Вы говорите это только из желания как-то обелить те условия, в которых вынуждены существовать. Не станете же вы отрицать тот факт, что основные процессы метаболизма в вашем организме протекают быстрее, чем в моем?

– Конечно, нет. Но что из этого следует? Я знаю, в Империи принято считать, что мы, земляне, не такие, как все другие люди, но по сути дела это не так. Или вы прилетели сюда в качестве посланца противников Земли?

Энниус тяжело вздохнул.

– Клянусь жизнью Императора, лучшие такие посланники – ваши соотечественники, земляне. Они с их противоестественным образом жизни, изолированные от всего мира на своей смертельно опасной планете и мучимые выдуманными страхами, – незаживающий нарыв на теле Галактики,

Я говорю серьезно, Шект. Разве есть другая планета, население которой сохранило столько

ритуальных обрядов и до мазохизма ревностно соблюдает их? Дня не проходит, чтобы мне не пришлось принимать делегацию того или иного правительственного учреждения землян с просьбой утвердить смертный приговор какому-нибудь несчастному, единственное преступление которого заключается в том, что он проник в запретную зону, уклонился от выполнения "Закона о шестидесятилетии" или, быть может, всего лишь съел чуть больше положенного.

- Да, это так, но вы всегда утверждаете смертные приговоры. Очевидно, ваше гуманистическое отвращение к смертной казни в таких случаях не способно сопротивляться напору землян.

- Бог свидетель, я борюсь за отмену смертной казни. Но что может сделать один человек? Император хочет, чтобы ни на одной планете Империи не создавалось никаких искусственных препятствий соблюдению местных обычаев. Это мудрое и справедливое положение, потому что только так можно лишить народной поддержки тех проходимцев, которые в противном случае поднимали бы восстание каждую неделю. Кроме того, если бы, вопреки всем вашим Советам, Сенатам и Палатам, я упрямо настаивал на отмене смертной казни, поднялся бы такой крик, такие дикие вопли, такое осуждение Империи и всего, что с ней связано, что я предпочел бы двадцать лет жить среди диких зверей, только не оказаться на десять минут на такой Земле.

Шект вздохнул и пригладил замесно поредевшую шевелюру.

- Для жителей всех остальных планет Галактики Земля - всего лишь песчинка в небе, если, конечно, там вообще знают о нашем существовании. Для нас же Земля - наш дом, боль-

ше того, это единственный дом, который мы знаем. И все же мы не отличаемся от вас, жителей других планет. Просто вам больше повезло. Мы, земляне, вынуждены тесниться на крохотных безопасных участках нашей почти мертвой планеты, мы живем в плену облака радиационного излучения, мы окружены огромной Галактикой, которая отталкивает нас. Что мы можем поделать с непреодолимым ощущением безнадежности своего положения? Вот вы, прокуратор, не будете возражать, если мы пошлем избыточное население Земли на другие планеты?

Энниус пожал плечами.

- Это не мое дело. Решать должно население этих планет. А они не хотят стать жертвами земных болезней.

- Земных болезней! - нахмурился Шект. - Это абсолютнейшая чепуха, которую давно пора забыть. Мы не несем с собой смерть. Вы тоже находитесь среди нас, разве вы уже мертвы?

- Честно говоря, - улыбнулся Энниус, - я делаю все, чтобы свести непосредственные контакты к минимуму.

- Потому что вы сами поддаетесь той пропаганде, которая создается вашими же не слишком умными фанатиками.

- Скажите, Шект, неужели теория о повышенной радиоактивности самих землян лишена всякой научной основы?

- Конечно, не лишена. Земляне радиоактивны. Разве можно вообще избежать радиоактивности? Между прочим, и вы тоже не лишены ее, как и каждый человек на любой из сотни миллионов планет Империи. Вы правы в том, что наш уровень радиоактивности чуть выше, но не настолько, чтобы причинить кому-то вред.

- Но рядовой гражданин Галактики, боюсь, придерживается иного мнения и совсем не склонен проверять это экспериментально. Кроме того...

- Кроме того, вы хотите сказать, что мы вообще принципиально отличаемся от вас. Мы уже не люди, поскольку из-за высокого уровня радиоактивности мутации у нас осуществляются быстрее, и, следовательно, во многих отношениях мы уже изменились... Это тоже не доказано.

- Но это общепринятое мнение.

- Прокуратор, пока такое мнение будет оставаться общепринятым и пока нас, жителей Земли, будут считать париями, вы непременно будете находить в нас такие качества, которые вам претят. Если вы постоянно отталкиваете нас, стоит ли удивляться, что мы катимся назад? Если вы ненавидите нас, стоит ли вам жаловаться, что мы в свою очередь ненавидим вас? Нет, нет, что ни говорите, мы в гораздо большей степени оскорбленные, чем оскорбляющие.

Энниуса огорчила резкость возражений Шекта. Даже лучший из землян, подумал он, и тот так же слеп, так же противопоставляет Землю всей Вселенной.

- Шект, простите мне мою невоспитанность, - тактично сказал Энниус, - хорошо? Считайте, что всему виной моя молодость и мое одиночество. Перед вами несчастный молодой человек (ведь в профессиональной гражданской службе сорок лет - младенческий возраст), который с трудом отрабатывает свой ученический срок здесь, на Земле. Возможно, пройдет еще много лет, прежде чем глупцы из Бюро дальних провинций вспомнят обо мне и пошлют меня на какую-нибудь менее опасную планету. Пока же

мы оба – пленники Земли и одновременно граждане великого мира разума, в котором ни планеты, ни физиологические различия не имеют никакого значения. Дайте мне вашу руку и останемся друзьями.

Морщины на лице Шекта разгладились, точнее, заменились на другие, свидетельствовавшие о хорошем настроении. Он громко рассмеялся.

– Ваши слова – слова человека, просящего прощения, но тон остается прежним, тоном профессионального дипломата Империи. Прокуратор, вы плохой актер.

– В таком случае будьте хорошим учителем и расскажите о вашем синапсифайере.

Шект заметно вздрогнул и нахмурился.

– Как, до вас уже дошли слухи о моем приборе? Да вы не только администратор, но и физик?

– В мою компетенцию входят любые знания. Seriously, Шект, я действительно хотел бы знать о вашем приборе.

Физик внимательно и с видимым сомнением смотрел на собеседника. Он встал, поднял руку с шишковатыми пальцами и задумчиво ущипнул себя за губу.

– Не могу решить, с чего начать.

– Ну, если вы раздумываете, с какого уравнения математической теории вы должны начинать, то я облегчу вашу задачу. Вообще опустите математику. Я совершенно ничего не понимаю в ваших функциях, тензорах и прочем.

Шект мигнул.

– Что ж, тогда если ограничиться только общими словами, то это всего лишь устройство, предназначенное для повышения способности человека к обучению.

- Человека? В самом деле? И оно работает?

- Я хотел бы знать сам. Нам предстоят еще длительные исследования. Я изложу вам, прокуратор, суть дела, а выводы делайте сами. Нервная система человека, как и животных, построена из особых белков - нейропротеинов. Это огромные молекулы, находящиеся в состоянии неустойчивого электронного равновесия. Малейший импульс нарушает равновесие одной молекулы, которая затем возвращается в равновесное состояние, передавая импульс соседней молекуле; далее этот процесс повторяется до тех пор, пока импульс не достигнет мозга. Мозг - это невероятно сложное сочетание аналогичных молекул, связанных друг с другом всеми возможными способами. Поскольку в мозге человека имеется от 10^{10} до 10^{20} молекул таких нейропротеинов - это число выражается единицей с двадцатью нулями, - то число возможных связей между ними равно факториалу $10^{10} - 10^{20}$. Это настолько большая величина, что если имеющиеся во всей Вселенной элементарные частицы сами превратятся в такие же вселенные, а все элементарные частицы этих вселенных еще раз превратятся во вселенные, то число элементарных частиц во всех этих образовавшихся вселенных будет почти бесконечно малой величиной в сравнении с... Вы улавливаете ход моих рассуждений?

- Слава Богу, даже и не пытаюсь. Если бы я попробовал, мне пришлось бы разве что залазать, как собаке, из-за чрезмерного напряжения интеллекта.

- Гм. Хорошо. В любом случае то, что мы называем нервным импульсом, представляет собой всего лишь нарушение электронного равно-

веса, распространяющееся по нервным волокнам вплоть до мозга и затем в обратном направлении. Это понятно?

- Да.

- Что ж, благослови вас Бог за ваши способности. Пока этот импульс распространяется вдоль нервной клетки, его скорость очень высока, потому что внутри клетки нейпротейны практически контактируют друг с другом. Однако нервные клетки не бесконечно велики, и любые две соседние клетки всегда разделяет очень тонкий слой другой ткани. Иными словами, соседние клетки в сущности не связаны друг с другом.

- Ага, - догадался Энниус, - и нервному импульсу приходится преодолевать барьер.

- Вот именно! Мощность импульса и скорость его распространения через границу раздела между клетками уменьшаются пропорционально толщине этой границы раздела. Такая же зависимость характерна и для клеток мозга. Теперь представим, что можно найти какой-то способ уменьшения диэлектрической постоянной границы раздела между клетками.

- Какой постоянной?

- Электрического сопротивления границы раздела. Пожалуй, это все, что я хотел сказать. Если это сопротивление уменьшить, то импульс легче преодолеет границу раздела между клетками. Вы будете думать быстрее и обучаться быстрее.

- Хорошо, тогда я возвращаюсь к своему первому вопросу. Прибор работает?

- Я испытывал его на животных.

- И с каким результатом?

- Ну, большинство животных быстро погибает.

ло из-за денатурации или коагуляции белков мозга, иными словами, белки сворачивались, как сваренное вкрутую яйцо.

Энниус вздрогнул.

- В равнодушии науки скрыта определенная жестокость. А что было с оставшимися в живых?

- Результаты не слишком убедительны, потому что опыты проводились не на человеке. В основном полученные данные вроде бы благоприятны, потому что... Но мне нужны эксперименты на человеке. Видите ли, здесь все дело в естественных электронных свойствах мозга каждого индивидуума. В мозге любого человека рождаются микротоки, складывающиеся в определенную сложную схему. Не бывает двух людей, у которых эти схемы полностью совпадали бы. В этом смысле они подобны отпечаткам пальцев или рисунку кровеносных сосудов на сетчатке глаза. Если на то пошло, то схемы микротоков мозга даже более индивидуальны. Я полагаю, что при воздействии нашим прибором на человека необходимо учитывать эту индивидуальность; если я прав, то случаев денатурации мозга больше не будет... Но у меня нет человека, на котором я мог бы доказать экспериментально свое предположение. Я приглашал добровольцев, но... - и Шект развел руками.

- Старина, я никак не могу винить их, - сказал Энниус. - Но, серьезно, предположим, ваш прибор доведен до совершенства. Что вы собираетесь с ним делать?

Физик пожал плечами.

- Решать буду не я. Разумеется, последнее слово будет за Большим советом.

- Вы не считаете, что ваше изобретение должно стать достоянием всей Империи?

– Я? У меня нет ни малейших возражений. Но только Большой совет имеет право...

– О, – нетерпеливо перебил Энниус, – к черту ваш Большой совет. Я уже имел с ним дело. Вы не хотите как-нибудь поговорить с членами этого совета?

– Зачем? Как я могу на них повлиять?

– Вы могли бы сказать им, что если Земля наладит выпуск совершенно безопасных для человека синапсифайеров и эти приборы станут доступными для жителей любой планеты Галактики, то, возможно, будут частично сняты ограничения на эмиграцию землян в другие звездные системы.

– А как же, – не удержался от сарказма Шект, – опасность эпидемий, принципиальные различия между нами и всеми людьми Империи, наша противоестественная природа?

– Вы даже могли бы, – спокойно продолжал Энниус, – переселить большую часть населения Земли на другую планету. Подумайте над моим предложением.

Тут дверь открылась, и мимо шкафа с микрофильмами книг в комнату прошла молодая девушка. Она внесла в затхлую атмосферу рабочего кабинета, где уединились двое мужчин, свежее дыхание весны. Заметив гостя, девушка слегка покраснела и остановилась.

– Входи, Пола, – поспешно сказал Шект и обратился к Энниусу. – Милорд, кажется, вы не встречались с моей дочерью. Пола, это лорд Энниус, прокуратор Земли.

Прокуратор встал; он был раскован и галантен, и Пола сразу же отказалась от дикой попытки приветствовать гостя реверансом.

– Дорогая мисс Шект, – сказал Энниус, – я никогда и предположить не мог, что Земля способна произвести на свет такую прелесть. Без

сомнения, вы были бы украшением любой планеты, какую я только в состоянии представить.

Он взял Полу за руку, которую она быстро и немного смущенно протянула в ответ на его жест. На мгновение могло показаться, что Энниус по правилам древнего этикета собирается поцеловать ее, но это намерение, если таковое вообще было, так и осталось намерением. Чуть подняв руку Полы, Энниус сразу – быть может, даже излишне резко – отпустил ее.

Чуть-чуть нахмурившись, Пола сказала:

– Милорд, я поражена той любезностью, которую вы оказываете простой девушке Земли. Вы настолько смелы и галантны, что даже пренебрегаете опасностью инфекции.

Шект прокашлялся и прервал дочь:

– Прокуратор, моя дочь заканчивает учебу в университете города Чика и получает необходимые практические навыки, работая два дня в неделю в моей лаборатории в качестве лаборантки. Способная девушка. Наверное, во мне говорит отцовская гордость, но, мне кажется, в дальнейшем она может занять мое место.

– Отец, у меня важная новость, – тихо сказала Пола и замялась.

– Мне выйти? – спокойно спросил Энниус.

– Нет, нет, – ответил Шект. – Что за новость, Пола?

– Отец, пришел доброволец, – сказала девушка.

От удивления у Шекта округлились глаза, он ошеломленно смотрел на дочь.

– Для испытаний синапсифайера?

– Так он говорит.

– Что ж, – сказал Энниус, – вижу, я принес вам удачу.

- Кажется, это действительно так, - сказал Шект и повернулся к дочери. - Скажи, чтобы он немного подождал. Пригласи его в комнату С, я скоро подойду.

Когда Пола вышла, Шект снова обратился к Энниусу.

- Извините, прокуратор, я свободен?

- Конечно. Сколько времени займет операция?

- Боюсь, несколько часов. Вы хотите наблюдать за ходом операции?

- Дорогой Шект, для меня нет более отвратительного зрелища. Кроме того, сегодня я должен быть в Государственной палате. Вы сообщите мне о результатах?

- Да, конечно, - с видимым облегчением ответил Шект.

- Хорошо... И подумайте о моем предложении относительно синапсифайера. О вашей новой самой прямой дороге к знаниям.

После визита к Шекту Энниус обеспокоился еще больше; он не узнал ничего нового, а его опасения только усилились.

5. ДОБРОВОЛЕЦ ПОНЕВОЛЕ

Оставшись один, доктор Шект спокойно и не спеша нажал кнопку вызова. Тотчас же быстрой походкой вошел молодой лаборант в ослепительно белом халате с тщательно зачесанными назад длинными каштановыми волосами.

- Пола сказала вам... - начал Шект.

- Да, доктор Шект. Я наблюдал за ним через смотровое окно. Без сомнения, это настоящий доброволец. Он, конечно, не из тех, кого нам обычно специально подсылают.

- Как вы думаете, должен ли я сообщить Большому совету?

- Не знаю, что и порекомендовать. Совет против любых обычных средств связи, вы же знаете, все они легко прослушиваются, - сказал лаборант и более энергичным тоном добавил: - Я могу и отделаться от него. Можно, например, сказать, что нам нужны мужчины моложе тридцати. А ему не меньше тридцати пяти.

- Нет, нет. Лучше я сам поговорю с ним.

Разные мысли холодным вихрем пронеслись в голове Шекта. До сих пор ему всегда удавалось найти самое разумное решение. Он давал ровно столько информации, сколько требовалось для кажущейся откровенности, и не более того. И вот настоящий доброволец, к тому же он появился сразу после визита Энниуса. Простое совпадение или что-то другое? Шект имел самое смутное представление о тех таинственных гигантских силах, которые именно сейчас начинали борьбу на исковерканной планете. И все же он знал достаточно. Достаточно для того, чтобы чувствовать, что его жизнь полностью зависит от Древних, и уж, конечно, намного больше, чем мог бы предположить любой из них.

Но что он мог сделать, если его жизнь подвергалась опасности по меньшей мере с двух сторон?

Через десять минут доктор Шект беспомощно вглядывался в стоявшего перед ним угловатого фермера, который, не выпуская шапки из рук, отвернулся в сторону, как бы стараясь уйти от слишком внимательного взгляда. Конечно, ему еще нет сорока лет, думал Шект, просто нелегкая жизнь фермера обычно не красит человека. Даже плотный загар не мог скрыть румянца на щеках

фермера, а на лбу и висках у него выступили капельки пота, хотя в комнате было прохладно. Фермер беспокойно мял в руках шапку.

– Итак, сэр, – любезным тоном начал Шект, – мне сообщили, что вы отказываетесь назвать свое имя?

– Мне сказали, что добровольцам не будут задавать никаких вопросов, – упрямо твердил Арбин.

– Гм. Ну что ж, может быть, вы все-таки хотите что-нибудь сказать? Или ваше единственное желание – немедленно лечь на операцию?

– Мне? Здесь, сейчас? – в панике крикнул Арбин. – Доброволец-то не я. Я не говорил ничего такого, чтобы можно было подумать, что я доброволец.

– Не вы? Вы хотите сказать, что доброволец – это другой человек?

– Конечно. Я хотел только...

– Понятно. Этот другой человек с вами?

– Можно сказать и так, – осторожно ответил Арбин.

– Хорошо. Теперь давайте сделаем так. Вы расскажете то, что сочтете нужным. Все, что вы скажете, останется между нами, а мы поможем всем, что будет в наших силах. Договорились?

Фермер быстро кивнул. Очевидно, он хотел выразить согласие и одновременно почтение.

– Спасибо. Значит, сэр, дело обстоит так. У нас на ферме есть человек, наш дальний ... ну... родственник. Он нам помогает, вы понимаете...

Арбин с трудом проглотил слюну, а Шект с серьезным видом одобрительно кивнул.

– Он очень хорошо и охотно работает... – продолжал Арбин. – У нас, видите ли, был сын, но он умер... моей доброй жене и мне самому, видите ли, нужен помощник.. у нее не все в

порядке со здоровьем... без него мы бы едва ли вытянули... – Арбин понял, что его рассказ почему-то получается не очень складным.

Но мрачноватый ученый только еще раз кивнул.

– И этого родственника вы хотите отдать на операцию? – уточнил он.

– Нуда, а разве я этого не сказал?.. Вы простите, что я так длинно рассказываю. Видите ли, бедолага не совсем... не совсем в своем уме, – сказал Арбин и поторопился пояснить: – Нет, он не больной, понимаете. Он не так уж плох, чтобы его нужно было отдать. Просто делает все медленно. И, понимаете, не говорит.

– Не умеет говорить? – удивился Шект.

– Нет, говорить он умеет. Но просто не любит. Он говорит, но плохо.

Физик засомневался.

– И вы хотите, чтобы синапсифайер улучшил его умственные способности, да?

Арбин не торопясь кивнул.

– Сэр, если бы он знал чуть больше, ну, тогда, видите ли, он смог бы выполнять кое-какую работу, какую не может сделать моя жена.

– Не исключено, что он умрет. Это вы понимаете?

Арбин беспомощно посмотрел на Шекта, а его пальцы еще энергичнее принялись мять шапку.

– Мне необходимо его согласие, – сказал Шект.

Фермер все так же медленно и упрямо покачал головой.

– Он не поймет, – сказал он и настойчиво, почти шепотом продолжил: – Судите сами, сэр, я уверен, вы поймете меня. Вы не похожи на человека, который не знает, что такое тяжелая жизнь. Этот наш родственник стареет. О шестидесяти пока речи нет, понимаете, ну а вдруг в

следующую перепись его примут за полоумного и... и заберут? Мы бы не хотели его терять, вот поэтому и привезли сюда.

А почему я не говорю своего имени, – и Арбин произвольно обшарил глазами стены, будто хотел пронзить их взглядом и обнаружить за ними подслушивающие устройства, – так это потому что, ну, вдруг Древним не понравится то, что я делаю. Может, пытаться спасти больного считается нарушением законов, но ведь жизнь так трудна, сэр... И вам он будет полезен. Ведь вы спрашивали добровольцев.

– Знаю. Где ваш родственник?

Арбин постарался не упустить момент.

– На улице, в моем двухколесном, если его еще никто не обнаружил. Если что случится, так он и защитит себя не сумеет...

– Хорошо, будем надеяться, что с ним ничего не случилось. Сейчас мы с вами выйдем и загоним автомобиль в подвальный гараж. Я сделаю так, что кроме нас и моих помощников никто не узнает о его присутствии. Уверяю вас, со стороны Братства вам ничто не угрожает.

Шект дружески обнял Арбина за плечи. Арбин судорожно улыбнулся; у него было такое ощущение, будто с его шеи соскользнула веревка.

Шект оглядел лежавшего на кушетке плотного, заметно облысевшего мужчину. Пациент был в бессознательном состоянии, но дышал глубоко и ритмично. Он говорил что-то совершенно неразборчивое и не понимал ни слова. Тем не менее у него не обнаружили никаких симптомов слабоумия. Если сделать скидку на возраст, все рефлексы тоже были в норме.

Возраст! Это настоящая проблема.

Шект бросил взгляд на Арбина, который неотрывно наблюдал за происходящим.

– Вы не будете возражать, если мы сделаем анализ костной ткани?

– Нет! – выкрикнул Арбин, потом спокойнее добавил: – Не надо делать ничего, что могло бы помочь выяснению личности.

– Если бы мы знали его возраст, это помогло бы... было бы безопаснее, знаете ли... – сказал Шект.

– Ему пятьдесят, – коротко ответил Арбин.

Физик пожал плечами: в конце концов, это неважно. Он снова взглянул на спящего пациента. Когда его привели, он был подавлен, угнетен и совершенно безразличен ко всему окружающему или по крайней мере казался таким. Даже наркотические таблетки, очевидно, не вызвали у него никакого подозрения. Когда ему предложили эти таблетки, он судорожно улыбнулся и быстро проглотил их.

Лаборант уже вкатывал последний из множества довольно неуклюжих блоков, которые все вместе и составляли синапсифайер. При нажатии кнопки произошла перестройка молекул в поляризованных стеклах окон операционной, и они стали матовыми. Единственным источником света в операционной была очень яркая белая лампа, излучавшая ослепительный холодный свет прямо на пациента. Сам пациент висел в мощном магнитном поле в двух дюймах над операционным столом, к которому его только что перенесли.

Арбин сидел в темном углу. Он ничего не понимал, но был полон решимости уже одним своим присутствием предотвратить опасные фокусы, о которых он не имел ни малейшего

представления, но, впрочем, отдавал себе в этом полный отчет.

Физики не обращали на него внимания. На черепе пациента укрепили электроды. Это отняло много времени. Сначала методом Уэльстера тщательно изучили структуру черепа, выявив извилистые плотно подогнанные швы. Про себя Шект мрачно усмехнулся. Швы на черепной коробке нельзя считать точной мерой возраста, но в этом случае вывод был очевиден: этому человеку было не пятьдесят лет, как сказал фермер, а гораздо больше.

Потом Шект перестал улыбаться. Он нахмурился. Со швами было что-то не так. Они казались какими-то странными, не совсем...

В какой-то момент Шект был готов поклясться, что структура черепа пациента очень примитивна, даже атавистична, но потом... Впрочем, этот пациент был умственно отсталым. Почему бы и нет?

Вдруг потрясенный Шект вскрикнул:

– Как же я не заметил раньше? У него на лице растут волосы! – и обернулся к Арбину. – Он всегда был бородатым?

– Бородатым?

– С волосами на лице! Подойдите сюда! Разве вы не видите?

– Да, сэр, – Арбин торопливо соображал. Действительно, утром он заметил волосы на лице этого странного гостя, а потом про них забыл. – Он таким и родился, – стал объяснять Арбин, но сразу же уточнил: – Я так думаю.

– Ну так давайте удалим все это. Вы же не хотите, чтобы он был похож на дикого зверя, правда?

– Нет, сэр, не хочу.

Лаборант в защитных перчатках наложил на лицо пациента депиляторную мазь, и волосы без труда были удалены.

— Доктор Шект, у него и на груди волосы, — сказал лаборант.

— Боже милостивый! — изумился Шект. — Дайте мне взглянуть. Вот это да! Человек, заросший шерстью! Оставьте как есть. Под рубашкой все равно ничего не будет видно, а нам нужно торопиться с установкой электродов. Укрепите провода здесь, здесь и здесь, — лаборант ввел крохотные иголки и присоединил платиновые заколки для волос. — Еще здесь и здесь.

Через кожу в черепные швы пациента ввели десятки электродов, напряжение на которых отражало тончайшие изменения силы микротоков, перетекавших от одной клетки мозга к другой.

Физики внимательно наблюдали за показаниями высокоточных приборов, стрелки которых резко дергались или плавно двигались по шкале по мере того, как в мозг пациента вводили новые электроды или извлекали из него уже ненужные. Миниатюрные точечные самописцы вырисовывали на диаграммных лентах сложнейшую паутину нерегулярно чередующихся пиков и впадин.

Потом ленты сняли и положили на освещенное снизу матовое стекло. Физики склонились над графиками и зашептались.

До Арбина долетали только обрывки фраз: "...удивительно регулярное... обратите внимание на высоту пиков в квадруплете... думаю, это нужно изучить тщательнее... видно невооруженным глазом...".

Затем началась настройка синапсифайсра, казалось, она длится целую вечность. Не сводя

глаз со стрелок приборов, лаборанты крутили какие-то ручки, потом их закрепляли и записывали показания, еще и еще раз проверяли приборы и вновь их настраивали.

Шект улыбнулся Арбину и сказал:

– Скоро все кончится.

На спящего пациента надвинули большой прибор, похожий на медлительное и голодное чудовище. К его рукам и ногам подвели четыре длинных провода, а на шее чуть ниже затылка тщательно установили матовую черную подушечку из похожего на эбонит материала и жестко закрепили ее зажимами, опиравшимися на плечи. Наконец два противоположно заряженных электрода разъединились и спустились к бледному полному лицу пациента так, что каждый электрод нацелился на висок.

Шект не сводил глаз с хронометра, а в руке крепко держал переключатель. Он нажал на кнопку – никаких видимых изменений, даже обостренное страхом внимание Арбина ничего не отметило. Спустя какое-то время – Арбину показалось, что через несколько часов, хотя на самом деле прошло меньше трех минут, – Шект снова нажал на кнопку.

Его помощник торопливо наклонился над еще спящим Шварцем и с видом победителя выпрямился:

– Он жив.

Еще несколько часов ушло на то, чтобы собрать целую библиотеку диаграммных лент. Физики были предельно возбуждены. Полночь уже давно миновала, когда действие наркоза кончилось и веки спящего задрожали.

Бледный, но счастливый Шект отступил на шаг. Он провел ладонью по лбу и сказал:

– Все отлично.

Потом Шект обернулся к Арбину:

– Сэр, пациент должен остаться у нас на несколько дней, – не допускающим возражений тоном сказал он.

На лице Арбина отразилось страшное беспокойство:

– Но... но...

– Нет, нет, положитесь на меня, – настойчиво продолжал Шект. – Здесь он будет в безопасности, я поставлю на карту свою жизнь. В сущности, я уже так сделал. Оставьте вашего родственника у нас, его никто не увидит, кроме меня и моих помощников. Если заберете его сейчас, он может умереть. Что вы выиграете?.. А если он умрет, вам придется объяснять Древним, откуда взялся труп.

Последний довод Шекта оказался решающим. Арбин проглотил слюну и сказал:

– Но послушайте, как я узнаю, когда мне нужно приезжать за ним? Я не собираюсь оставлять здесь свой адрес.

Впрочем, он уже согласился с Шектом.

– Я не прошу вас сообщать мне имя и адрес, – ответил Шект. – Приезжайте ровно через неделю, в десять часов вечера. Я буду ждать вас у того самого гаража, в который мы поставили ваш автомобиль. Вы должны верить мне, вам нечего бояться.

Лишь вечером Арбин выехал из Чики. Прошло только двадцать четыре часа с той минуты, как к ним постучался этот странный гость, а за это время Арбин успел уже удвоить свою вину перед законом. Будет ли он когда-нибудь снова в безопасности?

Арбин не мог удержаться и оглянулся на до-

рогу, по которой мчался его двухколесный автомобиль. А вдруг за ним кто-нибудь гонится? Кто-то выслеживает дорогу к его дому? Или его уже сфотографировали, и теперь в архивах Братства в далеком Вашэнне, где хранятся основные данные о всех живых землянах, помогающие следить за выполнением "Закона о шестидесятилетии", кто-то неторопливо сравнивает его фотографию с фотографией из архива?

В конце концов любому землянину приходится подчиниться этому закону. Самому Арбину до шестидесяти еще добрая четверть века, и все-таки он ежедневно нарушал этот закон, сначала спрятав Гру, а теперь вот еще и не сообщив о госте.

А если ему вообще не возвращаться в Чику?

Нет! Он и Лоа долго не смогут работать за троих, а как только они не выполнят задание, откроется и их первое преступление – укрывательство Гру. Вот так одно нарушение законов обязательно тянет за собой другое.

Арбин знал, что он вернется, вернется, несмотря ни на что.

Уже после полуночи Шект вспомнил об отдыхе, да и то только потому, что на этом настаивала обеспокоенная Пола. Но заснуть он так и не смог. Казалось, подушка превратилась в хитроумное приспособление для удушения, а простыни стали парой взбесившихся живых клубков. Шект встал с постели и сел у окна. Город был погружен в темноту, но за озером весь горизонт светился голубым цветом смерти; это свечение прочно удерживалось почти по всей Земле, за исключением нескольких крохотных ее участков.

Мысленно Шект снова переживал все события этого сумасшедшего дня. Уговорив насмерть перепуганного фермера уехать домой, он сразу связался по видеотелефону с Государственной палатой. Должно быть, Энниус ждал сообщения, потому что сам подошел к аппарату. Он по-прежнему был в броне освинцованной одежды.

- А, Шект, добрый вечер. Ваш эксперимент закончен?

- И мой доброволец, бедняга, тоже чуть не кончился.

Энниус выглядел нездоровым.

- Значит, я правильно решил не оставаться. Мне кажется, вы, ученые, недалеко ушли от убийц.

- Прокуратор, он еще жив, возможно, мы спасем его, но... - и Шект пожал плечами.

- На вашем месте, Шект, в дальнейшем я бы ограничился экспериментами на крысах... Но, дружище, вы сами на себя не похожи. В отличие от меня вы-то должны были уже привыкнуть к такому исходу.

- Видно, я старею, милорд, - просто ответил Шект.

- На Земле это опасно, - сухо заметил Энниус. - Идите спать, Шект.

И вот теперь Шект сидел у окна и смотрел на темный город и умирающую планету.

Вот уже два года он испытывал синапсифайер и все это время был послушным рабом Общества древних, или Братства, как они сами его называли, и игрушкой в их руках.

Он подготовил семь-восемь статей, которые вполне можно было бы опубликовать в "Журнале нейрофизиологии системы Сириуса" и которые принесли бы ему столь долгожданную всегалактическую известность. Все статьи плесневе-

ли в его столе. Но зато появилась двусмысленная и даже намеренно вводящая читателя в заблуждение статья в "Успехах физики". Братство всегда поступало так. Лучше полуправда, чем ложь.

И все же Энниус заинтересовался синапсифайером. Почему?

Почувствовал ли Энниус какую-то связь с теми сведениями, которые он получил по другим каналам? Подозревал ли Энниус то, о чем сам Шект уже давно серьезно задумывался?

За последние двести лет Земля восставала трижды. Под претенциозным знаменем восстановления величия своей древней истории Земля три раза сражалась с гарнизонами Империи. Конечно, все три раза земляне потерпели поражение, и, если бы не гуманность руководителей Империи и не политическая гибкость Галактических советов, Земля была бы давно и жестоко вычеркнута из списка обитаемых планет.

Но теперь все может обернуться по-другому... Может ли? Насколько стоит доверять словам умирающего сумасшедшего, три четверти которых и разобрать было невозможно?

Что толку от таких мыслей? Но как бы то ни было, он ничего не станет предпринимать. Он стареет, а на Земле, как верно заметил Энниус, это опасно. Скоро "Закон о шестидесятилетии" доберется и до него; от этого удастся ускользнуть лишь немногим.

И тем не менее Шект хотел жить, жить даже на этом ничтожном, заживо горящем комке грязи, который называют Землей.

С этой мыслью Шект снова улегся в постель. Уже засыпая, он как бы между прочим подумал, что его разговор с Энниусом могли подслу-

шать Древние. В ту пору он еще не знал, что у Древних есть другие источники информации.

Утром молодой лаборант Шекта наконец принял решение.

Он был в восторге от Шекта как от ученого, но вместе с тем понимал, что тайные испытания синапсифайера на никому не известном добровольце являются нарушением недвусмысленного приказа Братства. А этому приказу был придан статус закона, что автоматически превращало нарушение приказа в серьезное преступление.

Он все продумал. В конце концов, кто был этот мужчина, на котором они испытывали прибор? Кампания по подбору добровольцев разработана очень тщательно. Наружу должно было просочиться ровно столько информации, сколько необходимо для того, чтобы усыпить бдительность возможных шпионов Империи и в то же время практически оттолкнуть любого потенциального добровольца. Общество древних подсылало под видом добровольцев своих агентов, разве этого недостаточно?

А кто же тогда послал этого человека? Общество древних в тайне от всех, чтобы проверить надежность Шекта?

Или сам Шект был предателем? В тот день непосредственно перед испытаниями он уединился с кем-то, кто был в очень просторной одежде, какую обычно носят инородцы, опасаясь радиационного поражения.

В любом случае дела Шекта плохи, так что же, ему тоже нужно погибать? Он еще совсем молод, ему можно жить еще почти сорок лет. И почему он должен закончить свою жизнь раньше шестидесяти?

Кроме того, для него это означало бы повышение... Шект так стар, что скоро будет отсеян, возможно, уже при следующей переписи. Хуже ему уже не будет. Вообще, дни Шекта сочтены, так что донос не принесет Шекту практически никакого вреда.

Лаборант решился. Он протянул руку к коммуникатору и набрал комбинацию цифр, которая соединила его непосредственно с личными апартаментами Верховного министра всей Земли, во власти которого была жизнь любого землянина и который лишь формально подчинялся Императору и прокуратору Земли.

Только вечером следующего дня в раскалывавшейся от тупой боли голове Шварца смутные впечатления стали приобретать более отчетливые очертания. Он вспомнил, как они подъехали к комплексу низких, беспорядочно разбросанных возле озера зданий, как потом он долго ждал, скрючившись в три погибели у заднего сиденья автомобиля.

А потом... что? Что было потом? Шект вяло и безуспешно пытался вспомнить... Да, за ним пришли. Потом была какая-то комната, в ней какие-то приборы, потом две таблетки... Да, так и было. Ему дали таблетки, и он с радостью проглотил их. Что ему было терять? Отравление было бы настоящим избавлением.

А потом... ничего.

Подожди! Были проблески сознания... Над ним склонились чьи-то головы... Вдруг он вспомнил, как по его груди водили холодным стетоскопом... Потом какая-то девушка кормила его.

Шварца осенило: его опсировали! В панике он отбросил простыни и сел.

Девушка взяла его за плечи и заставила снова лечь на подушку. Она склонилась над ним, говорила что-то успокаивающее, но Шварц не понял ни слова. Он попытался сопротивляться, но у него не было сил, он не смог противостоять даже слабым рукам девушки.

Шварц поднес ладони к лицу. Руки вроде бы остались прежними. Он подвигал ногами и слышал шелест простыней. Значит, ноги тоже не ампутировали.

Шварц повернулся к девушке и, не особенно надеясь получить ответ, спросил:

- Вы понимаете меня? Вы знаете, где я нахожусь?

Даже собственный голос показался ему чужим.

Девушка улыбнулась, неожиданно быстро говорила; ее речь показалась Шварцу мелодичной скороговоркой, и он застонал. Потом вошел пожилой мужчина, тот самый, который дал ему таблетки. Мужчина обсудил что-то с девушкой, она снова повернулась к Шварцу, показала на его губы и жестами попросила что-то сделать.

- Что? - не понял Шварц.

Девушка живо кивнула, и ее симпатичное лицо засветилось от радости. С удивлением Шварц понял, что ему приятно смотреть на нее.

- Вы хотите, чтобы я говорил? - спросил он.

Мужчина сел на кровать и жестом приказал Шварцу открыть рот.

Он сказал: "А-а-а", и Шварц повторил: "А-а-а", а мужчина тем временем массировал его кадык.

- В чем дело? - раздраженно спросил Шварц, когда мужчина убрал руки. - Вас удивляет, что я могу говорить? За кого вы меня принимаете?

День проходил за днем, и Шварц понемногузнакомился с новой для него обстановкой. Мужчину звали доктор Шект, он оказался первым человеком, имя которого Шварц узнал после того, как перешагнул через тряпичную куклу. Девушка была его дочерью, ее звали Пола. Шварц обнаружил, что ему больше не нужно бриться, потому что волосы на лице не росли. Это его немного испугало. Неужели они так никогда и не будут расти?

Силы Шварца быстро восстанавливались. Ему разрешили одеться и ходить по комнате, да и кормили его не только кашей.

Так что же, значит, это все-таки была потеря памяти? Его лечили от амнезии? Тогда получается, что этот мир нормален и естествен, а то, что, как ему казалось, он помнил, — всего лишь плод болезненно воспаленного воображения?

Ему никогда не разрешали выходить из комнаты, даже в коридор. Неужели он в заключении? Может быть, он совершил какое-нибудь преступление?

Нигде и никогда невозможно так безнадежно заблудиться, как в бесконечно сложном лабиринте собственного разума, в который никто другой не в состоянии проникнуть, чтобы спасти тебя. Нет и не было на свете болсе беспомощного существа, чем человек, лишившийся памяти.

Пола испытывала удовольствие, обучая Шварца говорить. Его несколько не удивила легкость, с которой он запоминал звучание и смысл слов. В конце концов, раньше у него была очень цепкая память, по крайней мере, это воспоминание оказалось не ложным. Через два

дня он уже понимал простые предложения. Через три – мог объясниться и сам.

На третий день, однако, произошло нечто поразительное. Шект обучал его арифметике и предлагал простые задачи. Шварц отвечал на вопросы, решал задачи, а Шект смотрел на таймер и быстро записывал результаты. Потом Шект рассказал Шварцу об основах логарифмического исчисления и попросил ответить, чему равен логарифм двух.

Шварц тщательно подбирал слова. Его лексикон был еще очень ограничен, и он подкреплял свои фразы жестами.

– Я... не ... говорить. Ответ... не... число.

Шект возбужденно закивал и подтвердил:

– Не число. Ни это, ни то, частично это, частично то.

Шварц хорошо понял, что Шект считал его ответ правильным: он хотел сказать, что логарифм двух – это не целое, а дробное число, и поэтому уточнил:

– Ноль, запятая, а после запятой три, ноль, единица, ноль, три... и еще много... цифр.

– Достаточно!

Вот тут и настала очередь Шварца удивляться. Каким образом он узнал ответ? Шварц был уверен, что никогда прежде не слышал о логарифмах, и тем не менее в его сознании ответ родился сразу же после того, как был сформулирован вопрос. Шварц не имел ни малейшего представления, каким образом можно вычислить эту величину. Впечатление было такое, будто его мозг работал совершенно самостоятельно и лишь использовал Шварца в качестве рупора.

А может быть, когда-то, еще до потери памяти, он был математиком?

Для Шварца каждый последующий день тянулся намного дольше, чем предыдущий. В нем росла уверенность, что он должен вырваться из этого дома и попытаться найти ответ на мучившие его вопросы в большом мире. Он никогда ничего не узнает, находясь в заточении в этой комнате, где (эта мысль пришла ему в голову неожиданно) он всего лишь подопытный кролик.

Такая возможность представилась на шестой день. Хозяева стали слишком доверять Шварцу, и однажды Шект, уходя, не закрыл за собой дверь. Обычно дверь закрывалась настолько плотно, что в стене не оставалось ни малейшей щелочки, а на этот раз между дверью и стеной осталась щель в четверть дюйма шириной.

Шварц немного выждал, чтобы убедиться, что Шект не вернется, потом медленно, как это часто делали хозяева, положил руку на небольшой светящийся шар. Дверь, бесшумно и легко скользнув, открылась... В коридоре не было ни души...

И Шварц "сбежал".

Разве он мог знать, что все эти шесть дней агенты Общества древних непрерывно следили за госпиталем, за его комнатой, за ним самим?

6. НОЧНЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ

По ночам дворец прокуратора едва ли чем-нибудь уступал сказочной стране. Свисавшие гирляндами большие белые цветы (не земные, а завезенные с других планет) раскрывали лепестки и наполняли воздух своим нежным ароматом до самых стен дворца. В стены, изготовленные из алюминиевого сплава, были искусно вплетены полосы синтетического силикатного материала, которые в поляризованном лунном све-

те превращались в причудливый светло-фиолетовый узор на блестящем металлическом фоне.

Энниус смотрел на звезды. В них заключалась настоящая красота, потому что звезды были Империей.

Небо над Землей не имело ослепительного блеска неба над центральными планетами, где звезды располагались так тесно, что ночная темнота отступала перед их сиянием. Оно не обладало и величием неба над периферийными планетами, невероятную черноту которого лишь изредка нарушали одинокие тусклые звездочки; там линза галактического Млечного Пути тянулась через все небо и отдельные звезды Галактики терялись в ее сплошном алмазном блеске.

С Земли можно было видеть одновременно две тысячи звезд. Энниус отыскал Сириус, вокруг которого обращалась одна из десяти самых населенных планет Империи. Вот система Арктура – здесь находится столица сектора, в котором он родился. Светило Трантора, столицы Империи, затерялось где-то в Млечном Пути. Даже в телескоп его было видно лишь как чуть более яркую точку на сияющем фоне.

Энниус почувствовал, как на его плечо осторожно легла чья-то нежная рука, и накрыл ее своей ладонью.

– Флора? – шепотом спросил он.

– Угадал, – немного насмешливо ответила его жена. – Ты знаешь, что ты ни минуты не спал после возвращения из Чики? Ты знаешь, что совсем скоро наступит рассвет?... Может быть, уже пора принести завтрак?

– Хорошая мысль, – Энниус ласково улыбнулся, в темноте нащупал каштановый локон, спустившийся Флоре почти на щеку, и потрепал

его. - И тебе тоже приходится не спать и прятать в темноте самые прекрасные глаза во всей Галактике?

Флора убрала локон и мягко ответила:

- Ты хочешь обмануть меня своими комплиментами, но я не раз видела тебя в подобном состоянии, поэтому меня не удастся провести. Что теперь тебя беспокоит, дорогой?

- То же, что и всегда. Что я заживо похоронил тебя здесь, тогда как во всей Галактике нет такого двора вице-короля, который бы ты собой не украсила.

- Перестань, Энниус! Я говорю серьезно.

В темноте Энниус покачал головой и ответил:

- Не знаю. Думаю, меня начинают раздражать какие-то факты, вроде бы ничего не значащие сами по себе, но все вместе - загадочные. Сначала Шект с его синапсифайером. Потом этот археолог Арвардан и его теории. И еще многое, многое другое. О, Флора, что толку вспоминать все мелочи... от меня здесь нет никакой пользы.

- Мне кажется, раннее утро не самое подходящее время для самоанализа.

Энниус не обратил внимания на замечание жены и, стиснув зубы, продолжал:

- Ох эти земляне! Почему какая-то ничтожная кучка людей должна быть тяжким грузом для всей Империи? Помнишь, Флора, когда меня только назначили прокуратором, помнишь, как мой предшественник, старый Фарул, предупреждал меня о трудностях?... Он был прав. Честно говоря, нужно признать, что старик сказал далеко не все. Тогда я только посмеялся над ним, а про себя подумал: очередная жертва

собственного старческого бессилия. Я был молод, активен, смел. Мне все было нипочем, – Энниус замолчал, задумался, потом, как бы потеряв мысль, продолжил: – И все же слишком много совершенно независимых друг от друга источников говорят, кажется, об одном и том же: эти земляне снова мечтают о восстании, – Энниус взглянул на жену. – Ты знаешь главную догму Общества древних? Она гласит, что когда-то Земля была единственным домом человечества, что Земле предназначено быть центром Вселенной, что только земляне являются истинными представителями человеческой расы.

– Но ведь и Арвардан говорил нам то же самое два дня назад?

В такие минуты лучше всего было дать Энниусу возможность выговориться.

– Да, говорил, – мрачно подтвердил Энниус. – Но он-то имел в виду только прошлое планеты. А Общество древних думает и о будущем. Они говорят, что Земля снова будет центром всего человечества. Больше того, они утверждают, что приближается мифическое второе царство Земли, и предупреждают о грядущей всемирной катастрофе, в которой погибнет Империя, а Земля выйдет победительницей и восстановит свой первоначальный блеск, – голос Энниуса задрожал. – Примитивная, варварская, больная планета! Уже три раза под этими лозунгами поднимались восстания, и даже неизбежные разрушения так и не смогли поколебать слепую веру этих безумцев.

– Эти земляне всего лишь несчастные создания, – сказала Флора. – Если у них отнять веру, то что же останется? Они лишены всего – приличной планеты, приличной жизни. Жители всех других планет Галактики даже не считают

землян равными себе. Им приходится уходить в мир сказок. Разве можно их за это осуждать?

– Да, у меня есть основания их осуждать, – выкрикнул Энниус. – Пусть они оставят свои несбыточные грезы, пусть борются за равноправие, за ассимиляцию. Но они не отрицают, что отличаются от жителей других планет. Они хотят заменить существующее “плохое” на будущее “лучшее”. Едва ли можно ожидать, что вся Галактика позволит им сделать это. Пусть они забудут о своей изоляции от всей Галактики, о своих дремучих и унижающих достоинство человека “законах”. Пусть они станут людьми, и мы будем считать их людьми. Пусть они станут просто землянами, и мы будем считать их обыкновенными жителями обыкновенной планеты.

Впрочем, все это неважно. Вот, например, что у них делается с синапсифайером? Вроде бы это что-то совсем второстепенное, и тем не менее мысли об этом приборе не дают мне сегодня заснуть, – и Энниус задумчиво нахмурил брови.

Тем временем на востоке темнота ночного неба стала понемногу отступать.

– Синапсифайер?.. Это тот самый прибор, о котором доктор Арвардан рассказывал за обедом? Ты ездил в Чику узнать, что это такое?

Энниус кивнул.

– И что ты там узнал?

– В том-то и дело, что абсолютно ничего, – ответил Энниус. – Я знаю Шекта. Я знаю его очень хорошо. Я легко могу сказать, когда он чувствует себя свободно и непринужденно, а когда нет. Так вот, Флора, могу поклясться, что в течение всего нашего разговора Шект умирал от страха или от предчувствия каких-то чудо-

вищных последствий. А когда я собрался уходить, он с явным облегчением рассыпался в любезностях. Флора, это очень подозрительно.

- Но все-таки, этот прибор работает?

- Я же не нейрофизик? Шект сказал, что пока еще не работает. После операции он позвонил мне и сказал, что доброволец чудом остался жив. Но я не верю этому. Он был очень взволнован! Больше того, в его голосе чувствовался триумф! Уверен, доброволец остался жив и испытания прошли успешно, или я вообще ни разу в жизни не видел счастливого человека... Как ты думаешь, почему он обманывал меня? Ты не считаешь, что синапсифайер уже работает? Ты не думаешь, что он уже создает расу гениев?

- Но зачем же хранить это открытие в тайне?

- Ага! Зачем? Тебе это непонятно. А почему земляне терпели поражение во всех трех восстаниях? Потому что они воевали против значительно превосходивших сил Галактики. Теперь представь, что средняя интеллектуальная способность землянина возросла в два, в три раза. Кто тогда будет иметь превосходство?

- О, Энниус!

- Мы можем оказаться в положении обезьян, сражающихся с людьми. Что будет стоить тогда наше численное превосходство?

- Ты склонен во всем видеть что-то злое. Такие вещи невозможно скрыть. Ты всегда можешь сделать так, чтобы Бюро дальних провинций послало на Землю группу физиологов, которые регулярно проводили бы выборочную проверку землян. Уж что-что, а неожиданное аномальное повышение индекса интеллекта можно обнаружить мгновенно.

- Да. Думаю, ты права... Но может быть, дело совсем не в этом. Флора, я ни в чем не уверен кроме того, что в ближайшем будущем возможно восстание. Что-то вроде бунта 750 года, только, вероятно, похуже.

- А мы готовы к нему? Я хотела сказать, если ты так уверен...

- Готовы? - Энниус отрывисто рассмеялся. - Я готов. Наш гарнизон тоже в боевой готовности и полностью укомплектован. Я сделал все, что можно было сделать в наших условиях. Но, Флора, я не хочу восстания. Я не хочу, чтобы мое правление запомнили на все времена как правление восстания. Я не хочу, чтобы мое имя связывали со смертью и геноцидом. В конце концов меня даже наградят, но потом в течение многих столетий во всех учебниках истории будут называть кровавым тираном. Что ты скажешь о шестом столетии, о периоде правления вице-короля Сантанни? Был ли у него другой выход, такой, чтобы миллионы человеческих жизней не пропали зря? Позже он был удостоен всяческих почестей, но кто сейчас скажет о нем хоть одно доброе слово? Я предпочел бы, чтобы обо мне говорили как о человеке, предотвратившем восстание и спасшем бесценные жизни двадцати миллионов глупцов, - в голосе Энниуса слышались нотки безнадежности.

- Энниус, ты уверен, что не можешь... даже сейчас? - Флора села рядом с Энниусом и пальцами провела по его подбородку.

Энниус крепко сжал руку Флоры.

- Что я могу? Все против меня. Даже Бюро, послав сюда Арвардана, по сути дела только помогает местным фанатикам.

- Но, дорогой, я не понимаю, что такое

ужасное сделал этот археолог. Да, конечно, он говорит, как человек с заскоками, но кому от этого вред?

— Ну как ты не понимаешь? Он хочет, чтобы ему предоставили возможность найти вещественные доказательства того, что Земля является родиной человечества. Своим научным авторитетом он в сущности играет на руку бунтовщикам.

— Тогда останови его.

— Не могу. Правда, не могу. Говорят, что все во власти вице-королей, но это не совсем так. Этот археолог, Арвардан, имеет письменное разрешение, выданное Бюро дальних провинций и одобренное самим Императором. Эти инстанции не чета мне. Я могу только обратиться к Центральному совету, а на переговоры уйдут месяцы... И какие доводы я приведу? С другой стороны, если я попытаюсь остановить Арвардана, воспользовавшись собственной властью, это будет считаться актом неповиновения, а ты знаешь, что после гражданской войны восьмидесятих годов Центральный совет охотно снимает любого чиновника, если, по их мнению, он перешел роковую черту. Что будет тогда? Вместо меня сюда пришлют другого человека, совершенно незнакомого с ситуацией, и Арвардану будет предоставлена полная свобода действий.

И это еще не все, Флора. Знаешь, как он собирается доказать древность Земли? Попробуй догадаться.

Флора тихо рассмеялась.

— Энниус, ты издеваешься надо мной. Как я могу догадаться? Я же не археолог. Думаю, он постарается раскопать старинные статуи или кости и по изотопному составу или еще как-нибудь определить их возраст.

- Хотел бы я, чтобы это было так. Вчера Арвардан рассказал мне, что он намеревается углубиться в радиоактивные зоны Земли. Там он надеется найти артефакты, датировать их и таким образом показать, что на территории этих зон люди жили задолго до того, как поверхность Земли стала радиоактивной, ведь он настаивает на искусственном происхождении радиоактивности Земли.

- Но это почти то же, о чем говорила я.

- Ты знаешь, что значит войти в радиоактивную зону? Это запретные зоны. Вход в эти районы категорически запрещен одним из самых строгих законов землян. Никто не имеет права ступить в радиоактивную зону, все радиоактивные зоны запретны.

- Ну и хорошо. Вот сами земляне и остановят Арвардана.

- Прекрасно! Его остановит сам Верховный министр! А как мы его потом убедим, что вся эта экспедиция не правительственный проект и что Империя не потворствует преднамеренному святотатству?

- Верховный министр не может быть настолько обидчивым.

- Не может? - Энниус откинулся на спинку кресла и посмотрел на жену. Ночь постепенно отступала перед приближающимся рассветом, и Энниус уже мог различить силуэт Флоры. - Ты потрясающе наивна. Безусловно, он может быть очень обидчивым. Ты знаешь, что случилось... да, примерно пятьдесят лет назад? Я расскажу, а выводы делай сама.

Оказывается, на своей планете земляне никогда не допускали никаких внешних символов власти Империи, поскольку утверждали, что по справедливости столицей Галактики должна быть

Земля. Случилось так, что молодой Станнелл II – ты помнишь, тот мальчишка-император, который был немного не в себе и которого через два года правления убили, – приказал, чтобы эмблема Императора была поднята и над нашей Палатой советников в Вашэнне. Сам по себе приказ был вполне логичен, поскольку такая эмблема устанавливается над палатой советников на любой планете Галактики как символ единства Империи. Но ты знаешь, что произошло на Земле? В тот же день весь город был охвачен пламенем восстания.

Вашэннские фанатики сорвали эмблему и с оружием в руках направились к гарнизону. Станнелл II был настолько упрям, что потребовал неукоснительного выполнения приказа, даже если бы для этого пришлось перебить всех землян до единого. К счастью, его самого убили прежде, чем он успел претворить свои идеи в жизнь, а его пресмник Эдард отменил приказ. На Земле снова воцарился мир.

– Ты хочешь сказать, что эмблему Императора так и не установили? – недоверчиво уточнила Флора.

– Именно это я и хотел сказать. Клянусь, Земля – единственная из миллионов и миллионов планет Галактики, не имеющая эмблемы на здании Палаты советников. И вот на этой ничтожной планете мы сейчас живем. Если сегодня мы еще раз попытаемся установить эмблему, земляне снова будут драться до последнего человека, только бы не позволить нам сделать это. Уверяю тебя – они настоящие фанатики.

Сероватый рассвет медленно оттеснял ночную темноту. Энниус и Флора замолчали. Первой тихо и неуверенно заговорила Флора:

- Энниус!

- Да?

- Восстание тревожит тебя не только потому, что ты боишься испортить свою репутацию. Я была бы плохой женой, если бы не могла читать твои мысли. Мне кажется, ты предчувствуешь реальную угрозу для всей Империи... Энниус, не скрывай от меня ничего. Ты боишься, что земляне победят.

- Флора, я не могу говорить об этом, - в глазах Энниуса отражались его мучения. - Это даже не предчувствие... Возможно, четыре года на этой планете - слишком долгий срок для любого здравомыслящего человека. Не могу понять, почему на этот раз земляне так уверены в успехе?

- Откуда ты знаешь, что они уверены в успехе?

- Знаю. У меня тоже есть свои источники информации. В конце концов, три раза они терпели жестокое поражение. У них не могло остаться никаких иллюзий. Тем не менее они смело и решительно вступают в борьбу с двумястами миллионами планет, каждая из которых сильнее Земли. Возможно, они действительно так противоестественно тверды в своей вере в судьбу или какую-то сверхъестественную силу... во что-то такое, что имеет конкретный смысл только для них. Может быть... может быть... может быть...

- Что может быть, Энниус?

- Может быть, у них есть какое-то новое оружие.

- Оружие, которое позволит одной планете победить двести миллионов планет? Ты впадаешь в панику. Такого оружия в принципе не может быть.

- Но я уже говорил о синапсифайере.

- А я тебе говорила, как можно взять этот прибор под контроль. Тебе известно другое новое оружие, которое могли бы применить земляне?

- Нет, - неохотно признался Энниус.

- Вот именно. Потому что такого оружия просто не может быть. Теперь я скажу, дорогой, что тебе нужно сделать. Почему бы тебе не связаться с Верховным министром и совершенно откровенно предупредить его о планах Арвардана? Ты можешь неофициально потребовать, чтобы Арвардану не дали разрешения. Такой шаг устранил или по крайней мере должен устранить все подозрения, будто бы правительство Империи имеет какое-то отношение к этому неразумному нарушению законов землян. Так ты остановишь Арвардана и в то же время не навлечешь на себя неприятности. Пусть потом Бюро пошлет сюда двух хороших физиологов - нет, лучше проси четырех, тогда можно будет надеяться, что они пошлют хотя бы двух, - чтобы они проверили возможности синапсифайера... Обо всем остальном позаботятся наши солдаты, а мы предоставим возможность нашим потомкам побеспокоиться о себе самим.

А теперь тебе лучше поспать прямо здесь. Мы разложим кресло, ты накроешься моим меховым мантио, а когда проснешься, я привезу столик с завтраком. В ярком солнечном свете все покажется другим.

Так получилось, что Энниус, не сомкнув всю ночь глаз, заснул за пять минут до рассвета.

А через восемь часов Верховный министр впервые узнал о Беле Арвардане и его экспедиции от самого прокуратора.

7. РАЗГОВОР С СУМАСШЕДШИМИ?

Что до Арвардана, то его заботило только, как бы приятнее провести время. Его корабль "Офиук" должен был прибыть не раньше чем через месяц, значит, целый месяц он мог делать все что заблагорассудится.

Так уж случилось, что на шестой день пребывания на Эвересте Бел Арвардан распрощался со своими гостеприимными хозяевами и заказал место на самом большом реактивном лайнере "Стратосферик" компании "Воздушный транспорт Земли", курсировавшем между Эверестом и столицей Земли городом Вашэнном.

Арвардан намеренно отказался от небольшого скоростного самолета, предоставленного в его распоряжение Энниусом, и решил лететь пассажирским рейсом, руководствуясь вполне объяснимой любознательностью чужестранца и археолога, которому небезынтересна обычная жизнь людей, населяющих такую планету, как Земля.

Была и еще одна причина.

Арвардан родился в секторе Сириуса, в котором, как известно, антиземные предрассудки всегда были сильнее, чем в любом другом уголке Галактики. Арвардан гордился тем, что сам он, по его мнению, не всрил в эти предрассудки. Как ученый и тем более как археолог, он не мог позволить себе такое. Конечно, он вырос в обществе, в котором при упоминании о жителях Земли обычно представляли себе характерных героев карикатур, и даже сейчас само слово "землянин" казалось ему безобразным. Но никакого предубеждения у него не было.

Во всяком случае, он думал, что не было. Например, если бы какой-нибудь землянин за-

хотел участвовать в его экспедиции или вообще поработать с ним, то, конечно, Арвардан согласился бы его принять – при условии, что этот землянин обладает способностями и необходимой подготовкой. Разумеется, если будет вакантное место. И если другие участники экспедиции будут не очень сильно возражать. Вот в чем загвоздка. Обычно они не соглашались, и тогда Арвардан ничего не мог сделать.

Арвардан еще раз обдумал свои отношения с землянами. Конечно, он не возражал бы против обеда с землянином или даже, если возникнет такая необходимость, против того, чтобы жить с ним под одной крышей, разумеется, при условии, что этот землянин достаточно чист и здоров. В сущности, думал Арвардан, я бы относился к нему во всем точно так же, как и к любому другому человеку. Тем не менее бесполезно отрицать, что он никогда бы не забывал: землянин есть землянин. С этим ничего не поделаешь. Это результат того, что он с детства был погружен в атмосферу такой уверенности в своем превосходстве над землянами, что это превосходство стало как бы вполне естественным, аксиомой. Прошло много лет, и, лишь оглянувшись назад, он понял, что такое антиземные настроения.

Теперь ему предоставлялась возможность испытать себя. Арвардан сидел в самолете, окруженный только землянами, и чувствовал себя совершенно нормально... почти. Ну, может быть, чуть-чуть неловко.

Арвардан оглядел летевших с ним пассажиров: самые обычные, ничем не выделяющиеся лица. Принято считать, что земляне отличаются от жителей других планет, но если бы он слу-

чайно встретил в толпе землянина, смог бы он отличить его от других людей? Пожалуй, не смог бы. Женщины выглядят даже привлекательными... Арвардан насупил брови. Конечно, любая терпимость должна иметь свои границы. Смешанные браки, например, просто немыслимы.

Самолет, по мнению Арвардана, был верхом совершенства. Да, здесь установлены атомные двигатели, но устаревшей конструкции. Во-первых, пассажирский салон явно недостаточно защищен от излучения реактора. Потом Арвардану пришло в голову, что скорее всего земляне меньше, чем жители других планет, обращают внимание на гамма-излучение или нейтронный поток.

Позже Арвардану бросился в глаза открывавшийся из иллюминатора вид. Отсюда, из верхних слоев стратосферы, где небо было окрашено в темные пурпурно-вишневые тона, планета казалась сказочным миром. Под самолетом тянулась необозримая загадочная оранжевая пустыня, местами ее закрывали пятна освещенных солнцем облаков. От стратолайнсра медленно отступала нечеткая плавная граница той стороны планеты, где в этот момент царила ночь. Ночную темноту прорезало свечение зараженных радиоактивными веществами участков.

Дружный смех пассажиров оторвал Арвардана от иллюминатора. Очевидно, центром всеобщего внимания была пожилая пара - представительные, мило улыбавшиеся супруги.

Арвардан локтем толкнул соседа.

- Что там происходит? - спросил он.

Сосед помедлил, потом ответил:

- У них юбилей, сороковая годовщина свадьбы, и они решили отметить эту дату "Большим турне".

- Большим турне?

- Ну да. Путешествием вокруг Земли.

Пожилой мужчина с удовольствием и во всех подробностях делился с пассажирами своим жизненным опытом и впечатлениями. Время от времени в разговор вступала его жена с мелкими и абсолютно несущественными замечаниями, а он принимал эти замечания с юмором. Пассажиры слушали супругов с таким вниманием, что земляне вдруг показались Арвардану не менее человечными и доброжелательными, чем жители любой планеты Галактики.

Потом кто-то спросил:

- А когда ваша очередь по "Закону о шестидесятилетии"?

- Примерно через месяц, - быстро и весело ответили супруги. - Шестнадцатого ноября.

- Понятно, - откликнулся тот же пассажир. - Надеюсь, вам повезет с погодой. Когда моему отцу стукнуло шестьдесят, дождь лил как из ведра. С того дня ни разу не видел такой отвратительной погоды. Я пошел его провожать, - знаете, в такой день люди не любят оставаться в одиночестве, - и на каждом шагу он жаловался на дождь. Понимаете, у нас был открытый двухколесный, и мы промокли до костей. "Слушай, отец, - сказал я, - на что ты жалуешься? Ведь это мне придется возвращаться домой".

Пассажиры дружно захохотали, к общему смеху не замедлили присоединиться и юбиляры. Арвардан же только начинал понемногу осознавать, о чем идет речь, и его охватил непреодолимый ужас.

Он обратился к соседу:

- Эти "шестидесять", о которых здесь все говорят, очевидно, они имеют в виду безболезнен-

ное умерщвление? Я хотел сказать, вас просто убирают, когда вам исполнится шестьдесят лет, не так ли?

Арвардан замешкался, потому что его сосед внезапно подавил смех, повернулся лицом к Арвардану и долго изучал его подозрительным взглядом, потом наконец сказал:

– А что же еще, по-вашему, это может значить?

Арвардан сделал неопределенный жест рукой и глуповато улыбнулся. Конечно, он знал об этом законе, но его знания были чисто академическими. До этого дня закон был для него всего лишь абстрактным понятием, о котором пишут в книгах, которое обсуждают в научных статьях. Только сейчас до него дошло, что закон имеет абсолютную власть над живыми людьми, что окружающим его мужчинам и женщинам по этому закону позволено жить только до шестидесяти лет.

Сосед Арвардана все еще не сводил с него глаз.

– Эй, парень, ты откуда? Что, в твоём городе ничего не знают про “Закон о шестидесятилетиях”?

– Мы называем его “Сроком”, – неуверенно ответил Арвардан. – А я оттуда, – и большим пальцем он показал куда-то вверх.

Прошло еще не меньше четверти минуты, и только тогда сосед отвел от него строгий подозрительный взгляд.

Губы Арвардана искривились в усмешке. Действительно, земляне недоверчивы. В этом смысле карикатуры были правдивы.

Снова заговорил пожилой мужчина.

– Она пойдёт со мной, – сказал он, кивнув в сторону своей веселой жены. – После меня ей

можно жить еще три месяца, но она считает, что нет смысла ждать и лучше нам пойти вдвоем. Я правильно говорю, толстушка?

– Конечно, правильно, – ответила она и весело хихикнула. – Все наши дети уже обзавелись семьями, у каждого собственный дом. Я для них была бы только обузой. Ну и потом, без моего старика все равно жизнь будет не в радость... поэтому лучше мы уйдем вдвоем.

После этого все пассажиры, казалось, одновременно погрузились в арифметические расчеты – сколько кому осталось жить. В расчетах месяцы приходилось переводить в дни, что вызвало споры среди нескольких супружеских пар.

Невысокий мужчина в тесном костюме громко и решительно заявил:

– Мне осталось двенадцать лет, три месяца и четыре дня. Двенадцать лет, три месяца и четыре дня. Ни днем меньше, ни днем больше.

Другой пассажир разумно прокомментировал:

– Конечно, если вы не умрете раньше.

– Чепуха, – немедленно последовал ответ. – У меня нет ни малейшего намерения умирать раньше срока. Неужели я похож на человека, который может умереть раньше шестидесяти? Я буду жить еще двенадцать лет, три месяца и четыре дня, и ни у кого не хватит дерзости возразить мне.

Он, и в самом деле, был настроен очень решительно.

Худой молодой человек вынул изо рта щегольскую длинную сигарету и мрачно заметил:

– Хорошо, если можно рассчитать свою жизнь с точностью до дня. Но многие живут и тогда, когда их время уже кончилось.

– О, конечно, – согласился другой пассажир.

Все дружно закивали и робко выразили свое возмущение.

- Не могу сказать, - продолжал молодой человек, время от времени замолкая, чтобы затянуться сигаретой и сделать вычурный жест, намереваясь всего лишь стряхнуть пепел, - что я против, если кто-то желает продлить себе жизнь от своего последнего дня до ближайшего Дня совета, особенно когда необходимо завершить важные дела. Но ведь есть такие подлецы и паразиты, которые пытаются дожить до следующей переписи, а тем временем едят хлеб следующих поколений, - казалось, молодой человек имеет какой-то личный повод для возмущения.

Арвардан несмело вмешался в разговор.

- Но разве возраст каждого землянина не зарегистрирован? Он никак не сможет жить позже своего последнего дня рождения, не так ли?

Пассажиры замолчали, изредка бросая взгляды в сторону идеалиста, который ляпнул такую глупость. Наконец кто-то, как бы пытаясь закрыть эту тему, дипломатично заметил:

- Ну, я думаю, в любом случае жить после шестидесяти нет большого смысла.

- Конечно, никакого смысла, если ты фермер, - зло огрызнулся еще один пассажир. - Нужно быть ненормальным, чтобы, отработав полвека на полях, не радоваться тому, что все это когда-нибудь кончится. Ну а как насчет администраторов и бизнесменов?

Тут пожилой мужчина, сороковая годовщина которого и послужила началом общего обсуждения, осмелился высказать собственное мнение. Очевидно, ему придал смелости тот факт, что ближайшей жертве "Закона о шестидесятилетии" уже нечего терять.

– Ну а насчет этих, тут сами знаете, от кого все зависит, – он лукаво, с намеком, подмигнул. – Я знал одного, которому стукнуло шестьдесят на следующий год после переписи 810 года, и он жил, пока не был пойман во время переписи 820 года. Когда он ушел, ему было больше шестидесяти девяти! Шестидесяти девяти! Подумать только!

– Как же ему это удалось?

– У него было немного денег и брат в Обществе древних. Против такой комбинации ничего не попишешь.

Пассажиры дружно согласились с таким выводом.

– Послушайте, – настойчиво заговорил молодой человек с сигаретой. – У меня был дядя, который прожил лишний год, всего лишь один год. Он был из тех самовлюбленных, которым просто, видите ли, не хочется уходить. На всех нас ему, конечно, наплевать... А я, понимаете ли, ничего не знал, иначе я бы сообщил, поверьте, потому что, когда приходит время, человек должен уйти. Это же справедливо по отношению к следующему поколению. Как бы то ни было, его благополучно взяли, и только тогда я узнал обо всем: нас с братом вызывают в Общество древних и спрашивают, как получилось, что мы не сообщили о дяде. Я ответил, черт побери, что ничего не знал, и никто в нашей семье понятия не имел. Я сказал, что мы не видели дядю добрых десять лет. Мой старик меня поддержал. И все-таки нас оштрафовали на пятьсот кредитов. Вот что получается, когда нет никакой протекции.

На лице Арвардана все больше отражалось беспокойство. Может быть, все эти люди – сумасшедшие, поэтому они так охотно принимают

смерть и осуждают своих друзей и родственников, которые пытались избежать ее? Уж не попал ли он случайно на лайнер, с которым партию шизофреников отправляют в сумасшедший дом... или на безболезненное умерщвление? Или это просто обычные земляне?

Сосед Арвардана снова уставился на него. Голос его прервал мысли Арвардана.

- Эй, парень, так где это "оттуда"?

- Простите?

- Я спросил, ты откуда, а ты сказал "оттуда". Так откуда это - откуда? А?

Теперь Арвардан чувствовал подозрительные взгляды всех пассажиров. Уж не считают ли его членом того самого Общества древних? Уж не показались ли его вопросы провокацией опытного агента?

На подозрения Арвардан решил ответить полной откровенностью.

- Я не землянин. Я - Бел Арвардан с планеты Баронн, сектор Сириуса. А как вас зовут? - и он протянул руку соседу.

С тем же успехом можно было бы бросить посреди самолета атомную бомбу.

Появившееся было на лицах пассажиров выражение страха быстро сменилось враждебностью к Арвардану. Его сосед решительно поднялся с кресла и с трудом втиснулся в другое, пара уже сидевших здесь землян с готовностью потеснилась.

От Арвардана все отвернулись. Он видел только их затылки. На какое-то мгновение Арвардана охватило возмущение. С ним так обращаются земляне! Земляне! Он протянул им руку дружбы. Он, представитель системы Сириуса, снизошел до того, чтобы разговаривать с землянами, а они его оттолкнули.

Ему пришлось сделать немалое усилие, чтобы успокоиться. Очевидно, фанатизм никогда не действует только в одном направлении, а ненависть всегда порождает ответную ненависть!

Арвардан почувствовал, что место ушедшего соседа занял другой землянин, и неохотно повернулся к нему.

– Я вас слушаю.

Оказалось, это молодой человек с сигаретой. Обращаясь к Арвардану, он прикуривал новую сигарету.

– Здравствуйте, – сказал он. – Меня зовут Кри... Не позволяйте этим ничтожествам загнать вас в тупик.

– Никто не загоняет меня в тупик, – коротко ответил Арвардан. Ему не доставляло удовольствия это новое соседство, и уж тем более он не был склонен принимать покровительственные советы от землянина.

Но Крина, вероятно, не научили замечать нюансы человеческого поведения. Несколькоими глубокими затяжками он раскурил сигарету и через ручку кресла стряхнул пепел на пол в проходе между креслами.

– Провинциалы! – с презрением прошептал он. – Кучка жалких фермеров... У них нет всегалактического мышления. Не обращайтесь на них внимания... Вот возьмите меня. У меня другой взгляд на жизнь. Мой девиз – живи сам и давай жить другим. Я ничего не имею против инородцев. Если они будут по-дружески относиться ко мне, и я буду с ними дружелюбен. Черт побери... они же не виноваты, что они инородцы, как я не виноват, что я землянин. Как вы думаете, я прав? – и он фамильярно похлопал Арвардана по руке.

Арвардан кивнул и почувствовал, как у него

по телу побежали мурашки. Никак нельзя было назвать приятным общение с человеком, к какой бы планетной системе он ни принадлежал, который только что сожалел о потерянной возможности поскорее отправить на тот свет собственного дядю.

Крин откинулся на спинку кресла.

- Направляетесь в Чику? - поинтересовался он. - Как, вы сказали, ваше имя? Албадан?

- Арвардан. Да, я лечу в Чику.

- Мой родной город. Лучший город на Земле, черт побери. Долго собираетесь пробыть в Чике?

- Может быть. У меня еще нет определенных планов.

- Гм... Скажите, надеюсь, вы не будете возражать, если я признаюсь, что обратил внимание на вашу сорочку? Вы не против, если я посмотрю поближе? Сделано в системе Сириуса, да?

- Да.

- Очень хороший материал. На Земле ничего подобного достать невозможно... Скажите, приятель, у вас в багаже не найдется лишней такой сорочки? Я бы купил, если вы захотите продать. Это последний крик моды.

Арвардан решительно покачал головой.

- Извините, но у меня почти нет багажа. Я собираюсь по мере необходимости покупать одежду на Земле.

- Я заплачу пятьдесят кредитов, - сказал Крин.

... Молчание. Не дождавшись ответа, Крин немного раздраженным тоном добавил:

- Это хорошая цена.

- Очень хорошая, - согласился Арвардан, - но я вам уже сказал, у меня нет сорочек для продажи.

– Ладно... – Крин пожал плечами. – Наверное, думаете остаться на Земле надолго?

– Может быть.

– А чем вы занимаетесь?

Археолог не счел нужным больше скрывать раздражение.

– Послушайте, мистер Крин, я немного устал и, если вы не имеете ничего против, хотел бы вздремнуть. Вас это устроит?

Крин нахмурился.

– А в чем, собственно говоря, дело? Или вы, инородцы, не умеете вежливо разговаривать? Я ни о чем неприличном вас не просил, так что нет необходимости отмахиваться от меня, как от назойливой мухи.

До этого они разговаривали вполголоса, но теперь Крин почти кричал. На Арвардана неприязненно оглядывались земляне, и он произвольно поджал губы.

Сам напросился, с горечью подумал Арвардан, не попал бы в такое неловкое положение, если бы с самого начала держался особняком, если бы не эта дурацкая привычка хвастаться своей терпимостью, и не надо приставать к людям, которым нет до тебя никакого дела.

Арвардан попытался выправить ситуацию.

– Мистер Крин, – сказал он, я не просил вас подсаживаться ко мне и не был с вами груб. Повторяю, я устал и хотел бы отдохнуть. Думаю, в этом нет ничего странного.

Молодой человек встал, резко отбросил сигарету и закричал, указывая пальцем на Арвардана:

– Послушайте, я не позволю обращаться с собой, как с собакой. Вы, вонючие инородцы, приезжаете, куда вас никто не звал, ведете

свои умные разговоры и думаете, что вам дано право обзывать нас как угодно. Мы не намерены это терпеть, понятно? Если вам здесь не нравится, можете убираться туда, откуда приехали, и не надо делать обиженный вид и смотреть на меня, как на ничтожную букашку. Думаете, я вас испугался?

Арвардан отвернулся и камнным взором уставился в иллюминатор.

Крин не сказал больше ни слова и сел на свое прежнее место. Пассажиры оживленно обменивались впечатлениями, но Арвардан не прислушивался к разговорам. Он не столько видел, сколько чувствовал, как на него бросали острые, злые взгляды. Впрочем, ничто в мире не вечно, и инцидент вскоре был забыт.

Арвардан закончил путешествие в молчании и одиночестве.

Приземление в аэропорту города Чика было избавлением. Арвардан скептически улыбнулся, впервые увидев с высоты "лучший город на Земле", но тем не менее решил, что здесь должно быть намного лучше, чем в накаленной атмосфере стратолайнера.

Он проследил за выгрузкой своего багажа и распорядился, чтобы его перенесли в двухколесное такси. По крайней мере, здесь он будет единственным пассажиром, так что, если не болтать с водителем без особой необходимости, едва ли наживешь новые неприятности.

— В Государственную палату, — сказал Арвардан водителю, и такси отправилось.

Так Арвардан впервые оказался в городе Чика. Это случилось в тот же день, когда Джозеф Шварц сбежал из Института ядерных исследований.

Крин наблюдал за Арварданом с кривой ухмылкой. Он достал небольшую записную книжечку и принялся тщательно ее изучать, время от времени затягиваясь сигаретой. Из пассажиров ничего интересного выжать не удалось, несмотря на рассказ про дядю (раньше он часто пользовался этим приемом и с гораздо большим успехом). Правда, тот старикашка жаловался на какого-то человека, который прожил больше положенного, и намекал на протекцию со стороны Общества древних. С другой стороны, старикашке остался месяц до шестидесяти. Нет смысла записывать его имя.

Другое дело тот инородец. Крин с удовольствием перечитал записанные сведения: "Бел Арвардан, Баронн, сектор Сириуса... интересовался "Законом о шестидесятилетии"... о своих планах не говорит... прилетел в Чикку пассажирским рейсом 12 октября в 11.00 по чикскому времени... занимает ярко выраженную антиземную позицию".

Не исключено, что на этот раз он поймал что-то стоящее. Выуживать ничтожных, проболтавшихся по неосторожности нытиков – это, конечно, скучно. Зато такие находки, как этот инородец, компенсируют все.

Не пройдет и получаса, как Братство получит донос Крина. Крин не торопясь уходил из аэропорта.

8. ВСТРЕЧИ В ЧИКЕ

Доктор Шект в двадцатый раз перелистывал последний лабораторный журнал, когда в кабинет вошла Пола. Шект поднял голову – Пола, накидывая лабораторный халат, нахмурилась.

- Ну вот, отец, ты снова ничего не ел.

- Что? Нет, определенно я... О, что это такое?

- Это твой ленч. Вернее, то, что когда-то было ленчем. А то, что ты ел, - это, должно быть, был завтрак. Какой смысл покупать блюда и приносить их сюда, если ты все равно ничего не ешь. Мне придется заставить тебя ходить на обед домой.

- Не волнуйся. Я все съем. Понимашь, я не могу прерывать важный эксперимент каждый раз, как только тебе покажется, что именно в это время я должен поесть.

За десертом настроение Шекта улучшилось.

- Ты не представляешь, - сказал он, - что за человек этот Шварц. Я тебе не говорил о странном характере швов на его черепе?

- Говорил. Они очень примитивны.

- Но и это еще не все. У него тридцать два зуба: по три коренных в верхней и нижней челюстях, слева и справа, в том числе один искусственный, должно быть самодельный. Во всяком случае, я никогда не видел мостика, который металлическими колпачками укреплен на соседних зубах, куда проще вживить зуб в челюстную кость... Скажи, ты видела когда-нибудь человека с тридцатью двумя зубами?

- Отец, обычно я не считаю зубы у человека. А сколько их должно быть? Двадцать восемь?

- Ну конечно... Впрочем, я тебе еще не все сказал. Вчера мы исследовали его внутренние органы. Как ты думаешь, что мы нашли?.. Догадайся!

- Кишечник?

- Пола, ты нарочно хочешь меня рассердить, но это тебе не удастся. Не гадай, я скажу тебе.

У Шварца есть червеобразный отросток длиной три с половиной дюйма, и этот отросток открыт. Боже мой, это совершенно невероятно! Я проконсультировался со специалистами из Медицинской школы – очень осторожно, разумеется, – и они подтвердили, что аппендикс никогда не бывает открытым, а его длина практически никогда не превышает полдюйма.

– И что это значит?

– Как ты не понимаешь, ведь Шварц – это ходячая коллекция атавизмов, живое ископаемое, – Шект встал и принялся торопливо ходить взад-вперед по кабинету. – Вот что, Пола, думаю, нам ни в коем случае нельзя отдавать Шварца. Это слишком ценный объект.

– Нет, нет, отец, – поспешила возразить Пола, – этого делать нельзя. Ведь ты же обещал тому фермеру отдать его. Это нужно сделать ради самого Шварца. У нас ему плохо.

– Плохо! Но почему? Мы же обращаемся с ним, как с богатым инопланетянином.

– Ну и что? Бедняга привык к своей ферме, к своим родственникам. Он прожил там всю жизнь. А в нашем доме он перенес неприятную и, насколько я знаю, довольно болезненную операцию. К тому же его разум теперь функционирует по-другому. Не стоит надеяться, что он все поймет. Мы должны учесть его права и вернуть в семью.

– Но, Пола, ради науки...

– Вздор! Какое мне дело до науки? Как ты думаешь, что скажут в Братстве, когда дойдут слухи о твоих экспериментах? Или, по-твоему, их беспокоит наука? В общем, если не хочешь думать о Шварце, подумай о себе. Чем дольше ты будешь держать его здесь, тем больше шан-

сов, что его найдут. Отправь его домой сегодня же вечером, как ты и собирался с самого начала, слышишь?.. Я спущусь и посмотрю, не нужно ли что-нибудь Шварцу до обеда.

Не прошло и пяти минут, как обеспокоенная и бледная Пола вернулась.

– Отец, он ушел!

– Кто ушел? – удивленно переспросил Шект.

– Шварц! – чуть не плача выкрикнула Пола. – Наверно, ты забыл запереть за собой дверь его комнаты.

Шект поднялся и, чтобы устоять, вытянул вперед руку.

– Когда это случилось? – спросил он.

– Не знаю. Должно быть, недавно. Давно ты был там последний раз?

– И пятнадцати минут не прошло. Когда ты вошла, я успел поработать не больше двух минут.

– Тогда еще не все потеряно, – с неожиданной решимостью сказала Пола. – Попробую его найти. Может быть, он гуляет где-то рядом. Если его поймают, никто не должен узнать, что вы как-то связаны. Понятно?

Шект смог только кивнуть головой.

Обменяв стены тюрьмы-больницы на городские просторы, Джозеф Шварц не почувствовал ни малейшего облегчения. Он не обманывался, понимая, что никакого плана действий у него нет. Он знал, очень хорошо знал, что его побег – самая настоящая импровизация.

Если не считать просто слепого желания сменить беспомощное ожидание на какую угодно активную деятельность, то им руководил только один разумный импульс – надежда случайно

столкнуться с какой-то стороной жизни, которая помогла бы его окончательно заблудившейся памяти выйти на знакомую дорогу.

Однако первый же взгляд, брошенный Шварцем на город, привел его в уныние. Близился вечер, и в косых лучах заходящего солнца Чика казалась молочно-белой. Будто все дома здесь построены из фарфора, как и та фермерская усадьба, на которую он натолкнулся в этом мире впервые.

В памяти всплывали города, которые должны быть коричневыми и красными. И намного грязнее. В этом он был уверен.

Шварц не торопясь шел по улице. Почему-то он чувствовал, что организованной погони за ним не будет. Откуда взялась эта уверенность, он сказать не мог. Если уж говорить всю правду, то последние несколько дней он становился все более чувствительным к окружающей его "атмосфере", все лучше и лучше интуитивно понимал происходящее. Обострившаяся интуиция была только одним из странных изменений, происшедших в его сознании с тех пор, как... как...

Вот здесь в памяти был полный провал.

Во всяком случае, "атмосфера" в тюрьме-больнице была насыщена секретностью и, наверное, страхом. Так что они не погонятся за ним с громкими криками, в этом Шварц был уверен. Но почему он должен знать такие вещи? Может быть, такая странная активность мозга не редкость при потере памяти?

Шварц пересек еще один перекресток. Автомобилей было сравнительно мало. Пешеходы... ну что ж, пешеходы как пешеходы. На них были довольно смешные одежды - без застежек,

без пуговиц, разноцветные. Но сейчас и он одет так же. Интересно, подумал Шварц, а куда делась его старая одежда? Потом засомневался: а была ли у него вообще та одежда, которую он запомнил? Очень трудно быть уверенным в чем бы то ни было, если ты сомневаешься в возможностях своей памяти.

Но жену и детей он представлял очень отчетливо. Уж они-то никак не могли быть плодом воображения. Шварц остановился посреди тротуара, чтобы вновь обрести утраченное было хладнокровие. Возможно, в его памяти сохранились искаженные образы реально существующих людей, тогда он обязан отыскать их в этом реальном мире, который кажется таким абсурдным.

На Шварца натыкались пешеходы, некоторые при этом раздраженно ворчали. Он снова пошел по улице. Вдруг ему пришло в голову, что он уже немного проголодался и будет очень голоден в ближайшие часы, а у него совсем нет денег.

Шварц осмотрелся. Ничего похожего на рестораны он не видел. Впрочем, как он мог узнать? Он же не умел читать вывески.

Шварц стал всматриваться в каждую попадавшуюся по пути витрину... Спустя какое-то время он заметил небольшой зал, в нишах которого стояли маленькие столики. За одним из них сидели двое мужчин, за другим — еще один. Все трое ели.

Хоть здесь все осталось по-прежнему. Мужчины еще что-то дожевывали.

Шварц вошел в зал и на секунду остановился в полном замешательстве. Здесь не было ни стойки, ни прилавка, никто ничего не готовил,

никакого намека на кухню. Он хотел было в уплату за обед предложить свои услуги, например помыть посуду, но... кому здесь предлагать?

Шварц неуверенно подошел к двум обедающим. Он показал пальцем на их тарелки и сказал, старательно выговаривая каждое слово:

- Пища! Где? Пожалуйста.

Мужчины удивленно посмотрели на Шварца. Один из них быстро заговорил, похлопывая рукой по небольшому сооружению, укрепленному на столе вплотную к стене. Шварц не понял ни слова. Второй мужчина что-то добавил явно раздраженным тоном.

Шварц опустил глаза. Он повернулся, намереваясь уйти ни с чем, и тут его потянули за рукав...

Гранц первым обратил внимание на Шварца, когда тот еще только тоскливо смотрел на витрину.

- А этому что здесь нужно? - спросил он.

Сидевший за столиком напротив Гранца и спиной к витрине Месстер обернулся, посмотрел, пожал плечами и не сказал ни слова.

- Он идет сюда, - заметил Гранц.

- Ну и что? - отозвался Месстер.

- Ничего. Просто так.

Но через минуту вошедший, беспомощно оглядевшись по сторонам, подошел к их столику, пальцем показал на тарелку с тушеной говядиной и со странным акцентом сказал:

- Пища! Где? Пожалуйста.

Гранц поднял голову.

- Пища вот здесь, малыш. Придвигай стул к любому столу, какой тебе понравится, и пользуйся фудоматом... Фудомат! Ты что, не зна-

ешь, что такое фудомат?.. Месстер, посмотри на этого бедолагу. Он на меня уставился, как будто не понимает ни слова. Эй, парень, вот эта штука, смотри. Просто опусти монету и дай мне спокойно пообедать, договорились?

- Плюнь ты на него, - проворчал Месстер. - Он просто бездельник, милостыню выпрашивает.

- Эй, подожди, - Гранц, ухватив за рукав Шварца, который уже повернулся, чтобы уйти, обратился к Месстеру: - Бог ты мой, пусть парень поест. Ему, видно, скоро шестьдесят. По крайней мере я хоть чем-то ему помогу... Эй, малыш, деньги у тебя есть?.. Черт возьми, клянусь, он совсем меня не понимает. Деньги, парень, деньги! Вот такие... - он вытащил из кармана блестящую монету в полкредита и щелчком подбросил ее, так что монета сверкнула в воздухе.

- Есть хоть сколько-нибудь?

Шварц медленно покачал головой.

- Ну тогда держи от меня подарок! - Гранц опустил полкредита в карман и бросил Шварцу меньшую монету.

Шварц в нерешительности вертел монету в руках.

- Ну ладно. Не торчи здесь. Опusti ее в фудомат. Вот в эту штуку.

Шварц с удивлением обнаружил, что на этот раз он все понял. На фудомате было несколько щелей для монет разных размеров и столько же кнопок, а рядом с ними - небольшие треугольники молочного цвета, на которых было что-то написано. Прочесть надписи Шварц не мог, поэтому только показал на стоявшее на столе блюдо и, вопросительно подняв брови, пальцами провел вверх-вниз по всем кнопкам.

- Бутерброд для него недостаточно хорош, - раздраженно заметил Месстер. - В нашем городе теперь развелись шикарные бездельники. Гранц, если ты собираешься ублажать их всех, тебе это дорого обойдется.

- Хорошо, я потрачу восемьдесят пять сотых кредита. Все равно завтра получка... Иди сюда, - сказал он Шварцу, опустил свои монеты в фудомат и из ниши в стене извлек широкий маталлический сосуд. - Теперь забирай и садись за другой стол... Вот, держи десятку. Можешь купить себе чашку кофе.

Шварц живо перенес сосуд на соседний стол. Сбоку к сосуду прозрачной лентой была прикреплена ложка, Шварц подцепил ее ногтем, и она с легким хлопком отскочила. Одновременно верхняя часть сосуда, отделенная от основания тонкой бороздкой, сначала сама собой отошла вверх, а потом заняла прежнее положение.

В отличие от того, что ели другие посетители, его блюдо оказалось холодным, но это были уже детали. Лишь спустя минуту Шварц сообщил, что блюдо постепенно нагревается, а сосуд на ощупь стал просто горячим. В недоумении Шварц решил прервать трапезу и выждать.

Над подливкой сначала поднялся пар, потом она закипела. Через минуту кипение прекратилось, скоро блюдо немного остыло, и Шварц смог благополучно завершить обед.

Когда он уходил, Гранц и Месстер еще сидели за своим столиком. Сидел и еще один мужчина, на которого Шварц ни разу не обратил внимания.

Не заметил Шварц и другого худого невысокого человека, который следовал за ним от самого института, не теряя Шварца из виду и в то же время стараясь не попадаться ему на глаза.

Быстро приняв душ и переодевшись, Бел Арвардан решил воплотить в жизнь свое первоначальное намерение – понаблюдать за представителями подвида “земляне” человеческой расы в их естественной среде обитания. Погода была отличной, дул легкий освежающий ветерок, а само селение – простите, город – оказалось чистым, спокойным и светлым.

Не так уж плохо.

Итак, думал Арвардан, первая остановка в Чике. Здесь в одном городе сконцентрировано наибольшее число землян. Потом он собирался посетить местную столицу город Вашэнн, затем Сенлу, Сенфран, Бонэр... Арвардан составил маршрут, предусматривавший посещение всех крупнейших городов западных континентов (где жило большинство рассеянного по планете немногочисленного населения Земли); если на осмотр каждого города тратить два-три дня, то он сможет вернуться в Чику как раз к прибытию корабля экспедиции.

Это должно оказаться полезным.

Приближался вечер, когда Арвардан зашел в автоматический ресторан. За обедом он стал свидетелем небольшой сцены, разыгравшейся между двумя землянами, пришедшими в ресторан вслед за Арварданом, и плотным пожилым мужчиной, который вошел позже всех. Впрочем, Арвардан наблюдал за происходившим рассеянно и беспристрастно, лишь отметив про себя, что эта сцена явно контрастирует с неприятным происшествием на борту стратолайнера. Очевидно, двое мужчин за столиком были пилотами воздушных такси и, значит, не слишком состоятельными, но все же они могли позволить себе проявить щедрость.

Вскоре попрошайка ушел, а через две минуты ресторан покинул и Арвардан.

Рабочий день приближался к концу, и на улицах заметно прибавилось людей.

Арвардан поспешно отступил в сторону, чтобы не столкнуться со спешившей куда-то девушкой.

- Прощу прощения, - сказал он.

На девушке был белый халат, очевидно лабораторная рабочая одежда. Казалось, то, что она чуть не столкнулась с Арварданом, никак не подействовало на нее. Не было ни малейших сомнений, что девушка искала кого-то в толпе, об этом говорило все: и беспокойный взгляд, и повороты головы из стороны в сторону, и крайне озабоченный вид.

Арвардан слегка тронул девушку за плечо.

- Мисс, не могу ли я вам помочь? У вас какие-то неприятности?

Девушка остановилась, обернулась и непонимающе посмотрела на Арвардана. Про себя он отметил, что на вид ей около двадцати лет, у нее каштановые волосы и темные глаза, широкоскулое лицо, маленький подбородок, тонкая талия и прекрасная осанка. Ему вдруг пришло в голову: то, что эта невысокая девушка - жительница Земли, придает ее привлекательности своеобразную пикантность.

Девушка все так же смотрела на Арвардана, потом наконец не выдержала и призналась:

- О, это бесполезно. Пожалуйста, не беспокойтесь. Глупо надеяться найти человека, если не имеешь ни малейшего представления, куда он пошел, - девушка обескураженно понурила голову, на ее глазах выступили слезы. Потом она выпрямилась, глубоко вздохнула и сказала: - Вы не видели плотного мужчину ростом примерно пять

футов четыре дюйма, в бело-зеленой одежде, без головного убора, заметно полысевшего?

Арвардан с удивлением смотрел на девушку.

- Что? В бело-зеленой?.. Нет, не может быть... Слушайте, этот человек, о котором вы говорите, разговаривает с трудом?

- Да, да. О да. Значит, вы видели его?

- Пяти минут не прошло, как он обедал с двумя мужчинами... Вот и они... Эй, послушайте!

Арвардан сделал знак рукой. Гранц подошел первым.

- Такси, сэр? - спросил он.

- Нет, но если вы расскажете юной леди, куда делся тот человек, с которым вы обедали, можете рассчитывать на вознаграждение в любом случае.

Гранц помедлил и удрученно признался:

- Был бы рад помочь вам, но я видел его первый раз в жизни.

Арвардан повернулся к девушке.

- Послушайте, мисс, он не мог уйти в том направлении, откуда вы пришли, иначе вы бы его заметили. И далеко уйти не мог. Давайте пройдем немного на север. Если он нам встретится, я его обязательно узнаю.

Предлагая помощь, Арвардан действовал под влиянием порыва, хотя его никак нельзя было назвать импульсивным человеком. Он поймал себя на том, что улыбается девушке.

Неожиданно вмешался Гранц.

- Леди, а что он сделал? Надеюсь, он не нарушил никакой закон?

- Нет, нет, - поспешно ответила девушка, - просто он немного болен, вот и все.

Арвардан и девушка ушли, а Месстер посмотрел им вслед.

– Немного болен? – сказал он, надвинул фуражку с козырьком и сердито ущипнул себя за подбородок. – Гранц, как тебе это нравится? Немного болен.

Месстер с подозрением смотрел на приятеля.

– Что ты подумал? – с беспокойством спросил Гранц.

– Кое-что, от чего я сам могу немножко заболеть. Должно быть, этот парень прибежал к нам прямо из больницы. А она – санитарка, ищет его и при этом очень волнуется. Какая нужда ей волноваться, если он только немного болен? Он и говорить-то почти не может и не понимает, считай, ничего. Это ты заметил, надеюсь?

В глазах Гранца появился панический блеск.

– Надеюсь, ты не думаешь, что это лихорадка?

– Конечно, я думаю, что это радиационная лихорадка, – и уже далеко зашедшая. А от нас-то он был всего в футе, не больше. Вечно ничего хорошего...

Рядом с ними вдруг появился невысокий тощий человечек с блестящими глазами и острым взглядом и возбужденно спросил:

– В чем дело, люди? У кого радиационная лихорадка?

Приятеля неприязненно оглянулись.

– А ты кто такой?

– Ах, – сказал человечек с острым взглядом, – вы хотите знать, кто я такой? В самом деле? Могу сообщить: я посланец Братства. Не сомневайтесь, – и он сверкнул маленьким блестящим значком на внутренней стороне отворота куртки. – А теперь, именем Общества древних я требую ответа: что вы говорили о радиационной лихорадке?

Испуганно и сердито Месстер ответил:

– Я ничего не знаю. Здесь какая-то санитарка ищет какого-то больного, вот я и подумал, уж не радиационная ли это лихорадка. Я не сделал ничего противозаконного, разве не так?

– Ого! Ты рассказываешь мне о законах? Лучше занимайся своим делом, а уж насчет законов позволь побеспокоиться мне.

Человечек потер руки, быстро осмотрелся и поспешил куда-то к северу от города.

– Вот он! – крикнула Пола и в возбуждении схватила своего спутника за локоть.

Все произошло быстро, легко и совершенно случайно. Совсем было отчаявшаяся Пола вдруг заметила Шварца у главного входа в супермаркет, находившийся меньше чем в трех кварталах от автоматического ресторана.

– Я его вижу, – прошептал Арвардан. – Теперь прячьтесь за моей спиной, а я пойду за ним. Если он заметит вас и скроется в толпе, мы его уже никогда не найдем.

Арвардан и Пола, стараясь не привлекать внимания, затеяли что-то вроде кошмарного преследования. Толпа в огромном магазине – это зыбучий песок, который может создать непреодолимые препятствия, может медленно – или быстро – поглотить свою жертву, надежно спрятать ее и потом неожиданно выбросить. Иногда кажется, что толпа даже обладает собственной злой волей.

Вскоре Арвардан принялся осторожно кружить возле одного из прилавков, играя со Шварцем, будто тот уже попался на крючок заброшенной удочки. Наконец Арвардан протянул свою большую руку и крепко взял Шварца за плечо.

Шварц что-то неразборчиво забормотал, в панике попытался вырваться, но хватку Арвардана был бы не в состоянии разорвать и человек гораздо сильнее Шварца. Арвардан же совершенно спокойно сказал, доставив удовольствие любопытным зрителям:

– Привет, старина, не видел тебя столько месяцев. Как твои дела?

Не слишком ловкий обман, подумал Арвардан, особенно если учесть нечленораздельное бормотание Шварца. К счастью, к ним вскоре присоединилась Пола.

– Шварц, – прошептала она, – пойдём с нами.

На мгновение Шварц будто окаменел, подумывая о сопротивлении, но быстро сдался.

– Я... идти... с... вами, – устало сказал он, но его слова потонули в реве внезапно оживших громкоговорителей магазина.

– Внимание! Внимание! Внимание! Дирекция просит всех посетителей организованно покинуть магазин через выход на Пятую улицу. При выходе предъявляйте охранникам свои регистрационные карточки. Магазин необходимо покинуть немедленно. Внимание! Внимание! Внимание!

Объявление повторили трижды, последний раз его уже наполовину заглушил топот толпы, спешившей выстроиться у выхода. На разные голоса повторялся один и тот же извечный вопрос, на который в таких ситуациях невозможно ответить: “Что случилось? Что происходит?”.

Арвардан пожал плечами и сказал:

– Ну что ж, мисс, давайте и мы встанем в очередь. В любом случае нам нужно уходить.

Но Пола покачала головой.

– Нам нельзя. Нам нельзя...

– Почему нельзя? – нахмурился археолог.

Но девушка только отступила на шаг. Разве могла она признаться, что у Шварца нет регистрационной карточки? Кто этот незнакомец? Почему он ей помогает? Полу переполняли подозрения и отчаяние. Охрипшим от волнения голосом она сказала:

– Вам лучше уйти. Здесь вы можете нажить большие неприятности.

На эскалаторе они спустились на первый этаж, так как верхние этажи магазина уже опустели. Внизу Арвардан, Пола и Шварц оказались крохотным островком в бурлящей человеческой реке.

Позднее, вспоминая об этом происшествии, Арвардан с ужасом думал, что в этот момент он мог оставить девушку. Оставить ее! Никогда больше ее не увидеть! И ему было бы не в чем себя упрекнуть!.. И все было бы по-другому. Великая Галактическая Империя растворилась бы в хаосе и разрушении.

Однако Арвардан не оставил девушку. Охваченная страхом и отчаянием, она растеряла всю свою привлекательность. Любой на ее месте потерял бы. Но Арвардану не давала покоя ее незащищенность.

Он отступил на шаг и обернулся к Поле.

– Вы намерены остаться здесь? – спросил он.

Пола кивнула.

– Но почему? – никак не мог понять Арвардан.

– Потому что, – девушка уже не могла сдерживать слезы, – я не знаю, что мне делать.

Теперь перед Арварданом стояла обычная насмерть перепуганная девушка, неважно, была она родом с Земли или с какой угодно другой планеты.

– Если вы расскажете мне, что у вас случи-

лось, я постараюсь вам помочь, – более мягким тоном сказал Арвардан.

Девушка не ответила.

Арвардан, Пола и Шварц образовали живую картину. Шварц опустился на корточки и в отчаянии от собственного бессилия молча обхватил голову руками; он был слишком перепуган, чтобы пытаться следить за разговором, чтобы поинтересоваться, почему внезапно опустел магазин, чтобы вообще что-то делать. Плачущая Пола понимала одно – никогда в жизни она не думала, что человек может так перепугаться. Ничего не понимающий и удивленный Арвардан в ожидании объяснений неуклюже и безуспешно попробовал ободрить Полу, похлопав ее по плечу, в результате он понял лишь, что впервые в жизни прикоснулся к девушке с планеты Земля.

К ним приближался тощий человечек.

9. КОНФЛИКТ В ЧИКЕ

Лейтенант Марк Клоди медленно зевнул и с невыразимой скукой уставился в пространство. Заканчивался второй год его службы на Земле, в гарнизоне города Чика, и лейтенант с нетерпением ждал нового назначения.

Нигде в Галактике содержание гарнизона не было столь сложной проблемой, как в этом ужасном мире под названием Земля. На других планетах у солдат с местными жителями, особенно с представительницами женского пола, устанавливались дружеские отношения. Там царили свобода и откровенность.

Здесь же гарнизон жил, как в тюрьме, в защищенных от радиации бараках, дышал фильтрован-

ным воздухом, освобожденным от радиоактивной пыли. Здесь приходилось носить холодную и тяжелую освинцованную одежду, которую нельзя снимать, не рискуя получить большую дозу облучения. И что самое главное, дружеские отношения с местным населением (если представить себе, что отчаявшийся от одиночества солдат способен дойти до того, чтобы согласиться провести время в обществе "земной" девушки) совершенно исключались.

Солдату ничего не оставалось, как изредка ворчать, постоянно дремать и медленно сходить с ума.

В безнадежной попытке прояснить мысли лейтенант Клоди потряс головой, опять зевнул, сел и медленно принялся натягивать ботинки. Он бросил взгляд на часы и решил, чтобы время ужина еще не пришло.

Потом резко вскочил, успев обуть только один ботинок, и отдал честь, сознавая, насколько нелепо он выглядит в одном ботинке и с взъерошенными волосами.

Полковник презрительно посмотрел на него, но не сделал ни одного замечания, а вместо этого строгим голосом отдал приказ:

- Лейтенант, поступили сообщения о беспорядках в деловом районе. Приказываю взять с собой дезинфекционную команду, выступить к магазину "Данхэм" и навести там порядок. Проследите за тем, чтобы все ваши люди были надежно защищены от заражения радиационной лихорадкой.

- Радиационная лихорадка! - воскликнул лейтенант. - Простите, сэр, но...

- Вы должны быть готовы через пятнадцать минут, - холодно сказал полковник.

Арвардан первым заметил тощего человечка и застыл выжидая. Человечек издали небрежно приветствовал его взмахом руки.

– Привет, начальник. Привет, здоровяк. Скажи этой молодой леди, что за слезы здесь ничего не платят.

Пола резко подняла голову и глубоко вздохнула. Стараясь найти какую-то защиту, она непроизвольно подалась к большому и сильному Арвардану, и тот тоже непроизвольно обнял ее за плечи. Он даже не заметил, что второй раз в жизни обнимает земную девушку.

– Что вам нужно? – резко спросил Арвардан.

Тощий человечек с острым взглядом скромно вышел из-за прилавка, заставленного стопками коробок. Он заговорил тоном, в котором смешивались заискивание и наглость.

– Выходить отсюда страшновато, – сказал он, – но вам, мисс, не о чем беспокоиться. Я заберу вашего приятеля и отведу назад в институт.

– Какой институт? – испуганно спросила Пола.

– А, бросьте, – сказал человечек. – Меня зовут Наттер, я тот самый парень из фруктовой лавки, что напротив Института ядерных исследований. Там я видел вас много раз.

– Послушайте, – вмешался Арвардан, – объясните, что все это значит?

Наттер затрясся в веселом смехе.

– Есть сведения, что этот парень разносит радиационную лихорадку.

– Радиационную лихорадку? – в один голос воскликнули Арвардан и Пола.

Наттер кивнул.

– Да. С ним обедали два таксиста, они об этом и сообщили. Такие новости, сами знаете, распространяются быстро.

- Значит, стражники ищут больного лихорадкой? - спросила Пола.

- Точно.

- А почему же вы не боитесь лихорадки? - резко спросил Арвардан. - Я понял так, что именно опасность заражения заставила власти вывести покупателей из магазина.

- Конечно. Власти ждут на улице, а в здание тоже боятся заходить. Они дожидаются дезинфекционной команды инородцев.

- А вы, значит, не боитесь лихорадки?

- Чего мне бояться? У этого парня лихорадки нет и в помине. Взгляни на него. Есть у него язвы на губах? И красноты на теле тоже нет, и глаза нормальные. Я знаю, как выглядит лихорадка. Стало быть, мисс, мы сейчас пойдем отсюда.

Пола снова испугалась.

- Нет, нет. Мы не можем. Он... он... - начала было она и в нерешительности замолчала.

- Я могу его вывести, - со значением сказал Наттер. - Никто не будет задавать никаких вопросов. Регистрационной карточки тоже не потребуется...

Пола, не сдержавшись, вскрикнула, а Арвардан с нескрываемым отвращением поинтересовался:

- Вы такая важная персона?

Наттер хрипло рассмеялся и показал значок.

- Посланец Общества древних. Никто не имеет права задавать мне вопросы.

- Чего же вы хотите?

- Денег! Ты места не находишь от беспокойства, а я могу тебе помочь. Честнее сделки не придумаешь. Скажем, тебе это будет стоить сто кредитов. Ты успокоишься, а я заработаю сотню. Пятьдесят сейчас, пятьдесят после доставки.

- Вы отведете его к Древним, - в ужасе прошептала Пола.

- Зачем? Им он не нужен, а я могу заработать сотню кредитов. Если вы дождетесь инородцев, они могут сначала убить его, а уж потом разбираться, была у него лихорадка или нет. Сами знаете этих инородцев, для них убить землянина - плевое дело. Пожалуй, даже удовольствие.

- Возьмите с собой девушку, - сказал Арвардан.

Но крохотные глазки Наттера смотрели очень проницательно и очень хитро.

- Ну нет. Так не пойдет, начальник. Я беру на себя только, как вы говорите, рассчитанный риск. Я могу выйти с одним человеком, с двумя - едва ли. А если я могу взять только одного, надо брать того, за кого больше дают. Разве не разумно?

- А что, - сказал Арвардан, - если я возьму вас за шиворот и повыдергиваю вам ноги? Что будет тогда?

Наттер вздрогнул, но быстро нашелся и даже рассмеялся.

- Тогда, начальник, ты будешь большим дураком. Они сцапают тебя в любом случае, и одним трупом будет больше, вот и все... Ладно, начальник. Убери руки.

- Пожалуйста, - Пола потянула Арвардана за руку, - мы должны использовать этот шанс. Давайте сделаем, как он предлагает... Вы ведь не обманете нас, мистер Наттер?

Губы Наттера искривились в улыбке.

- Твой здоровенный друг повредил мне руку. В этом не было никакой необходимости, а я не люблю, когда со мной так обращаются. За это я беру еще сто кредитов. Всего будет двести.

- Отец вам заплатит...

- Сотню вперед, - упрямо ответил Наттер.

- Но у меня нет с собой ста кредитов, - взмолилась Пола.

- Не волнуйтесь, мисс, - спокойно сказал Арвардан, - я могу помочь.

Он раскрыл бумажник, вытащил несколько купюр и бросил их Наттеру.

- Идите!

- Идите с ним, Шварц, - прошептала Пола.

Без возражений, вообще без каких бы то ни было эмоций Шварц пошел. Сейчас он мог бы с таким же безразличием отправиться даже в ад.

Арвардан и Пола остались вдвоем и молча смотрели друг на друга. В сущности только теперь Пола смогла разглядеть Арвардана и удивилась, какой он высокий, мужественный, спокойный и уверенный в себе. Первое время она воспринимала его как некоего обезличенного, невесть откуда взявшегося спасителя, но теперь... Она вдруг засмушалась, все события последних двух часов перемешались в ее голове и потеряли всякое значение. У нее быстро заколотилось сердце.

Они даже не знали, как зовут друг друга.

Пола улыбнулась и сказала:

- Я - Пола Шект.

До сих пор Арвардан не видел Полу улыбающейся и теперь с удовольствием смотрел на нее. Вдруг все лицо Пола засветилось. Арвардан почувствовал... Впрочем, он тут же решительно отбросил эту мысль. Земная девушка!

Поэтому он просто и даже более холодно, чем намеревался, сказал:

- Меня зовут Бел Арвардан, - и протянул девушке бронзовую руку, в которой на мгновение утонула ее маленькая ладонь.

– Я должна поблагодарить вас за помощь, – сказала Пола.

Арвардан только отмахнулся.

– Может быть, мы тоже пойдем? Я хотел сказать, что теперь, когда ваш друг ушел, нам здесь нечего делать, уверен, с ним все в порядке.

– Если бы его схватили, думаю, мы бы услышали шум, вы согласны? – глазами Пола умоляла подтвердить ее надежды.

Арвардан отказался от соблазна смягчить свой тон.

– Так мы идем? – спросил он.

Пола вдруг как окаменела.

– Конечно, идем, почему же нет? – резко ответила она.

Но в это время вдали послышался вой, потом пронзительный стон. Глаза девушки расширились, и ее протянутая вперед рука вдруг снова беспомощно опустилась.

– Теперь в чем дело? – спросил Арвардан.

– Солдаты Империи.

– Как, их вы тоже боитесь? – в Арвардане заговорил самоуверенный уроженец системы Сириуса, знаменитый археолог. Каковы бы ни были предрассудки и досужие разговоры, насколько бессмысленным ни казалось все здесь происходящее, приближающиеся солдаты Империи должны внести хотя бы каплю разума и гуманности в этот безумный мир. Настало время снисходительного отношения к землянам, и Арвардан заметно смягчился.

– Инородцы пусть вас не волнуют, – сказал он, позволив себе употребить земное выражение. – С ними, мисс Шект, я найду общий язык.

Но Пола не успокоилась, а, напротив, еще больше встревожилась.

- Нет, даже не думайте. Вообще не вступайте с ними в разговор. Делайте все, что они скажут, и не пытайтесь даже смотреть на них, - сказала она.

Арвардан только широко улыбнулся.

Когда солдаты были еще далеко от главного входа, стражники, заметив их, отошли назад. Они оказались на небольшой почти безлюдной площадке, где царило странное молчание. Рев армейских автомобилей приближался.

Потом на площади появились бронированные автомобили, из которых высыпало несколько групп солдат в стеклянных шарообразных герметичных шлемах. Толпа в панике разбегалась перед автомобилями. Общую неразбериху усиливали отрывистые приказы и удары рукоятками нейронных хлыстов.

Защищенный освинцованной одеждой лейтенант Клоди подошел к стражнику-землянину, стоявшему у главного входа в магазин.

- Эй, так кто тут у вас с лихорадкой?

Стеклянный шлем, в который подавался чистый воздух, слегка искажал лицо Клоди, а усилитель придавал голосу механический оттенок.

Стражник в знак глубокого уважения поклонился.

- Если вам так будет угодно, мы изолировали больного в магазине, - сказал он. - С ним были еще два человека, сейчас они стоят перед вами у двери.

- Действительно, стоят! Хорошо! Пусть постоят. А теперь прежде всего я хочу убрать толпу. Сержант! Очистить площадь!

Последовавшие действия солдат были неумолимо беспощадными и эффективными. Над Чи-

кой быстро сгущались сумерки, и толпа растворилась в темноте ближайших улиц. В городе включили неяркое искусственное освещение.

Лейтенант Клоди постучал рукояткой нейронного хлыста по голенищу своих высоких ботинок.

– Вы уверены, что больной землянин в здании? – спросил он.

– Он не выходил, ваша честь. Он должен быть там.

– Ладно, будем считать, что он там, и не станем попусту тратить время. Сержант! Приступайте к дезинфекции здания!

В здание магазина ворвались солдаты, герметически защищенные от любого контакта с земным окружением. Следующие пятнадцать минут тянулись медленно. Арвардан пристально наблюдал за всем происходящим; для него это был прежде всего интересный эксперимент в области межпланетных отношений, в который он не хотел вмешиваться.

Из магазина выбежал последний солдат. Теперь здание стало темной пустой коробкой.

– Герметизировать двери!

Прошло еще несколько минут, и канистры с дезинфицирующим составом, установленные в укромных местах по несколько штук на каждом этаже, были приведены в действие с помощью систем дистанционного управления. Канистры открылись, из них поднялись клубы густых паров, которые поползли вверх по стенам, омывая каждый квадратный дюйм их поверхности, распространились в воздухе, достигая самых далеких закоулков. Пары дезинфицирующего состава убивали все живое – от бактерии до человека. Позже зданию потребуется самая тщательная химическая очистка.

Впрочем, пока события развивались своим чередом. Лейтенант подошел к Арвардану и Поле.

- Как его звали? - спросил он. В его голосе ощущалась даже не жестокость, а скорее безразличие. Убили землянина, подумал он. Ну и что? Сегодня я убил еще и муху. Так что всего два существа.

Ответа лейтенант не дождался. Пола беспомощно опустила голову, а Арвардан все так же с интересом наблюдал за происходящим. Офицер Империи не сводил с него глаз. Он коротко кивнул и приказал:

- Проверить на лихорадку.

К Арвардану и Поле подошел офицер в форме Имперских медицинских войск. Его "проверку" никак нельзя было назвать мягкой. Наглухо закрытыми защитными перчатками он грубо провел у Арвардана и Пола под мышками, потом оттянул у каждого из них щеку, чтобы было видно полость рта.

- Лейтенант, инфекции нет. Если бы они заразились сегодня во второй половине дня, сейчас уже проявились бы все симптомы.

- Гм, - лейтенант Клоди медленно стянул шлем и с удовольствием вдохнул свежий воздух, хоть это и был воздух Земли. Он повесил неуклюжий стеклянный шлем на руку и резко сказал, обращаясь к Поле:

- Твое имя, земляной червь?

Слова были оскорбительными сами по себе, а тон, каким они были произнесены, только добавлял презрения, но Пола, казалось, ничуть не обиделась.

- Пола Шект, сэр, - ответила она шепотом.

- Документы!

Пола полезла в кармашек белой куртки и достала розовую складную регистрационную карточку.

Лейтенант взял ее, раскрыл и тщательно изучил, посвечивая себе карманным фонариком. Закончив изучение, он небрежно бросил карточку Поле. Карточка на лету раскрылась и упала на землю. Пола быстро наклонилась, чтобы поднять ее.

— Стоять! — нетерпеливо приказал лейтенант и ногой отбросил карточку в сторону. Побледневшая Пола выпрямилась.

Арвардан нахмурился, он решил, что настало время вмешаться и сказал:

— Эй, послушайте!

Лейтенант резко обернулся к нему, его губы растянулись в злой усмешке.

— Что ты сказал, земляной червь?

Мгновенно между ними оказалась Пола.

— Сэр, с вашего разрешения, этот человек не имеет никакого отношения ко всему, что произошло сегодня. Я его никогда прежде не видел...

Лейтенант оттолкнул Полу.

— Так что ты сказал, земляной червь?

Арвардан холодно в упор смотрел на лейтенанта.

— Я сказал: “Эй, послушайте!”. И еще я собирался добавить, что мне не нравится, как вы обращаетесь с женщиной, я порекомендовал бы вам обучиться более хорошим манерам.

Арвардан был слишком раздражен, чтобы поправлять лейтенанта, посчитавшего его землянином.

Лейтенант все так же зло улыбался.

— А тебя где воспитывали, земляной червь? Тебя не научили, обращаясь к человеку, добавлять слово “сэр”? Ты не знаешь, где твое место? Ладно, давно я не получал удовольствия,

давно я не учил жизни очень большого, очень щепетильного земляного червя. Получай...

Лейтенант молниеносно резким движением руки ударил Арвардана по лицу – раз, другой. Застигнутый врасплох Арвардан отступил на шаг, от гнева у него потемнело в глазах. Потом он успел заметить искаженное лицо противника.

Лейтенант вдруг скорчился и с оглушительным грохотом упал на землю, осколки стеклянного шлема разлетелись во все стороны. Лейтенант лежал без движения, а Арвардан, свирепо улыбаясь, отряхнул руки и сказал:

- Может быть, еще какой-нибудь ублюдок думает, что меня можно безнаказанно бить по лицу?

Но сержант уже поднял нейронный хлыст. Он направил его на Арвардана, хлыст выплюнул тусклую фиолетовую искру, которая лизнула высокого археолога.

Арвардан почувствовал невыносимую боль, все его мышцы окаменели, и он медленно упал на колени. Потом наступил полный паралич, и он потерял сознание.

Когда Арвардан пришел в себя, он ощутил приятный холодок на лбу. Он попытался открыть глаза, но веки отказывались повиноваться, будто их не пускали старые ржавые петли. Арвардан оставил тщетные попытки открыть глаза и медленно, очень короткими рывками, которые отдавались резкой болью во всем теле, поднес руку к лицу.

Мягкое, влажное полотенце, которое держит маленькая рука...

Арвардан все-таки заставил себя поднять веки и осмотрелся сквозь застилавший глаза туман.

- Пола, - сказал он.

Девушка радостно вскрикнула:

- Да! Как вы себя чувствуете?

- Как на том свете, - проскрипел Арвардан. - Только лишен преимущества не ощущать боль... Что случилось?

- Нас отвезли на военную базу. Здесь был полковник. Вас обыскали... Я не знаю, что они собираются делать, но... Ох, мистер Арвардан, вам ни в коем случае не следовало бить лейтенанта. Кажется, вы сломали ему руку.

На лице Арвардана появилась слабая усмешка.

- Хорошо! Еще лучше было бы, если бы я сломал ему шею.

- Но сопротивление офицеру Империи - это серьезное преступление, - в ужасе прошептала Пола.

- В самом деле? Ну что ж, посмотрим.

- Тихо! Они возвращаются.

Арвардан закрыл глаза и попытался расслабиться. Негромкое всхлипывание Пола доносилось до его ушей откуда-то издалека. Потом он почувствовал, как в руку вонзилась игла шприца, но был не в состоянии не только сопротивляться, но даже пошевелиться.

Внезапно по всему телу Арвардана пробежала волна чудесного успокоения, и вся боль куда-то ушла. Руки вновь обрели свободу движений, а спина, выгнутая напряженной дугой, медленно опустилась на пол. Арвардан быстро заморгал, оперся на локоть и сел.

За ним внимательно наблюдал полковник, а во взгляде Пола смешались страх и радость.

Полковник сказал:

- Итак, доктор Арвардан, кажется, этим вечером в городе у нас были неприятные осложнения.

Доктор Арвардан. Только тут Пола сообразила, что она почти ничего не знает о своем спасителе, даже кто он по профессии... В подобные ситуации она еще никогда не попадала.

Арвардан коротко усмехнулся.

- Неприятные осложнения, говорите? Я считаю, это слишком мягко сказано.

- Вы сломали руку офицеру Империи во время выполнения им служебных обязанностей.

- Этот офицер первым ударил меня. В его обязанности никак не входило грубо оскорблять меня ни словами, ни действием. К тому же в этом не было ни малейшей необходимости. Поступив так, он потерял всякое право, чтобы с ним обращались как с офицером и джентльменом. Будучи свободным гражданином Империи, я имел полное право возмутиться его бесцеремонным, более того, противозаконным поведением.

Полковник не нашелся, что ответить. Пола смотрела на них широко раскрытыми глазами, не понимая, что происходит.

Наконец после долгого молчания полковник довольно мягким тоном сказал:

- Хорошо. Не стану повторять, что очень сожалею об этом инциденте. Очевидно, каждый в равной мере нанес оскорбления и телесные повреждения другой стороне. Мне кажется, лучше всего забыть о случившемся.

- Забыть? Не думаю. Я был гостем во дворце прокуратора, возможно, ему будет небезынтересно узнать, как его гарнизон поддерживает порядок на Земле.

- Хорошо, доктор Арвардан. Если я пообещаю, что вам публично будут принесены извинения...

- К черту ваши извинения! Как вы намерены поступить с мисс Шект?

- Что бы вы предложили?

- Немедленно ее освободить, возвратить документы и принести ей извинения, и сейчас же.

Полковник покраснел, но, преодолевая себя, сказал, обращаясь к Поле:

- Конечно, если юная леди сочтет возможным принять мои глубочайшие сожаления...

Арвардан и Пола вышли за темные стены гарнизона. Воздушное такси за десять минут доставило их в город. Во время поездки они не произнесли ни слова и теперь стояли у опустевшего темного здания института. Было уже за полночь.

Пола сказала:

- Кажется, я не все поняла. Должно быть, вы очень важная персона. Я понимаю, это глупо, но раньше я никогда не слышала вашего имени. Я и представить себе не могла, что инородцы способны так обращаться с землянином.

Арвардану почему-то очень не хотелось признаваться. Тем не менее наступило время закончить сказку.

- Пола, я не землянин. Я - археолог из сектора Сириуса.

Пола резко обернулась к Арвардану. В лунном свете ее лицо казалось очень бледным. Какое-то время - не торопясь, можно было досчитать до десяти - она молчала, потом сказала:

- Значит, вы не побоялись так вести себя с солдатами, потому что, в конце концов, вам ничто не угрожало. И вы знали это. А я думала... я могла бы догадаться... - в ее голосе зазвучали горечь и оскорбленное самолюбие. - Покорнейше прошу простить меня, сэр, если когда-либо по не-

знанию я позволила себе унижающую ваше достоинство фамильярность...

- Пола, - раздраженно воскликнул Арвардан, - в чем дело? Ну и что, если я не землянин? Разве от этого я сразу изменился, стал не таким, каким был пять минут назад?

- Вы могли бы сказать мне раньше, сэр.

- Я не прошу вас называть меня "сэр". Не уподобляйтесь всем остальным.

- Кому "остальным", сэр? Остальным мерзким животным, которые живут на планете Земля?.. Я должна вам сто кредитов.

- Забудьте об этом, - возмущенно сказал Арвардан.

- Не могу выполнить этот приказ. Если вы сообщите ваш адрес, завтра я вышлю чек на эту сумму.

Терпение Арвардана лопнуло.

- Вы должны мне гораздо больше, чем сто кредитов.

Пола прикусила губу и тихим, покорным голосом сказала:

- Сэр, это только часть моего огромного долга, которую я сейчас могу заплатить. Ваш адрес?

- Государственная палата, - уже на ходу бросил Арвардан и исчез в темноте.

А Пола вдруг неожиданно для себя заплакала.

Шект встретил Полу у двери своего кабинета.

- Он вернулся, - сказал он. - Его привел какой-то маленький, тощий человек.

- Хорошо. - Поле с большим трудом удавалось выдавливать из себя слова.

- Он просил двести кредитов. Я дал.

- Он должен был просить только сто. Впрочем, это неважно.

Пола проскользнула мимо отца. Шект сказал задумчиво:

- Я ужасно беспокоился. Тут в округе были какие-то волнения... я не осмеливался спросить, боялся навлечь на тебя еще большие неприятности.

- Все в порядке. Ничего не случилось... Отец, разреши мне сегодня спать здесь.

Несмотря на страшную усталость, сон не шел к Поле, ведь что-то все же случилось. Она встретила человека, а он оказался инородцем.

Но у нее был его адрес. У нее был его адрес.

10. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЙ

Эти два землянина были полной противоположностью друг другу: один олицетворял верховную власть на Земле, второй - мелкое чиновничество.

Верховный министр был первым человеком на Земле, признанным правителем планеты, которого специальным декретом утверждал Император всей Галактики. Разумеется, даже Верховный министр подчинялся распоряжениям имперского прокуратора Земли. Секретарь министра казался совсем незначительным человеком - простым членом Общества древних, которого назначал или, по меньшей мере, должен был назначать на этот пост Верховный министр для выполнения разных мелких поручений и которого он мог сместить, или, во всяком случае, предполагалось, что может заменить его другим человеком в любое время.

Верховного министра знал каждый землянин. Он был высшей инстанцией в любых вопросах,

имевших отношение к законам планеты. Именно он провозглашал исполнение “Закона о шестидесятилетии“, он судил и наказывал тех, кто нарушал законы и обычаи, превышал нормы расхода продуктов, не выполнял установленные задания, проникал в запретные зоны и так далее. Секретарь же никому не был известен, никто не знал даже его имени, за исключением членов Общества древних и, разумеется, самого Верховного министра.

Верховный министр отличался хорошо поставленным командным голосом и часто выступал перед народом, произнося высокоэмоциональные речи, в которых он умел задеть чувства любого землянина. У него были светлые длинные волосы и внешность изнеженного аристократа. Секретарь, с его вздернутым носом и перекошенным лицом, предпочитал, по крайней мере на людях, говорить мало, если можно, отделаться неопределенным мычанием, а еще лучше – полным молчанием.

Воплощением власти был, конечно, Верховный министр, а его секретарь – олицетворением самой жизни на Земле. В тиши кабинета Верховного министра это было особенно заметно.

Поэтому Верховный министр был беспокоен и раздражен, а его секретарь – безмятежен и равнодушен.

– Я никак не могу понять, – говорил Верховный министр, – какая связь между всеми этими докладами, которые вы принесли? Доклады, доклады! – Он высоко поднял руку и со злостью ударил по воображаемой стопке бумаг. – У меня нет времени разбираться в них.

– Конечно, – спокойно согласился секретарь. – Поэтому вы и наняли меня. Я их читаю, оцениваю, передаю по инстанциям.

- Ну хорошо, мой славный Балкис, давайте займемся вашим вопросом. И пожалуйста, побыстрей, потому что все это мелочи.

- Мелочи? Ваше превосходительство, в один прекрасный день вы можете потерять очень многое, если ваши суждения останутся столь же поверхностными... Давайте сначала посмотрим, о чем сообщается в этих докладах, а уж потом я спрошу вас, считаете ли вы их по-прежнему мелкими. Вот первое сообщение, написанное семь дней назад, его автор - мелкая сошка в институте Шекта. Именно это сообщение помогло мне напасть на след.

- Какой след?

Балкис улыбнулся с еле заметным сочувствием к непонятливому министру.

- Разрешите напомнить Вашему превосходительству о некоторых важных проектах, которые разрабатываются на Земле в течение нескольких последних лет.

- Ш-ш! - Верховный министр, вдруг растеряв всю свою величавость, не смог удержаться, чтобы торопливо не оглядеться по сторонам.

- Ваше превосходительство, мы сможем победить только решительностью и уверенностью, а не нервозностью и растерянностью... Далее, вы знаете, конечно, что успех этих проектов зависит от целенаправленного использования этой игрушки Шекта, синапсифайера. Насколько нам известно, до сих пор синапсифайер применялся только по нашим указаниям в строго определенных целях. Теперь же выяснилось, что Шект синапсифицировал неизвестного человека, тем самым грубо нарушив наше распоряжение.

- Ну, - сказал Верховный министр, - это очень простой вопрос. Накажите Шекта, синап-

сифицированного человека посадите в тюрьму, и все проблемы решены.

– Нет, так нельзя. Ваше превосходительство, вы слишком прямолинейны. Вы не уловили главного, а главное не в том, что сделал Шект, а в том, почему он так поступил. Обратите внимание на странное совпадение, одно из целого ряда совпадений. В тот же день Шекта посетил прокуратор Земли, и Шект, как и полагается преданному землянину, подробно информировал нас о содержании их беседы. Энниус хотел, чтобы синапсифайером могла пользоваться вся Галактическая Империя. По-видимому, он обещал большую помощь и всемерное содействие со стороны самого Императора.

– Гм, – хмыкнул Верховный министр.

– Вы заинтригованы? Возможно, подобный компромисс кажется вам привлекательным в сравнении с опасностями, которые поджидают нас на выбранном пути?.. А вы помните, как пять лет назад во время голода нам обещали хлеб? Помните? В конце концов нам было отказано в поставках, потому что у нас не было имперских кредитов, а произведенные на Земле товары никто не хотел покупать, поскольку они якобы имеют высокую радиоактивность. А как же с обещанными безвозмездными поставками хлеба? Или хотя бы с займами? От голода умерло сто тысяч землян. Не верьте обещаниям инородцев.

Но это неважно. Главное, что Шект продемонстрировал свою преданность. Без сомнения, мы бы никогда не усомнились в его лояльности и уж, во всяком случае, не могли бы заподозрить в измене, да еще в тот же день. Тем не менее так и произошло.

– Вы имеете в виду эксперимент по синапсифицированию без нашего разрешения?

– Да, Ваше превосходительство. Кто этот человек, которого Шект подверг синапсифицированию? Мы его сфотографировали, а с помощью лаборанта Шекта получили и рисунок сетчатки его глаз. В планетном архиве о нем не оказалось никаких сведений. Нетрудно сделать вывод – этот человек не землянин, а инородец. Более того, Шект это знал, так как после сверки с рисунком сетчатки регистрационную карточку невозможно подделать или передать другому человеку. Итак, различные факты приводят нас к следующему заключению: Шект сознательно синапсифицировал инородца. А почему?..

Ответ на этот вопрос может оказаться разочаровывающе простым. Для наших целей Шект далеко не идеальный инструмент. В молодости он примыкал к ассимиляционистам и однажды даже был кандидатом на выборах в Совет Вашэнна, причем тогда он выступал за слияние с Империей. Между прочим, на выборах он проиграл.

Верховный министр прервал секретаря.

– Я не знал об этом.

– О том, что он потерпел поражение на выборах?

– Нет, о том, что баллотировался в Совет. Почему меня об этом не информировали? В том положении, какое Шект занимает сегодня, он очень опасен.

Балкис мягко улыбнулся, демонстрируя бесконечное терпение.

– Шект изобрел синапсифайер и до сих пор остается единственным человеком, который может со знанием дела выполнять операции. Мы никогда не спускали с него глаз, а теперь бу-

дем следить еще больше. Не забывайте, что находящийся в наших рядах, но известный нам предатель может принести больше вреда врагу, чем преданный человек – добра.

Однако продолжим анализ фактов. Шект синапсифицировал инородца. Почему? Синапсифайер может использоваться только для одной цели – для совершенствования мозга. А почему его нужно совершенствовать? Потому что только таким путем можно превзойти наших ученых, уже прошедших синапсифицирование. Ну как? Это значит, что Империя по меньшей мере подозревает о том, что происходит на Земле. Это тоже мелочи, Ваше превосходительство?

На лбу Верховного министра выступили капельки пота.

- Вы действительно так думаете?

- Факты – это такая картинка-загадка, которую можно собрать только одним способом. Синапсифицированный инородец – человек, внешне ничем не примечательный, даже жалкий. Тоже удачный выбор, лысеющий толстый старик вполне может быть самым искусным шпионом Империи. Да, конечно, так оно и есть. Кому еще можно доверить такую миссию?.. Мы следили за этим незнакомцем – между прочим, его кличка Шварц – настолько внимательно, насколько это было возможно. Теперь давайте обратимся ко второй папке.

Верховный министр бросил взгляд на эту папку.

- Это сообщения о Беле Арвардане?

- Доктор Бел Арвардан, – согласился Балкис, – известный археолог из великого сектора Сириуса, этого мира храбрых рыцарей-фанатиков, – он с презрением высказал последние слова, потом про-

должил: – Впрочем, это неважно. В любом случае в лице Бела Арвардана мы имеем любопытную полную, почти поэтическую противоположность Шварцу. Его никак нельзя назвать неизвестным, напротив, он знаменит. Проник на нашу планету не тайно, а совершенно открыто – его прибытию предшествовала широкая реклама. О нем нам сообщил не какой-то лаборант, а сам прокуратор Земли.

– Балкис, вы думаете, здесь есть какая-то связь?

– Можно предположить, Ваше превосходительство, что задание одного из них заключается в том, чтобы отвлечь наше внимание от второго. Если учесть большую искушенность правящих классов Империи в интригах, возможно также, что мы столкнулись с примером маскировки двух типов. В случае со Шварцем все огни погашены. Что касается Арвардана, яркие огни включены и направлены нам в глаза. Предполагается, что ни в том ни в другом случае мы ничего не увидим... Кстати, о чем Энниус предупреждал нас относительно Арвардана?

Верховный министр задумчиво потер нос.

– Он сказал, что Арвардан возглавляет поддерживаемую Империей археологическую экспедицию, в цели которой, в частности, входит посещение и изучение запретных зон, чисто научное, конечно. Он сказал, что ни о каком святотатстве здесь и речи нет, и, если мы сможем остановить Арвардана, не прибегая к жестким методам, он поддержит наши действия перед Имперским советом. Примерно так.

– Значит, предполагается, что мы будем внимательно следить за действиями Арвардана, но с какой целью? Конечно же, для того чтобы не позволить ему без разрешения войти в запретные

зоны. Итак, у нас появился руководитель археологической экспедиции без людей, без кораблей, без оборудования и приборов. У нас появился инородец, который не хочет оставаться на Эвересте, где обстановка почти не отличается от той, к которой он привык дома, и предпочитает путешествовать по Земле, причем в первую очередь он захотел посетить Чику. Каким же образом можно отвлечь нас от самых интересных и подозрительных обстоятельств? Очень просто: надо заставить нас внимательно следить за чем-то маловажным.

Но заметьте, Ваше превосходительство, Шварца укрывали шесть дней в Институте ядерных исследований. А потом он сбежал. Не странно ли это? Вдруг оказалась незапертой дверь его комнаты. Коридор почему-то перестали охранять. Поразительная беспечность! А что случилось в день его побега? Ну конечно, в этот же день в Чику прибыл Арвардан. Второе интересное совпадение.

- Итак, вы полагаете... - возбужденно начал Верховный министр.

- Я полагаю, что Шварц является агентом инородцев на Земле, что Шект осуществляет связь с предателями-ассимиляционистами, а Арвардан - с Империей. Обратите внимание на ловкость, с которой была устроена встреча Шварца с Арварданом. Шварцу позволяют "сбежать", и спустя некоторое время санитарка, между прочим дочь Шекта, - еще одно совпадение нас уже не удивляет - выбегает на его поиски. Если бы их расписанный по секундам план был как-то нарушен, она, очевидно, "неожиданно" нашла бы Шварца; тогда для чужих любопытных глаз он стал бы несчастным боль-

ным, тогда его снова скрывали бы до тех пор, пока не настанет время следующей попытки. Действительно, два чересчур любопытных таксиста сказали, что они видели больного человека и что, как это ни смешно, он сам подошел к ним.

Смотрите, что произошло дальше. Шварц и Арвардан впервые встретились в автоматическом ресторане. В тот момент каждый из них, очевидно, не подозревал о существовании другого. Это была всего лишь предварительная встреча, которая должна была показать, что до сих пор все прошло гладко и можно предпринимать следующие шаги... Во всяком случае, нельзя сказать, что они недооценивают нас, это очень лестно.

Затем Шварц покидает ресторан, через несколько минут уходит Арвардан и встречается с дочерью Шекта. Все рассчитано по секундам. Вдвоем они разыгрывают небольшой спектакль с участием двух водителей такси, о которых я говорил, направляются в супермаркет "Данхэм", и вот все трое собираются вместе. Где же еще, как не в супермаркете? Идеальное место встречи. Ни одна пещера в горах не может обеспечить такой безопасности. У всех на глазах, так что никаких подозрений. В толпе, так что незаметно к ним не подкрадешься. Чудесно, чудесно... Я должен воздать должное моим противникам.

Верховный министр заерзал в кресле.

— Если противнику приходится воздавать должное, мы обязательно проиграем.

— Этого не может быть. Противник уже побежден. И здесь мы должны быть благодарны нашему непревзойденному Наттеру.

— Какому Наттеру?

— Третьеразрядному агенту. После этой операции мы обязаны использовать все его богатей-

шие возможности. Вчера он действовал безукоризненно. Его первоначальной задачей было постоянное наблюдение за Шектом. Для этого он держал фруктовую лавку напротив института. Неделию назад его специально проинструктировали, чтобы он внимательно следил за развитием дела Шварца.

Он был на посту, когда Шварц сбежал. Наттер знал Шварца только по фотографиям и лишь однажды мельком видел его во время первого посещения института. Оставаясь незамеченным, он наблюдал за каждым шагом Шварца; в его докладе вчерашнее происшествие изложено во всех деталях. Проявив невероятную интуицию, он понял, что единственной целью этого так называемого "побега" была встреча с Арварданом. Наттер почувствовал, что один, без посторонней помощи, он не в состоянии получить всю информацию об этой встрече и поэтому решил сорвать ее. Водители такси, которым дочь Шекта сказала, что Шварц болен, испугались радиационной лихорадки. Наттер с гениальной прозорливостью и молниеносной реакцией ухватился за эту версию. Как только выяснилось, что встреча состоится в супермаркете, Наттер немедленно сообщил, что обнаружил больного лихорадкой, и у местных властей, слава Богу, хватило ума быстро сообразить, что от них требуется.

Магазин очистили от покупателей, и вся маскировка, которой преступники пытались надежно прикрыть свою встречу, рухнула. Они остались втроем в пустом магазине и, конечно, выглядели очень подозрительно. Наттер на этом не остановился. Он подошел к преступникам и уговорил Арвардана и дочь Шекта разрешить ему

сопровождать Шварца и отвести его назад в институт. Они согласились. Что им оставалось делать?.. В результате вчера за весь день Арвардан и Шварц не обменялись ни словом.

Наттер не арестовал Шварца и поступил очень умно. Значит, Арвардан и дочь Шекта пока не подозревают о том, что их рассекретили, они должны вывести нас на новые, еще более важные акты предательства.

Но Наттер и на этом не остановился. Он уведомил гарнизон Империи, а это была гениальная находка. В результате Арвардан оказался в такой ситуации, к которой никак не мог быть готов заранее. Ему оставалось или признаться, что он инородец, и таким образом лишиться возможности продолжать свою миссию, успех которой, очевидно, зависит от того, удастся ли ему скрываться на Земле под личиной землянина, или он должен сохранять свое истинное лицо в тайне и тогда подвергнуться всем возможным неприятностям. Он мужественно выбрал второй путь и в порыве стремления к максимальной правдивости даже сломал руку офицеру Империи. По крайней мере, этот факт говорит в его пользу.

Обратите внимание, как он действовал. Разве должен был он, инородец, подставлять себя под удар нейронного хлыста, если речь шла всего лишь о земной девушке?

Верховный министр оперся кулаками о стол. Он был очень рассержен, его удлиненное аристократическое лицо исказила гримаса.

— Вам повезло, Балкис, что по таким мелким деталям вы смогли воссоздать схему всей шпионской сети. Вы проделали очень кропотливую работу, и я чувствую, что вы правы. Логика не

оставляет места для альтернативного вывода... Но, Балкис, это значит, что враги близки к успеху. Слишком близки к успеху... На этот раз им не будет прощения.

Балкис пожал плечами.

– Они не могут быть слишком близки к успеху, иначе, учитывая возможность гибели Империи, они бы уже давно нанесли удар первыми... А времени у них остается все меньше и меньше. Если они хотят что-то сделать, то прежде всего Арвардану нужно встретиться со Шварцем. С вашего разрешения, я могу сказать, что нам следует делать.

– Да, говорите, говорите.

– Сейчас Шварца нужно отослать. Пусть страсти немного поутихнут.

– Но куда вы его отошлете?

– Это нам тоже известно. Шварца привел в институт некий мужчина, очевидно фермер. Данные об этом фермере предоставили нам и лаборант Шекта, и Наттер. Мы проверили регистрационные карточки всех фермеров в радиусе шестидесяти миль от Чики, и Наттер установил, что Шварца привез некий Арбин Марен. Лаборант независимо подтвердил этот вывод. Мы установили скрытое наблюдение за фермером. Оказалось, что он укрывает от “Закона о шестидесятилетии” своего тестя, беспомощного инвалида.

Верховный министр стукнул кулаком по столу.

– Такие случаи, Балкис, стали повторяться слишком часто. Необходимо строже следить за исполнением...

– Ваше превосходительство, дело не в этом. Гораздо важнее то, что фермера, нарушающего законы, легко шантажировать.

– О...

- Шекту и его союзникам с других планет как раз и нужен такой человек, который мог бы укрывать Шварца длительное время, ведь в институте он не может долго оставаться в безопасности. Фермер - вероятно, беспомощный и невинный землянин - идеальная кандидатура для такой цели. Итак, мы будем наблюдать за фермером и ни на секунду не спустим глаз со Шварца... В конце концов должна быть организована еще одна встреча Арвардана со Шварцем, и на этот раз мы будем к ней готовы. Теперь вам все понятно?

- Все.

- Слава Богу. Тогда я вас покидаю, - сказал Балкис и с насмешливой улыбкой добавил: - С вашего разрешения, конечно.

Верховный министр, не обратив ни малейшего внимания на сарказм, в знак согласия махнул рукой.

Секретарь возвращался в свой крохотный кабинет один, а в одиночестве мысли иногда выходили из-под контроля его воли и забирались в самые потаенные уголки сознания.

Сейчас Балкиса мало интересовали доктор Шект, Шварц, Арвардан, и меньше всего - Верховный министр.

Мысленно Балкис представил себе планету Трантор, из огромной столицы которой, занимавшей большую часть планеты, управлялась вся Галактика. А потом в его воображении возник дворец, хотя шпили и широкие арки он, как и любой другой землянин, никогда не видел наяву.

Балкис подумал о невидимых нитях власти и ставы, связывающих этот дворец со всеми планетными системами Галактики, и о почти абст-

рактном Императоре, который, вообще-то говоря, был всего лишь человеком.

В сознании Балкиса возникла и прочно удерживалась одна мысль: только безмерная власть, сконцентрированная в руках одного обычного человека, может превратить его в божество еще при жизни.

Простого человека! Такого же, как он сам!
И он мог бы...

11. ТРАНСФОРМАЦИЯ РАЗУМА

Джозеф Шварц не понимал, когда и каким образом трансформировался его разум. В абсолютной ночной тишине – сейчас гораздо тише стали ночи, да и были ли они раньше шумными, яркими, кипевшими жизнью миллионов людей, или это только плод его воображения? – в этой новой для него тишине Шварц много раз пытался восстановить ход событий. Ему очень хотелось, чтобы он мог сказать, что в это, именно в это мгновение все изменилось.

Сначала был тот странный, полный страха и потрясений день, когда Шварц остался один в непонятном мире. Этот день теперь он представлял немногим отчетливее, чем жизнь в Чикаго. Потом была поездка в Чику, которая завершилась так странно, так запутанно. Об этом он думал особенно часто.

Там были какие-то приборы... потом он принял таблетки. Несколько дней выздоровления и восстановления сил, потом побег, бесцельное блуждание по городу, необъяснимые события последнего часа в супермаркете. Наверное, он просто плохо запомнил тот день. С другой стороны, даже сейчас, спустя два месяца, все пред-

ставлялось совершенно отчетливо, в памяти великолепно сохранились все детали.

Уже тогда начались какие-то непонятные явления. Он стал понимать настроение окружающих его людей. Старый доктор и его дочь были постоянно чем-то обеспокоены, даже напуганы. Был ли Шварц в этом уверен уже тогда, или это всего лишь случайная догадка, укоренившаяся в его сознании только благодаря частым ретроспективным взглядам?

Но в супермаркете, как раз перед тем как его крепко взял за плечо тот сильный мужчина, как раз перед тем... Он вдруг стал понимать, что его сейчас схватят. Предупреждение пришло слишком поздно, и он не успел спастись бегством, но оно было, определенно было.

С того дня Шварца замучили головные боли. Это ощущение даже и болью-то трудно было назвать, скорее это было какое-то биение, как будто в его мозгу вдруг заработал потайной электродвигатель, заставлявший вибрировать каждую косточку черепа. Ни в Чикаго, – если предположить, что Чикаго существовал не только в его воображении, – ни в первые дни его жизни в реальном мире ничего подобного не было.

Не сделали ли с ним что-нибудь в тот день в Чике? Может быть, приборы? Или таблетки? Нет, это было обезболивающее. В сотый раз добравшись мысленно до этого места, он отмечал только одно – полный провал в своих воспоминаниях. Теперь же день проходил за днем без особых происшествий, без волнений, без тревог.

Здесь был Гру в инвалидном кресле, он обучал Шварца, повторяя разные слова и жестами объясняя их значение точно так же, как раньше это делала Пола. Так было до тех пор, по-

ка однажды Гру не перестал издавать бессмысленные звуки и не заговорил по-английски. Ах нет, это он, Джозеф Шварц, перестал говорить по-английски и начал объясняться с помощью бессмысленных звуков. Вот только эти звуки стали нести вполне определенный смысл.

Все оказалось так легко. За четыре дня он научился читать. Когда-то раньше, в Чикаго, у него была феноменальная память, или ему только казалось, что она у него была. Но на такие успехи он никогда не был способен. А Гру, кажется, не удивился достижениям Шварца.

Шварц отказался от попыток понять, в чем тут дело.

Потом, когда наступила настоящая золотая осень, Шварц стал работать в поле, где тоже все было просто и понятно. Поразительно, насколько быстро он схватывал все приемы сельскохозяйственных работ. Он не делал ни одной ошибки. В поле приходилось работать с довольно сложными машинами, и Шварцу достаточно было краткого объяснения, чтобы легко управиться с ними.

Шварц ждал зимних холодов, но морозы так и не наступили. Зима быстро пролетела за расчисткой полей, внесением удобрений, подготовкой посадочного материала десятком различных способов.

Шварц расспрашивал Гру, стараясь при этом объяснить, что такое снег, но Гру только удивленно тарашил глаза, потом наконец сказал:

— Падающая с неба твердая вода? Дождь, только замерзший, да? О, знаю, это называется снег! Я так понимаю, что снег бывает на других планетах, но не на Земле.

Шварц внимательно следил за погодой и обнаружил, что изо дня в день температура почти

не меняется, и все же дни становились короче, как и должно быть в северном полушарии, например на широте Чикаго. "Интересно, на Земле я или не на Земле", — задумался Шварц.

Он попробовал было читать микрофильмы-книги Гру, но быстро оставил это занятие. Конечно, люди оставались людьми, но мелочи повседневной жизни, знание которых предполагалось само собой разумеющимся, ссылки на исторические и социальные факторы, не имевшие для Шварца ни малейшего смысла, заставили его бросить чтение.

Загадки не кончались. Почему-то здесь всегда шли только теплые дожди. На некоторые участки земли ему строго-настрого запретили заходить. В конце концов однажды вечером его слишком заинтриговал светящийся горизонт, таинственное голубое свечение к югу от фермы...

После ужина он потихоньку выскользнул из дома, но не прошел и мили, как услышал шум догонявшего его двухколесного автомобиля, а потом в вечернем воздухе раздался раздраженный окрик Арбина. Шварца остановили и вернули в дом.

Дома, шагая перед Шварцем взад-вперед, Арбин сказал:

— Ты должен сторониться всего, что светится по ночам.

Шварц покорно спросил:

— Почему?

Последовал не требующий пояснений категорический ответ:

— Потому что это запрещено.

После долгой паузы Арбин спросил:

— Шварц, ты действительно не знаешь, что это такое?

Шварц только развел руками.

— Откуда ты пришел? — вслух размышлял Арбин. — Может быть, ты... инородец?

— Как это — инородец?

Арбин пожал плечами и вышел.

И все-таки этот вечер оказался очень важным для Шварца, потому что во время своей короткой неудавшейся прогулки к светящемуся горизонту он впервые почувствовал, как странное ощущение в его сознании оформилось в виде “мысленного контакта”. Так он сам назвал это ощущение; ни в тот день, ни позже более точного термина он не нашел.

Он был один. Быстро сгущались красноватые сумерки. Упругое покрытие дороги заглушало звук шагов. Он никого не видел. Он ничего не слышал. Он ни к чему не прикасался.

Нет, не совсем так... Это было что-то вроде легкого, бархатистого прикосновения, только не к телу, а к сознанию... Не совсем прикосновение, скорее присутствие чего-то непонятного, постороннего.

Но тогда он ощутил два прикосновения — два четко разделенных контакта. И второй — интересно, как он смог их различить? — был громче, нет, не громче, скорее, отчетливее, определеннее первого.

После второго мысленного контакта он понял, что это был Арбин. Шварц узнал его по меньшей мере за пять минут до того, как услышал шум двухколесного автомобиля, за десять минут до того, как увидел Арбина.

Потом мысленные контакты стали повторяться все чаще и чаще.

Шварц начинал понемногу привыкать к тому, что он всегда знает о присутствии Арбина,

Лоа или Гру, если кто-то из них находился не больше чем в тридцати шагах от него. Шварц знал, что они рядом, даже тогда, когда ничто не говорило об их присутствии, когда у него были все основания предполагать, что их нет. Принять такую неожиданно появившуюся способность как нечто само собой разумеющееся было непросто, и тем не менее постепенно собственная прозорливость начала казаться Шварцу вполне естественной.

Шварц специально проверил; оказалось, что он в любой момент может точно сказать, где находится любой из его хозяев. Он научился даже различать их; очевидно, мысленный контакт позволял узнать человека. Несколько раз он набирался нахальства и говорил об этом хозяевам.

Иногда Шварц задумывался, откуда взялся первый мысленный контакт на дороге к светящемуся горизонту. Источниками того контакта не были ни Арбин, ни Лоа, ни Гру. Впрочем, стоило ли об этом думать? Какая разница, с кем он тогда контактировал?

Разницу Шварц узнал позже. Однажды вечером он загонял скот и снова ощутил тот мысленный контакт. Он подошел к Арбину и спросил:

– Арбин, а что в том лесочке за Южными холмами?

– Там ничего нет, – неохотно отозвался Арбин. – Это министерские земли.

– А что это такое?

Арбин заметно рассердился.

– Тебе-то какое дело? Эти земли называют министерскими, потому что они принадлежат Верховному министру.

– А почему их не обрабатывают?

- Они не для этого, - ответил Арбин, возмущенный непонятливостью Шварца. - Раньше здесь был большой Центр. Еще в древности. Это место священо, и никто не имеет права туда заходить. Слушай, Шварц, если ты не хочешь нажить большие неприятности, умерь любопытство и занимайся своими делами.

- Но если это место священное, значит, там никто не может жить?

- Конечно. Вот в этом ты прав.

- Ты уверен?

- Уверен... И тебе ни в коем случае нельзя заходить туда. Для тебя это будет конец.

- Понял.

Шварц ушел в недоумении, беспокойно размышляя про себя. Ведь именно из этой рощи до него дошел мысленный контакт, очень мощный контакт. А теперь к этому ощущению прибавилось новое: контакт был определенно неблагоприятный, даже угрожающий.

Почему? Почему?

И все же Шварц не осмеливался поделиться своими сомнениями с хозяевами. Все равно они ему не поверят, а в результате с ним случится что-то очень неприятное. Это он тоже знал. В сущности, он знал слишком много.

Кроме того, за эти месяцы Шварц помолодел физически: у него подобрался живот, он раздался в плечах, мышцы окрепли и стали упругими, а все внутренние органы работали лучше. Впрочем, это обычный результат труда на свежем воздухе. Но его беспокоило не это, а какой-то новый способ мышления.

К старости человек обычно забывает, как он думал в молодые годы, забывает о быстроте смены мыслей, о смелой интуиции, о гибкости

молодого взгляда на вещи. Старики привыкают мыслить медленнее и большей частью именно поэтому, а не благодаря накопленному жизненному опыту считают себя мудрее молодых.

Что касается Шварца, то он очень обрадовался, когда обнаружил у себя способность, не растрачивая приобретенного опыта, видеть связи между вещами и явлениями. Постепенно он перестал довольствоваться объяснениями Арбина и стал сам предугадывать развитие событий. В результате он чувствовал себя помолодевшим, а не только окрепшим физически.

Прошло два месяца, и однажды все это проявилось, когда Гру и Шварц играли в шахматы в беседе.

К счастью, в шахматах изменились разве только названия фигур. Шварц помнил шахматы и играл с удовольствием. Хотя бы в этом ослабевшая память его не подвела.

Гру рассказал ему о разных вариантах игры. Оказалось, что иногда в шахматы играли вчетвером; в этом варианте у каждого шахматиста была своя доска, соприкасавшаяся углом с центральной пятой доской, не принадлежавшей никому. Были и трехмерные шахматы, в которых восемь прозрачных досок размещались стопкой одна над другой; здесь каждая фигура могла ходить не только по одной доске, но и перепрыгивать с доски на доску, фигур было вдвое больше, а победа засчитывалась только при одновременном шахе двум королям противника. Популярны были и такие варианты игры, в которых начальное положение фигур решали брошенные кости, или одни клетки получали определенные преимущества перед другими, или вводились новые фигуры, которым разрешались необычные ходы.

Но в принципе шахматы остались такими же, какими они сохранились в памяти Шварца. Первый турнир между Шварцем и Гру состоял из пятидесяти партий.

Вначале Шварц имел смутное представление о правилах игры и поэтому несколько первых партий проиграл. Потом проигрыши стали более редкими. Постепенно Гру играл все медленнее и осторожнее, часто между ходами долго и основательно раскуривал трубку, но в конце концов неизменно терпел невосполнимые потери и проигрывал.

На этот раз Гру играл белыми и его пешка уже стояла на поле e4.

- Ходи, - требовательно проворчал Гру. Он крепко стиснул зубами трубку и напряженно уставился на доску, перебегая взглядом от одного поля к другому.

Наступали сумерки. Шварц покорно сел и вздохнул. Игра с Гру становилась совсем неинтересной, потому что Шварц все точнее и точнее предугадывал каждый ход противника задолго до того, как он мог быть сделан. Шварцу иногда казалось, что в черепе Гру появилось прозрачное окошко, через которое без труда можно читать его мысли. Если добавить, что Шварц почти инстинктивно выбирал наилучший ход, то выигрыш был ему обеспечен в любой ситуации.

На этот раз они играли на "ночной" доске, светившейся в полумраке синими и оранжевыми клетками. Шахматные фигуры, которые при дневном освещении казались ничем не примечательными грубыми поделками из красноватой глины, в темноте преображались. Белые фигуры приобретали беловато-кремовый оттенок, будто

были сделаны из холодного блестящего фарфора, тогда как черные сверкали красными искрами.

Несколько первых ходов были сделаны быстро. Королевская пешка Шварца остановила наступление белой пешки. Гру вывел коня на f3; Шварц ответил ходом своего коня на с6. Затем белый слон прыгнул на b5, а Шварц двинул на клетку вперед пешку от ладьи, заставив отступить слона на a4. Тогда Шварц вывел другого коня на f6.

В сумраке руки игроков не были видны, и сверкающие шахматные фигуры, казалось, двигались сами собой.

Шварц колебался. Гру может принять его за сумасшедшего, но он должен узнать и поэтому неожиданно спросил:

– Где я?

Гру, обдумывая намеченный осторожный ход конем на с3, переспросил:

– Что?

Шварц не знал, какими словами выразить понятия “страна” или “нация”, поэтому уточнил:

– Какая это планета?

И поставил своего слона на e7.

– Земля, – коротко ответил Гру и подчеркнуто широким жестом сделал рокировку. Сначала он передвинул высокую фигуру короля, потом перенес через него и поставил рядом неуклюжую ладью.

Такой ответ ровным счетом ничего не объяснял. Произнесенное Гру слово Шварц мысленно переводил как “земля”. Но что такое “земля”? Любая планета – земля для тех, кто на ней живет. Он передвинул пешку на b5, и опять слону Гру пришлось отступать, на этот раз на поле b3. Потом Шварц и Гру поочередно вы-

двинули на клетку вперед пешки от своих ферзей, дав возможность слонам участвовать в битве, намечавшейся вскоре в центре доски.

Шварц спросил, стараясь говорить по возможности спокойно и небрежно:

- Какой сейчас год?

Он тоже рокировался.

Гру, очевидно, не сразу сообразил, чего добивается Шварц, и, помедлив немного, ответил:

- Что с тобой сегодня? Не хочешь играть? Ну если уж тебе так нужно получить ответ, то сейчас 827 год, - и насмешливо добавил: - Галактической эры.

Гру склонился над доской, нахмурился, потом решительно двинул коня на поле d5 и впервые напал на фигуры черных.

Шварц моментально уклонился, переставив своего коня на a5 с угрозой белым. Разыгралось серьезное сражение. Конь Гру сразил слона Шварца, и тот с коротким щелчком упал в ящик, где ему, побежденному воину, предстояло лежать до следующей партии. И сразу же конь-победитель пал под ударом ферзя Шварца. Перестраховавшись, Гру снизил темп атаки и перевел оставшегося коня в спокойную гавань поля e1, где он и остался стоять. Теперь конь Шварца повторил обмен, взяв слона и в свою очередь пав жертвой пешки.

Последовала еще одна пауза, потом Шварц робко спросил:

- Что такое Галактическая эра?

- Что? - издевательским тоном переспросил Гру. - Ах, ты хочешь сказать, что ты все еще соображась, какой сейчас год? Каким же надо быть ду... Ладно, я все время забываю, что ты научился говорить месяц назад или около того.

Но хватка у тебя есть. Так ты действительно не знаешь? Сейчас идет 827 год Галактической эры. Значит, прошло 827 лет после образования Галактической Империи, 827 лет после коронации Франкэнна I. А теперь, пожалуйста, твой ход.

Но Шварц не торопился делать ответный ход конем и по-прежнему держал фигуру в руке. Он был совершенно подавлен.

– Одну секунду, – сказал Шварц и поставил коня на d7. – Тебе ничего не говорят такие названия: Америка, Азия, Соединенные Штаты, Россия, Европа?.. – ему не терпелось получить хоть какие-то определенные сведения.

В темноте Шварц различал только тускло-красный огонек в трубке Гру и его тень, неподвижно нависшую над сверкающей шахматной доской; в этот момент доска казалась более живой, чем Гру. Должно быть, Гру в темноте покачал головой. Шварц не разглядел, но в этом и не было никакой необходимости. Он ощущал неприязнь Гру так же отчетливо, как если бы она была выражена словами.

Шварц предпринял еще одну попытку.

– Ты не знаешь, где бы можно было достать карту?

– Если только ты не хочешь потерять голову в Чике, – проворчал Гру, – забудь о картах. Я не географ. И тех названий, про которые ты говорил, никогда не слышал. Это что? Имена?

Потерять голову? Но почему? Шварцу стало ужасно неуютно. Уж не совершил ли он какое-нибудь преступление? И Гру знает об этом?

Шварц с сомнением в голосе спросил:

– У Солнца девять планет, правильно?

– Десять, – безапелляционно ответил Гру.

Шварц заколебался. Конечно, астрономы могли открыть десятую планету, а он об этом ничего не слышал. Но тогда почему Гру знал об этой планете? Он посчитал на пальцах и спросил:

- А как насчет шестой планеты? У нее есть кольца?

Гру медленно передвинул пешку на две клетки вперед на f4, Шварц мгновенно ответил аналогичным ходом.

- Ты про Сатурн? Ну конечно, у Сатурна есть кольца, - сказал Гру и погрузился в расчеты. Он мог взять пешку, стоявшую на вертикали f или e, но последствия выбора пока ему не были ясны.

- А нет ли пояса астероидов - маленьких планет - между Марсом и Юпитером? Я имею в виду, между четвертой и пятой планетами?

- Есть, - пробормотал Гру. Он раскуривал трубку и одновременно выбирал наилучший ход. Шварц без труда уловил напряженную растерянность Гру, которая вызвала у него только раздражение. Теперь, когда он выяснил, что "земля" - это та самая планета Земля, игра в шахматы потеряла для него всякий смысл. В его голове роилось множество вопросов, и один из них сорвался с языка.

- Значит, твои микрофильмы рассказывают правду? Есть и другие планеты?

Теперь Гру оторвался от доски, в темноте безуспешно пытаясь увидеть лицо собеседника.

- Ты это серьезно?

- Так есть другие планеты?

- Боже мой! Похоже, ты действительно ничего не знаешь!

Шварцу стало неловко от собственного невежества.

- Пожалуйста... - сказал он.

– Ну конечно же, есть и другие планеты. Миллионы планет! У каждой звезды есть планеты, только большинство их не видно. Все они входят в Империю.

Каждое слово, сказанное Гру, у Шварца сопровождалось неслышным эхом, передававшимся непосредственно от сознания к сознанию. Шварц чувствовал, что мысленные контакты день ото дня становятся все сильнее и сильнее. Может быть, скоро он научится читать мысли людей, даже если они не скажут ни слова?

Сейчас Шварц впервые подумал, что все происшедшее с ним может объясняться не сумасшествием, не потерей памяти, а каким-то необъяснимым перемещением во времени. Может быть, он проспал много лет? Охрипшим от волнения голосом Шварц спросил:

– Гру, когда все это случилось? Сколько лет прошло с того времени, когда была только одна планета?

– Что ты хочешь сказать? – Гру вдруг стал подозрительным. – Ты, случайно, не из Общества древних?

– Из какого общества? Нет, я не знаю никаких обществ, я только хотел спросить, не была ли раньше Земля единственной обитаемой планетой?.. Так что, была или нет?

– Древние говорят так, – сурово ответил Гру, – но кто знает? Кто на самом деле знает? Насколько мне известно, люди жили на других планетах давным-давно.

– А сколько это – давным-давно?

– Тысячи лет, наверное, пятьдесят или сто тысяч лет... точно не знаю.

Тысячи лет! У Шварца в горле что-то забулькало, и он в панике проглотил слюну. И все за

один шаг! Один вдох, секунда, ничтожнейший отрезок времени – и он перенесся через тысячи лет! Шварц снова начал склоняться к мысли о потере памяти. Должно быть, его заблудившийся разум еще раз сыграл с ним злую шутку и ему лишь показалось, что он узнал старую Солнечную систему.

Гру сделал очередной ход, взяв пешку Шварца на вертикали f. Шварц почти произвольно отметил, что Гру выбрал не лучшее продолжение. Он делал ход за ходом, почти не раздумывая. Его ладья двинулась вперед и взяла незащищенную передовую пешку белых. Белый конь опять перепрыгнул на f3, а слон Шварца занял позицию b7 и приготовился к атаке. Гру ответил ходом слона на d2.

Перед завершающей атакой Шварц замешкался и спросил:

Земля – главная, да?

Главная над кем?

- Над Импе...

Тут Гру заревел так, что шахматные фигурки зашатались.

- Послушай, ты, я устал от твоих идиотских вопросов. Или ты совсем дурак? Разве по Земле не видно, что она не может быть главной ни над кем? – слышалось тихое жужжание кресла, и Гру, обогнув шахматный столик, подъехал к Шварцу и схватил его за руку.

- Посмотри! Посмотри туда! – шепотом проскрипел Гру. – Видишь горизонт? Видишь, как он светится?

- Да.

- Вот это и есть Земля – вся Земля. А кое-где разбросаны крохотные несветящиеся лоскутки почвы вроде того, на котором живем мы.

- Не понимаю.

- Земная кора радиоактивна. Почва светится, всегда светила и будет светиться вечно. На такой почве даже трава не растет. Там никто не может жить... Ты, в самом деле, не знал об этом? Тогда, как ты думаешь, откуда же взялся "Закон о шестидесятилетии"?

Гру замолчал. Снова объехав на кресле вокруг столика, он вернулся на прежнее место.

- Твой ход, - сказал Гру.

"Закон о шестидесятилетии"! И опять мысленный контакт с четким оттенком угрозы. Шварц совсем не думал об игре и ход за ходом делал почти машинально, его мысли были заняты этим законом. Королевская пешка Шварца взяла пешку Гру. Гру передвинул своего коня на d4, а ладья Шварца сместилась на g5, угрожая атакой. Еще раз в наступление пошел конь Гру, переместившись на f3, и ладья Шварца уклонилась от борьбы. Но затем пешка Гру робко выдвинулась на h3, и ладья Шварца ринулась вперед. Под ее ударом пала королевская пешка, и дорога к королю Гру оказалась открытой. Король сразу взял ладью, но образовавшуюся брешь занял ферзь Шварца, с шахом переместившийся на вертикаль g. Король Гру укрылся на первой вертикали, и Шварц бросил вперед своего коня, разместив его на поле e5. Гру решительно перешел к укреплению своих защитных позиций, сделав ход ферзем на e2, а Шварц ответил ходом ферзя на два поля вперед, и теперь сражение сконцентрировалось на небольшой части доски. У Гру не оставалось выбора: он пошел ферзем на g2, и два ферзя оказались лицом к лицу. Давление черных Шварц усилил, взяв своим конем коня белых, а

когда подвергшийся атаке белый слон укрылся на третьей горизонтали, конь устремился на поле d4. Несколько минут Гру не решался сделать ответный ход, потом перенес ферзя по диагонали через всю доску и взял слона Шварца.

Теперь Гру облегченно вздохнул. У хитрого противника оказалась в опасности ладья, грозил шах королю, а ферзь был готов посеять панику в стане черных. К тому же он получил перевес, отдав пешку за ладью.

- Твой ход, - довольным голосом сказал Гру.

Шварц задумался, потом наконец решился спросить:

- Что... что такое "Закон о шестидесятилетии"?

- Почему ты спрашиваешь? Что ты вынюхиваешь? - в голосе Гру чувствовалась нескрываемая враждебность.

- Пожалуйста, - робко попросил Шварц. Он совсем пал духом. - Я не могу принести вреда никому. Я не знаю, кто я и что случилось со мной. Может быть, я потерял память.

- Очень может быть, - презрительно заметил Гру. - Ты укрываешься от "Закона о шестидесятилетии"? Отвечай прямо.

- Но я же сказал, я даже не знаю, что это такое!

Его слова звучали убедительно. Последовало долгое молчание. Мысленный контакт с Гру был зловещим, но Шварц как-то не осмеливался спросить почему.

Гру медленно объяснил:

- Шестьдесят - это твои шестьдесят лет. На Земле могут жить только двадцать миллионов человек, не больше. Чтобы жить, человек должен работать, выполнять задание. Если ты уже

не способен выполнить задание, ты не имеешь права жить. После шестидесяти ты не в состоянии выполнить задание.

- Значит... - Шварц так и остался с открытым ртом.

- Тебя убивают. Это не больно.

- Убивают?

- Это не убийство, - непреклонно ответил Гру. - Это необходимость. Другие планеты не принимают землян, надо же нам как-то освобождать место для собственных детей. Старшее поколение должно уступать место молодым.

- А если никому не говорить, что тебе уже исполнилось шестьдесят?

- Какой в этом смысл? Жизнь после шестидесяти - не шутка... К тому же каждые десять лет проводится перепись, чтобы поймать всех, кто имел глупость уклониться от закона и жить. Ну и потом, возраст каждого землянина все равно известен и зарегистрирован.

- Кроме меня, - Шварц не смог удержаться, слова сами собой сорвались с языка. - А самое главное, мне скоро будет только пятьдесят.

- Это неважно. Возраст всегда можно проверить, если сделать анализ костной ткани. Этого ты тоже не знал? Скрыть возраст невозможно. Следующий раз возьмут и меня... Ладно, твой ход.

- Ты хочешь сказать, тебя...

- Конечно. Мне только пятьдесят пять, но взгляни на мои ноги. Я не могу работать, правильно? В нашей семье зарегистрированы три человека, и задание нам дают на троих. Когда со мной случился удар, обо мне должны были сообщить, тогда нам снизили бы задание. Но по этому закону меня взяли бы раньше шестидеся-

ти, а Арбин и Лоа заупрямились и не захотели сообщать властям. Конечно, они сделали глупость, потому что им приходилось работать за троих... пока не появился ты. А в следующем году меня так и так возьмут... Твой ход.

- В следующем году будет перепись?

- Да... Твой ход.

- Подожди! - требовательно сказал Шварц. - После шестидесяти лет убирают всех? Без всяких исключений?

- Для тебя или для меня исключений не будет. Верховный министр живет столько, сколько может, еще члены Общества древних, некоторые ученые или те, кто несет особенно важную службу. Не многим это удастся. Может быть, десятку в год... Да ходи же ты, наконец!

- А кто решает, кого оставить, а кого убрать?

- Верховный министр, конечно. Будешь ты играть?

Но Шварц уже встал.

- Тут нечего играть. Мат в пять ходов. Мой ферзь с шахом берет твою пешку, тебе приходится уходить на g1. Я делаю шах конем, ты уходишь на f2, я хожу ферзем на e3 - шах, и тебе приходится спасаться на g2. Теперь мой ферзь идет на g3, и твой король вынужден бежать на h1, и тут я ставлю мат ходом ферзя на h3. Хорошая партия, - произвольно добавил он.

Гру долго смотрел на доску, потом с криком смахнул все фигуры. Сверкающие скульптурки беспомощно разлетелись по траве.

- Черт бы побрал и тебя, и твою болтовню! Ты меня только специально отвлекал! - выкрикнул он.

Но Шварц не слышал и не понимал ничего,

кроме одного – ему обязательно нужно как-то уйти от “Закона о шестидесятилетии”. Да, конечно, Браунинг сказал:

Не бойся стареть рядом со мной!

Впереди нас ждет самое лучшее...

Но при этом он имел в виду Землю, на которой живут миллиарды людей, не испытывающие недостатка в пище. Сейчас лучшее – это “Закон о шестидесятилетии” – и смерть.

Шварцу же было шестьдесят два.

Шестьдесят два...

12. СОЗНАНИЕ, КОТОРОЕ УБИВАЕТ

Шварц старался рассуждать последовательно и логично. Раз он не хочет умирать, ему нужно бежать. Если он останется на ферме, его вскоре настигнет очередная перепись, а с нею и смерть.

Значит, нужно бежать. Но куда?

В Чике было... что это было? Может быть, больница? Раньше там его лечили. А почему? Потому что он представлял для них интерес как необычный пациент. А сейчас он им интересен или нет? Теперь он может говорить, он в состоянии сам описать симптомы, чего не мог сделать раньше. Он даже может рассказать им о мысленных контактах.

А вдруг на мысленные контакты способен каждый? Как это можно узнать?.. Никто из его хозяев, ни Арбин, ни Лоа, ни Гру, не улавливал мысленные контакты, это точно. Они даже не могли сказать, где он находится, если не видели его или не слышали его голос. К тому же он не смог бы постоянно выигрывать у Гру в шахматы, если бы Гру...

Стоп! Шахматы – игра очень популярная. Если бы все владели мысленным контактом, эта игра потеряла бы всякий смысл. Конечно, потеряла бы.

Так вот чем он отличается от всех людей – психологическими особенностями. Быть подопытным кроликом, возможно, не такая уж заманчивая перспектива, но по крайней мере в этой роли есть шанс остаться в живых.

А если учесть еще одну возможность, которая пришла ему в голову совсем недавно? Предположим, он не потерял память, а каким-то образом совершил путешествие во времени. Тогда у него есть не только мысленные контакты, но и сам он – человек из прошлого, исторический экспонат, археологическая диковинка. Такого человека они не могут убить.

Если ему поверят.

Вот именно, если ему поверят.

Тот старый доктор поверил бы. Когда утром Арбин привез его в Чику, у него уже отросла щетина, он даже хотел побриться. Это он помнил очень хорошо. А потом волосы перестали расти – должно быть, с ним что-то сделали. Значит, доктор определенно знал, что у него, у Шварца, были волосы на лице. Это важно или не важно? Гру и Арбин никогда не брились. Гру даже как-то сказал ему, что волосы растут только у животных.

Итак, надо попасть к доктору.

Как его звали? Шект?.. Правильно, доктор Шект.

К несчастью, этот кошмарный мир был почти незнаком Шварцу. Если бежать ночью или напрямик, минуя дороги, обязательно попадешь

в какую-нибудь таинственную ловушку или забредешь на участок с опасно высоким уровнем радиоактивности. А он о таких участках абсолютно ничего не знал. С готовностью человека, у которого нет другого выбора, Шварц решил уйти по шоссе сразу после обеда.

Тогда до ужина его никто не хватится, а к этому времени он уйдет очень далеко. Мысленного контакта его хозяева не знают, поэтому ничего не заметят.

Первые полчаса у Шварца было приподнятое настроение – пожалуй, впервые за все время его жизни в новом мире. Наконец-то он что-то предпринял, он пытался бороться с обстоятельствами. И на этот раз у него была конкретная цель, не то что во время его первого безрассудного побега в Чике.

Ну что ж, для старика он не так уж плох. Он им еще покажет.

Потом Шварц остановился. Остановился посреди шоссе, потому что в его сознание вдруг вторглось что-то знакомое, хотя уже и порядком забытое.

Ну конечно, это был тот странный мысленный контакт, контакт с тем же незнакомцем, который впервые он ощутил, когда попробовал дойти до светящегося горизонта, но тогда его остановил Арбин. Тот же контакт позднее донесся до него из министерских земель.

Теперь источник этого мысленного контакта снова был где-то рядом. Он не отступал, внимательно и осторожно следил за Шварцем.

Шварц прислушался, нет, не прислушался, потому что никаких звуков не было слышно, а тщательно проанализировал мысленный контакт. Он не приближался, но и не отставал, как буд-

то был привязан к Шварцу. В контакте ощущались настороженность и внимание, на отчаяние не было и намека.

Все стало ясно. Кто-то следил за Шварцем и не хотел упускать его из виду. Кроме того, этот преследователь вооружен.

Почти произвольно, но очень осторожно Шварц обернулся и внимательно осмотрел дорогу до самого горизонта.

Мысленный контакт мгновенно изменился.

Теперь преследователь засомневался, стал неуверенным и в собственной безопасности, и в успехе своего дела, каким бы это дело ни было. Стало еще более очевидным, что он вооружен: у Шварца даже создалось впечатление, будто он раздумывает, стоит ли применить оружие, если не удастся скрытно продолжать слежку.

Безоружный Шварц хорошо сознавал свою беспомощность и догадывался, что преследователь скорее убьет его, чем позволит уйти от слежки, убьет при первом неверном движении... А преследователь так и не показывался.

В конце концов Шварц пошел дальше, хорошо понимая, что преследователь идет за ним по пятам и в любой момент готов пустить оружие в ход. Шварц напряженно ждал чего-то. Как ощущается смерть? Что при этом испытывает умирающий?.. Такие мысли не давали ему покоя, преследовали неотвязно и скоро стали почти невыносимыми.

Как за спасательный круг Шварц ухватился за мысленный контакт с преследователем. Возможно, так он предугадает тот мгновенный всплеск эмоций, который будет означать, что оружие уже поднято, нацелено и курок уже спускается. В тот момент он может успеть упасть на землю или побежать...

Но зачем все это? Если бы все дело было только в "Законе о шестидесятилетии", его могли бы убить сразу, без всякой слежки.

Наиболее реальной опять стала казаться мысль о потере памяти, а гипотеза о перемещении во времени поблекла. Наверное, он преступник, даже очень опасный преступник, за которым приходится следить. Может быть, когда-то он занимал высокий пост, поэтому его нельзя просто так убить, он должен предстать перед судом. Возможно, его потеря памяти — это всего лишь не зависящее от него стремление разума ускользнуть от признания какой-то огромной вины.

С такими мыслями Шварц шагал по безлюдному шоссе к своей довольно неопределенной цели, а смерть шла за ним по пятам.

Наступали сумерки, подул слабый прохладный ветерок. Не в первый раз это показалось Шварцу противоестественным. По его подсчетам сейчас должен был быть декабрь; конечно, ничего необычного не было в том, что в это время года закат наступил в половине пятого, но чуть прохладный приятный ветерок никак не соответствовал привычному представлению Шварца о декабрьских морозах в Чикаго.

Для себя Шварц уже давно решил, что причина неизменно мягкой погоды кроется в том, что планета (Земля?) получает тепло не только от своего светила. Радиоактивная почва тоже выделяет тепло — совсем немного на каждом квадратном футе, но огромное количество на площади в миллионы квадратных миль.

В сгуставшихся сумерках мысленный контакт

с преследователем стал более отчетливым, очевидно, преследователь приближался. Он был по-прежнему осторожен, но все же решил рискнуть. Действительно, в темноте недолго и упустить того, за кем следишь. В тот первый раз он не побоялся идти за ним к светящемуся горизонту. Не захотел рисковать еще раз?

- Эй! Эй, парень...

Голос бы пронзительно высоким и гнусавым. Шварц резко остановился и медленно повернулся всем телом.

Невысокий мужчина махал рукой, но в сумерках Шварц различал лишь фигуру, лица не было видно. Он не спеша приближался. Шварц ждал.

- Эй, привет! Рад тебя видеть. Мало удовольствия тащиться по дороге одному. Не против, если я составлю тебе компанию?

- Здравствуй, - без энтузиазма ответил Шварц. Да, это был тот самый мысленный контакт. Это тот же преследователь. И лицо знакомое. Он встречал этого человека в то смутное время в Чике.

Преследователь сделал вид, что только сейчас узнал Шварца.

- Слушай, а я тебя знаю. Конечно!.. Ты меня не помнишь?

Трудно сказать, поверил бы Шварц в искренность этого человека в другое время и в более спокойной обстановке. Теперь же он не мог не видеть, как сквозь искусственный восторг внезапного узнавания прорывается мощный импульс мысленного контакта, который совершенно определенно говорит: этот человечек с очень острым, насквозь прощупывающим взглядом с самого начала знал, кто такой Шварц, и не толь-

ко знал, но при необходимости готов был применить против него оружие.

Шварц не признался и в ответ покачал головой.

- Ну как же, - настаивал человечек, - это было в супермаркете. Тогда я вывел тебя из толпы, - он даже согнулся вдвое в припадке деланного смеха. - Все думали, что у тебя радиационная лихорадка. Помнишь?

Кое-что Шварц помнил, но нечетко, как будто это было во сне. Да, там были и похожий человек, и толпа; сначала толпа остановила их, но потом люди расступились и дали им возможность уйти.

- Помню, - ответил Шварц. - Рад тебя видеть.

Беседа получалась не слишком оживленной, но Шварц не мог заставить себя говорить, а человечек вроде бы ничего не имел против его немногословия.

- Меня зовут Наттер, - сказал он и протянул Шварцу маленькую руку. - Тогда мне так и не удалось поболтать с тобой, такие дела заварились, что не до того было... Но я очень рад, что мы встретились еще раз, теперь можно все исправить. Ну, давай знакомиться.

- Шварц, - назвавшись, он слегка прикоснулся ладонью к протянутой руке Наттера.

- Как ты здесь оказался? - спросил Наттер. - Куда-нибудь направляешься?

Шварц пожал плечами.

- Просто гуляю.

- Любишь бродить пешком, да? Мне это тоже нравится. Я круглый год на дорогах - помогает размять старые кости.

- Что?

- Ну, понимаешь, повышает жизненный тонус. Дышишь свежим воздухом, чувствуешь, как кровь бежит по жилам, да?.. На этот раз забрел слишком далеко. Терпеть не могу ночью возвращаться один. Вообще всегда рад компании. Ты куда идешь?

Наттер уже второй раз задавал этот вопрос, и контакт недвусмысленно подтверждал, что он для него очень важен. Шварц понял, что долго уклоняться от ответа ему не удастся. Мысленный контакт с Наттером становился все более тревожным. И никакая ложь здесь не поможет. Шварц слишком плохо знал этот мир, чтобы позволить себе лгать. Подумав, Шварц ответил:

- В больницу.

- В больницу? В какую больницу?

- В Чике. Я уже был там.

- Наверное, ты хочешь попасть в Институт? Правильно? Это то заведение, куда я тебя привел в первый раз из магазина.

Напряжение и тревога все возрастали.

- Я иду к доктору Шекту, - сказал Шварц. - Ты его знаешь?

- Слышал. Большая шишка. Ты больной, что ли?

- Нет, но мне сказали, чтобы время от времени я появлялся там для осмотра.

Кажется, довольно правдоподобное объяснение, подумал Шварц.

- И ты ходишь туда пешком? - усомнился Наттер. - Неужели доктор не может прислать за тобой автомобиль?

Очевидно, объяснение Шварца не показалось Наттеру достаточно правдоподобным.

Ответить было нечего, и Шварц на этот раз промолчал.

Напротив, Наттер не терял бодрости.

- Слушай, приятель, как только мы увидим

платный коммуникатор, я вызову такси из города, встретим его на дороге, и оно довезет нас.

– Коммуникатор?

– Ну да. Они стоят вдоль любого шоссе. Смотри, вот и коммуникатор.

Наттер сделал шаг в сторону, а Шварц неожиданно для самого себя закричал:

– Стой! Не двигайся!

Наттер остановился и обернулся. Он был удивлен, но поразительно спокоен.

– Что с тобой, приятель?

Шварц залпом выпалил своему попутчику слова, которые он не без труда находил в новом для него языке:

– Слушай, мне надоел этот спектакль. Я знаю тебя, и мне хорошо известно, что ты намерен делать. Ты сообщишь своим друзьям, что я иду к доктору Шекту. Они быстро сообразят и вышлют автомобиль, чтобы забрать меня. А если я попробую убежать, ты меня убьешь.

Наттер нахмурился и неслышно пробормотал:

– Насчет последнего ты прав, клянусь...

Эти слова были не для Шварца, в сущности, они почти не были произнесены, но лежали на поверхности мысленного контакта. Вслух Наттер сказал:

– Мистер, ты меня даже напугал. Надо же так насочинять; ничего похожего я не говорил и не думал.

Но все же он отступил на шаг и протянул руку к оружию.

В этот момент Шварц совсем потерял самообладание. Бешено размахивая руками, он закричал:

– Оставь меня в покое, слышишь! Что я тебе сделал?.. Убирайся! Убирайся!

У Шварца сорвался голос. Он с ненавистью и страхом смотрел на этого человека, который охотился за ним, как за диким зверем, и в котором не чувствовалось ничего, кроме открытой враждебности. Собственные эмоции Шварца обрушились на мысленный контакт, всячески стараясь порвать с ним, отделаться от него любым способом...

И контакт исчез. Неожиданно, в одно мгновение контакт перестал существовать. Наттер на секунду ощутил страшную всеобъемлющую боль, а потом вообще ничего не стал чувствовать. И мысленный контакт угас, как иногда ослабевает казавшаяся железной хватка.

Лежавший на шоссе Наттер в темноте был похож на съжившийся комок. Шварц наклонился к нему. Наттер был совсем легким, перевернуть его ничего не стоило. Лицо Наттера сохранило следы предсмертной агонии, морщины не успели разгладиться, мышцы остались напряженными. Шварц попробовал найти пульс – безуспешно.

В ужасе Шварц выпрямился.

Он убил человека!

А потом ужас сменился удивлением...

Он ни разу не прикоснулся к нему! Он убил человека только силой своей ненависти, передав ее каким-то таинственным образом через мысленный контакт.

Какими еще силами он владеет?

Шварц быстро принял решение. Он обшарил карманы убитого и нашел деньги. Хорошо! Деньги ему пригодятся. Потом он оттащил труп с дороги в высокую траву придорожной канавы.

И снова пошел по шоссе. Теперь его не беспокоили никакие мысленные контакты.

Через два часа Шварц устроился спать прямо

на лужайке, а утром, потратив еще два часа на дорогу, добрался до окрестностей Чики.

По сравнению с Чикаго, воспоминания о котором еще не совсем стерлись в памяти Шварца, Чика казалась ему поселком, в котором пешеходы встречались лишь изредка. Но даже в этом поселке число мысленных контактов возросло неимоверно, они смущали и сбивали Шварца с толку.

Такое множество контактов! И все разные: одни неустойчивые, расплывчатые и поверхностные, другие мощные и целенаправленные. Шварцу встречались люди, сознание которых было переполнено мириадами мыслей; впрочем, попадались и такие, в мозгу которых не было ни одной мысли, кроме разве что воспоминаний о недавно съеденном завтраке.

Сначала каждый мысленный контакт заставлял Шварца оборачиваться и чуть ли не подпрыгивать на месте, но уже через час он понял, что эти контакты не имеют к нему никакого отношения, научился не замечать их.

Теперь Шварц иногда слышал слова, даже если они и не были произнесены вслух. Это было совершенно новое ощущение, и Шварц произвольно стал прислушиваться. Чаще всего до него доносились несвязные, кажется лишённые смысла отдельные слова, короткие, обычно мрачные фразы; и у Шварца создалось впечатление, будто их приносил откуда-то издалека ветер, совсем издалека... Вместе со словами в сознание Шварца проникали настроения, эмоции и какие-то неуловимые элементы внутреннего мира людей, которые невозможно описать словами. Весь мир стал панорамой кипящей внутренней жизни, но видел эту панораму только он один.

Потом Шварц обнаружил, что он в состоянии заглядывать внутрь зданий, не заходя в них, а только направляя туда свое сознание, как будто это было вовсе и не сознание, а какой-то прибор на привязи, способный проникать сквозь мельчайшие, невидимые глазом щели и приносить назад обрывки мыслей чужих людей.

Перед большим зданием, облицованным камнем, Шварц в нерешительности остановился. За ним, размышлял он, охотятся. Кто и почему охотится, Шварц не знал. Он убил следившего за ним человека, наверное, этот человек был не один, должны быть и другие преследователи, например, те, которых убитый хотел вызвать по коммуникатору. Вероятно, лучше всего на несколько дней спрятаться, но как это сделать?.. Найти работу?

Шварц внимательно прозондировал здание, у входа в которое он стоял. До его сознания донесся далекий мысленный контакт, который мог означать работу. Здесь требовались текстильщики, а ведь Шварц когда-то был портным.

Он вошел. Никто не обратил на него внимания. Шварц тронул за плечо первого встречного.

— Скажите, пожалуйста, где я могу узнать насчет работы?

— Вон за той дверью, — этот мысленный контакт был раздраженным и подозрительным.

Шварц толкнул дверь и оказался лицом к лицу с худощавым мужчиной с острым подбородком. Он забросал Шварца вопросами, после каждого вопроса нажимал клавишу, вводя ответ Шварца в память классификатора.

Отвечая на бесчисленные вопросы, Шварц запинался и одинаково нерешительно говорил и правду и неправду.

Вначале чиновник казался совершенно безразличным. Вопросы сыпались один за другим.

— Возраст?.. Пятьдесят два? Гм... Состояние здоровья?.. Женаты?.. Опыт работы?.. Работали с текстильными материалами?.. Хорошо, с какими именно?.. Термопластичными? Эластомерными?.. Как это так, вы думаете, со всеми?.. У кого вы работали последний раз?.. Продиктуйте фамилию по буквам... Вы не из Чики?.. Где ваши документы?.. Если вы хотите, чтобы мы начали оформлять вас на работу, надо было взять документы с собой... Какой ваш регистрационный номер?..

Шварц попятился. Направляясь сюда, он совсем не был готов к такому приему. И мысленный контакт с чиновником менялся на глазах. Из неопределенного и безразличного он превратился в подозрительный и очень осторожный. На поверхности мысленного контакта лежали доброжелательность и общительность, но они не только не скрывали враждебность и настороженность, а скорее подчеркивали их опасность.

— Кажется, — нервно сказал Шварц, — я не гожусь для этой работы.

— Нет, нет, вернитесь, — чиновник поманил Шварца рукой. — У нас есть место для вас. Только разрешите мне сначала немного порыться в бумагах.

Чиновник продолжал улыбаться, но мысленный контакт говорил о растущем недоверии. Чиновник нажал кнопку на столе...

В тот же момент Шварц в панике бросился к двери, а чиновник, поспешно выбираясь из-за стола, закричал:

— Задержите его!

Шварц отчаянно ударил своим сознанием по мысленному контакту и тотчас услышал за спи-

ной стон. Он быстро оглянулся: с искаженным от боли лицом чиновник сидел на полу, прижимая ладони к вискам. Над ним склонился неизвестно откуда взявшийся другой мужчина, который, подчиняясь требовательному жесту чиновника, направился к Шварцу. Шварц не стал дожидаться. Он выбежал на улицу, понимая, что в ближайшее время будет объявлен розыск, что сыщикам дадут полное описание его примет, ведь наверняка тот чиновник хорошо его запомнил.

Шварц бежал по улицам, не выбирая дороги, петляя. Все обращали на него внимание, тем более сейчас, когда на улицах стало очень много народу. Множество мысленных контактов, во всех подозрения, настороженность, потому что он бежит и потому что его одежда помята и не подходит по размеру...

Шварц окончательно запутался в этом море мысленных контактов, в собственном страхе и отчаянии и уже не мог разглядеть настоящих врагов, тех, в мыслях которых он мог бы прочесть не только подозрение, но и решимость. Шварц не почувствовал даже слабого сигнала, предупреждающего об ударе нейронного хлыста.

Он только внезапно ощутил ужасную боль, которая, как удар кнута, пронизала все его тело, но затем не ушла, а осталась, казалось, навечно, как будто на него навалилась тяжесть огромной скалы. Несколько секунд длилась эта невыносимая агония, а потом Шварц потерял сознание.

13. ЗАГОВОР В ВАШЭННЕ

Территория Колледжа древних в Вашэнне олицетворяла спокойствие и неторопливость. Здесь неукоснительно соблюдались все многочис-

ленные обычаи и строгие нравы; строгость нравов ощущалась и в том, как новообращенные небольшими группами совершали вечерний моцион под деревьями Квадрата, куда не мог ступить ни один человек, кроме членов Общества древних. Изредка, снисходительно кивая в ответ на почтительные поклоны, лужайку пересекал кто-либо из Старших древних в зеленой мантии.

И уж совсем редко в Квадрате мог появиться сам Верховный министр.

Но никогда он не появлялся так, как в этот раз. Верховный министр почти бежал, с него только что не лил градом пот. Он не замечал почтительных приветствий, не видел устремленных на него осторожных слегка недоуменных взглядов, приподнятых бровей, не слышал робких перешептываний.

Через личный вход он ворвался во Дворец законов и, уже не сдерживаясь и громко топая, помчался вниз по ступенькам безлюдной лестницы. Верховный министр забарабанил в дверь, по сигналу изнутри дверь открылась.

За небольшим обычным канцелярским столом сидел секретарь Верховного министра. Склонившись над миниатюрным телевизором, он внимательно слушал и изредка бросал рассеянный взгляд на возвышавшуюся перед ним солидную стопку деловых бумаг. Секретарь мельком взглянул на ворвавшегося Верховного министра.

Верховный министр резко стукнул кулаком по столу.

- Что это такое? Что происходит?

Секретарь еще раз спокойно посмотрел на министра и сдвинул телевизор в сторону.

- Рад приветствовать вас, Ваше превосходительство.

- Я не нуждаюсь в ваших приветствиях! - раздраженно выкрикнул Верховный министр. - Я хочу знать, что происходит.

- Одним словом, наш человек сбежал.

- Вы имеете в виду того человека, которого синапсифицировал Шект... инородца... шпиона... того, который работал на ферме недалеко от Чики...

Неизвестно, сколько еще характеристик Шварца высыпал бы на голову секретаря не находивший себе места Верховный министр, если бы секретарь не остановил его коротким замечанием:

- Вот именно.

- Почему мне не сообщили? Почему мне вообще никогда ничего не сообщают?

- Нужно было принимать срочные меры, а вы были заняты. Поэтому я счел возможным заменить вас, конечно, насколько это в моих силах.

- Да, вы чрезвычайно внимательны и не рискуете беспокоить меня, если хотите провернуть какое-то дельце в мое отсутствие. Впредь я этого не допущу. Я не позволю, чтобы меня вводили в заблуждение, чтобы мной пренебрегали. Я не...

- Мы впустую тратим время, - все таким же невозмутимым тоном заметил Балкис, и Верховный министр сразу утих. Он прокашлялся, в нерешительности поколебался, потом, смягчившись, поинтересовался:

- Так каковы же подробности его побега, Балкис?

- Мы не располагаем почти никакими подробностями. Этот Шварц два месяца терпеливо выжидал, а потом, когда ничто не говорило о

его намерениях, вдруг ушел. За ним следили, но упустили.

- Как упустили?

- Пока мы не знаем точно, но кое о чем говорит такой факт. Прошлой ночью наш агент Наттер три раза не вышел на связь в условленное время. Его коллеги направились на поиски по шоссе, ведущему в Чику, и на рассвете нашли Наттера. Он лежал в придорожной канаве без малейших признаков жизни.

Верховный министр побледнел.

- Иноходец убил его?

- Возможно, хотя мы и не можем утверждать это со всей определенностью. Никаких признаков насильственной смерти мы не обнаружили, если не считать, что лицо Наттера застыло в предсмертной агонии. Разумеется, мы сделаем вскрытие. Вообще говоря, в самый неподходящий момент он мог умереть от удара.

- Это было бы невероятным совпадением.

- Вот и я так думаю, - спокойно согласился секретарь. - Но если допустить, что Шварц убил нашего агента, то дальнейшие события объяснить очень трудно. Видите ли, Ваше превосходительство, мой последний анализ показал, что Шварц должен стремиться в Чику для встречи с Шектом. Кроме того, труп Наттера был найден на полпути между фермой Марена и Чикой. Поэтому три часа назад мы объявили тревогу в городе, и вскоре Шварца схватили.

- Шварца? - недоверчиво переспросил Верховный министр.

- Конечно.

- Почему вы об этом сразу не сказали?

Балкис пожал плечами.

- Ваше превосходительство, у нас много го-

раздо более важных дел. Я сказал, что Шварц в наших руках. Да, мы его схватили быстро и без особых проблем, но, как мне кажется, этот факт не очень хорошо согласуется со смертью Наттера. Как может человек быть одновременно настолько хитрым и изворотливым, чтобы обнаружить и убить нашего самого способного агента, и настолько глупым, чтобы на следующее же утро прийти в Чику и без всякой маскировки направиться на фабрику якобы устраиваться на работу.

- Он так сделал?

- Да, именно так... Поведение Шварца можно объяснить двумя причинами: или он уже передал необходимые сведения Шекту или Арвардану и теперь позволил себя схватить, чтобы отвлечь наше внимание, или во всей этой операции участвуют другие агенты, которых мы не смогли обнаружить и которых он теперь прикрывает. В любом случае мы не должны успокаиваться.

- Не знаю, - беспомощно сказал Верховный министр. - Для меня все это слишком сложно.

Почти не скрывая презрения, Балкис улыбнулся и сказал:

- Через четыре часа у вас назначен прием профессора Бела Арвардана.

- У меня? Почему? Что я должен ему говорить? Я не хочу с ним встречаться.

- Успокойтесь. Ваше превосходительство, вам придется принять Арвардана. Мне представляется очевидным, что ввиду приближения даты начала его фиктивной экспедиции он должен выдать себя, попросив у вас разрешения исследовать запретные зоны. Об этом нас предупреждал Энниус, он должен досконально знать все детали

планируемого фарса. Надеюсь, вы сможете ответить обманом на обман и пустой болтовне противопоставить ничего не значащие фразы.

Верховный министр понурил голову.

— Хорошо, я попытаюсь.

Бел Арвардан прибыл заблаговременно и поэтому мог хорошо осмотреться. Человеку, неплохо знакомому с шедеврами архитектуры всей Галактики, Колледж древних мог показаться мрачным казематом из гранита и стали, образцом архаичного стиля. Если же этот человек был еще и археологом, то для него угрюмый аскетизм сооружения, напоминавшего первобытные постройки, был еще и свидетельством мрачного, почти дикого образа жизни его обитателей. Примитивность сооружения напоминала о далеком прошлом.

Мысли Арвардана переключились на другие темы. Его двухмесячное турне по городам западного полушария Земли оказалось не очень... увлекательным. Много нарушил тот злополучный первый день в Чике. Невольно он снова и снова мысленно возвращался к событиям того дня.

В такие моменты Арвардан всегда был недоволен собой. О чем тут вспоминать? Обычная земная девушка, грубая, вопиюще неблагодарная. Почему он должен чувствовать за собой вину? И все же...

Понял ли он, каким ударом было для нее известие о его происхождении? Подобный удар, наверное, перенес и тот офицер, который оскорбил ее и которому за высокомерие и жестокость Арвардан отплатил, сломав ему руку. В конце концов, он понятия не имел, чего она уже ус-

пела натерпеться от инородцев. А чего стоит после всего этого неожиданно узнать, что и он тоже из них?

Если бы он проявил чуть больше внимания и терпения... Зачем он сразу все бесповоротно порвал? Он даже не помнил ее фамилии. Ее звали Пола... а фамилию он забыл. Странно! Обычно память так не подводила его. Не было ли это бессознательной попыткой забыть ее?

Ну что ж, в этом есть смысл. Забыть! Да и вообще, было ли то, о чем стоило помнить? Земная девушка. Самая обычная земная девушка! Она работала санитаркой в больнице. Предположим, он постарается найти эту больницу. Когда они расстались, в темноте больница казалась ему всего лишь смутным пятном. Но она должна быть где-то рядом с автоматическим рестораном.

Арвардан гневно отбросил эту мысль и снова рассердился на себя. С ума он сошел, что ли? Что он выиграет? Она — земная девушка. Милая, хорошая, даже отчасти привлекательная...

Арвардан искренне обрадовался, заметив приближающегося Верховного министра. По крайней мере на этот день он освободится от мыслей о Чике. Но в глубине души он был уверен, что они к нему вернуться. Они, эти мысли, всегда возвращались.

Новые одежды Верховного министра сверкали и источали свежесть. На его лице не было ни следа спешки или неуверенности; невозможно было даже представить себе, чтобы на этом лице могла выступить испарина.

И беседа получилась вполне дружественной. Арвардан постарался обратить особое внимание Верховного министра на пожелания благополу-

чия и процветания народу Земли от некоторых высокопоставленных чиновников Империи. Верховный министр подчеркнул, что каждый землянин должен испытывать глубокую признательность великодушному и высокопросвещенному правительству Империи.

Арвардан пространно рассказал о важности археологии для философии Империи, о ее вкладе в величайшее достижение человеческого разума – теорию о том, что все люди, на какой бы планете Галактики они ни родились, – братья. Верховный министр вежливо согласился и отметил, что земляне уже давно придерживаются такой точки зрения и могут только надеяться на то, что скоро наступит время, когда и на всех других планетах Галактики эта теория найдет свое практическое воплощение.

При этих словах министра Арвардан слегка улыбнулся и заметил:

– Именно с этой целью я и попросил Ваше превосходительство уделить мне несколько минут вашего драгоценного времени. Основные различия между землянами и жителями некоторых соседних доминионов Империи заключаются, пожалуй, в образе мышления. И все же значительную долю трений можно устранить, если удастся доказать, что земляне с точки зрения их расовой принадлежности не отличаются от граждан других миров Галактики.

– И каким же образом вы предполагаете доказать это, сэр?

– Это не так просто объяснить в двух словах. Возможно, Ваше превосходительство знает, что в настоящее время существуют два главных пути развития археологической науки, называемые теорией слияния и миграционной теорией.

- На уровне дилетанта я знаком с этими теориями.

- Прекрасно. Так вот, теория слияния, как вы знаете, утверждает, что различные расы людей появились и развивались независимо, однако уже после самых первых примитивных межзвездных полетов, о которых не сохранилось практически никаких данных, они слились в одну расу в результате смешанных браков. Подобное утверждение было вынужденным, поскольку только так можно было в рамках этой теории объяснить, почему в наше время люди, живущие в разных звездных системах, настолько похожи друг на друга.

- Да, - сухо прокомментировал Верховный министр. - Эта теория, кроме того, подразумевает независимое появление и развитие нескольких сотен или даже тысяч типов живых существ, настолько близких человеку в смысле биохимического состава и биологических функций, что между ними были возможны смешанные браки.

- Совершенно справедливо, - с удовлетворением ответил Арвардан. - Вы нащупали самое слабое место теории слияния. И тем не менее большинство археологов делают вид, что не замечают этого противоречия, и продолжают оставаться строгими адептами этой теории, из которой, между прочим, следует, что где-то в самых отдаленных уголках Галактики еще могут существовать такие человеческие расы, которые не претерпели смешанных браков и не потеряли свою индивидуальность...

- Вы имеете в виду Землю, - прокомментировал Верховный министр.

- Да, обычно Земля рассматривается в качестве одного из примеров. С другой стороны, миграционная теория...

- Говорит, что все мы – потомки древних жителей одной планеты.

- Совершенно правильно.

- Мой народ, – сказал Верховный министр, – твердо верит, что колыбелью всего человечества была Земля. Об этом говорят как наша собственная история, так и некоторые древние книги, которые являются для нас святынями, поэтому мы не можем показывать их инородцам.

- Я разделяю эту точку зрения и прошу вас помочь доказать ее справедливость всей Галактике.

- Вы оптимист. О чем конкретно идет речь?

- Ваше превосходительство, я убежден, что во многих уголках вашей планеты, которые, к несчастью, сейчас отмечены высоким уровнем радиоактивности, можно найти множество артефактов примитивной жизни и остатков древних архитектурных сооружений. По содержанию радиоактивных изотопов можно с большой точностью рассчитать возраст этих артефактов и затем сравнить полученные результаты...

Но Верховный министр, не дослушав, покачал головой.

- Об этом не может быть и речи.

- Почему? – нахмурился искренне удивленный Арвардан.

- Во-первых, – ответил Верховный министр, стараясь говорить рассудительно и не слишком категорично, – какого результата вы ожидаете? Предположим, к радости жителей всех планет Галактики, вам удастся доказать свою правоту. Ну и что, если миллион лет назад все люди были землянами? В конце концов, миллиард лет назад все мы были обезьянами, однако сейчас мы не считаем обезьян равными себе.

- Ваше превосходительство, такая аналогия не совсем корректна.

- Ничего подобного, сэр. Вполне корректно допустить, что земляне, долгое время изолированные от всего человечества, настолько изменились по сравнению со своими мигрировавшими предками, особенно под воздействием повышенной радиоактивности, что теперь представляют особую расу.

Арвардан прикусил губу и неохотно заметил:

- Вы пользуетесь аргументами своих противников.

- Потому что я всегда спрашиваю себя, что скажет мой противник. Так что, сэр, вы не добьетесь ровным счетом ничего, разве только еще больше разожжете ненависть к землянам.

- Но, - возразил Арвардан, - здесь затрагиваются еще и интересы чистой науки, прогресса знаний...

Верховный министр невесело кивнул.

- Мне искренне жаль, что я вынужден придерживаться такой позиции. Разрешите мне говорить с вами как джентльмен Империи с джентльменом Империи. Лично я с радостью помог бы вам, но мой народ упрям и несобразован, потому что в течение столетий был вынужден жить в изоляции в силу... э-э... такого отношения к нам со стороны всей Галактики, которое достойно сожаления. У землян есть ряд табу, глубоко укоренившихся обычаев и законов, которые не может нарушать никто, даже я.

- А зоны с повышенной радиоактивностью...

- Являются одними из самых строгих табу. Даже если бы я дал вам официальное разрешение - а я искренне хотел бы содействовать вам во всем, - я только спровоцировал бы всеобщее

возмущение и беспорядки. В результате не только подверг бы опасности вашу жизнь и жизни членов вашей экспедиции, но в конечном счете заставил бы правительство Империи принять против землян соответствующие дисциплинарные меры. Тем самым я бы превысил свои полномочия и предал народ, оказавший мне доверие.

– Но я согласен на любые меры предосторожности. Если вы захотите, чтобы меня сопровождали ваши наблюдатели... Или, конечно, я могу проконсультироваться с вами, прежде чем решусь опубликовать какие-то результаты.

– Сэр, вы вводите меня в искушение, – сказал Верховный министр. – Это очень интересный проект. Но даже если мы забудем о народе моей планеты, вы явно переоцениваете мою власть. Я далеко не абсолютный монарх. В сущности, моя власть очень и очень ограничена. Любой столь сложный вопрос должен быть представлен на рассмотрение Общества древних. Только после этого можно будет принять окончательное решение.

Арвардан покачал головой.

– Очень плохо. Прокуратор предупреждал меня о предстоящих трудностях, но все же я надеялся... Ваше превосходительство, когда вы сможете проконсультироваться с вашими законодателями?

– Президиум Общества древних соберется через три дня. Изменить повестку дня не в моей власти, значит, потребуются еще несколько дней. Скажем, через неделю, вероятно, мы бы смогли обсудить вашу проблему.

Арвардан рассеянно кивнул.

– Хорошо, придется подождать... Между прочим, Ваше превосходительство...

– Да?

- На вашей планете есть ученый, с которым я очень хотел бы встретиться. Некто доктор Шект из Чики. Видите ли, я уже был в Чике, но покинул город, так и не успев сделать многое из задуманного. Теперь хотел бы исправить упущение. Поскольку доктор Шект, я уверен, очень занят, не могу ли я побеспокоить вас просьбой дать мне рекомендательное письмо?

Верховный министр заметно насторожился и какое-то время молча раздумывал, потом сказал:

- Могу я поинтересоваться, с какой целью вы хотите встретиться с этим ученым?

- Конечно. Однажды я прочел об изобретенном им приборе, который он назвал, если я правильно помню, синапсифайером. Изобретение имеет непосредственное отношение к нейрохимии мозга и для меня представляет интерес в связи с другим моим проектом. Меня давно увлекала проблема классификации человечества по энцефалографическим группам - по характерным типам микротоков мозга.

- Гм... Что-то я слышал, кажется, об этом приборе. Насколько я помню, его испытания прошли не очень успешно.

- Что ж, возможно, но доктор Шект - известный специалист в этой области и, вероятно, сможет оказать мне большую помощь.

- Понимаю. В таком случае рекомендательное письмо будет сейчас же подготовлено. Конечно, в нем не будет упомянуто о ваших намерениях посетить запретные зоны.

- Разумеется, Ваше превосходительство, - Арвардан встал. - Благодарю вас за любезность и доброжелательность. Мне остается только надеяться, что Общество древних благосклонно отнесется к моему проекту.

Сразу же, как только Арвардан ушел, появился секретарь. Его губы растянулись в привычной холодной, недоброй усмешке.

— Очень хорошо, — сказал он. — Ваше превосходительство, вы отлично провели беседу.

Верховный министр мрачно посмотрел на секретаря и спросил:

— Почему напоследок он завел разговор о Шекте?

— Вы удивлены? Не удивляйтесь. События развиваются по плану. Вы обратили внимание: он не разгневался, даже не был особенно раздражен, когда вы фактически запретили задуманные им работы? Ученого без всяких на то оснований лишают того, о чем он мечтал всю жизнь. Разве такой должна быть его реакция? Или это нормальная реакция человека, который только исполняет роль археолога и рад сбросить с себя эту тяжкую ношу?

И опять-таки мы сталкиваемся со странным совпадением. Шварц убегает с фермы и идет в Чику. На следующий же день у нас появляется Арвардан, который сначала как-то вяло, довольно равнодушно болтает о своей экспедиции, а потом, как бы между прочим упоминает, что он собирается в Чику, чтобы встретиться там с Шектом.

— Но, Балкис, зачем же нужно было говорить об этом мне? Это кажется неразумным.

— Потому что вы слишком прямолинейны. Поставьте себя на место Арвардана. Он думает, что мы ни о чем не подозреваем. В таких ситуациях побеждает наглость. Он собирается встретиться с Шектом. Хорошо! Он открыто заявляет об этом. Даже просит рекомендательное письмо. Разве можно придумать лучшую гаран-

тию честности и невинности его намерений? Но тут следует учесть еще одно обстоятельство. Возможно, Шварц обнаружил нашу слежку. Возможно, он убил Наттера. Но у него не было времени предупредить своих сообщников, в противном случае Арвардан не разыгрывал бы всю эту комедию.

Секретарь прищурился и продолжал плести интриги.

- Сейчас невозможно предугадать, когда отсутствие Шварца покажется заговорщикам подозрительным, но в любом случае у Арвардана будет достаточно времени, чтобы встретиться с Шектом. Мы схватим их вместе, тогда им будет труднее отпираться.

- Сколько у нас времени? - спросил Верховный министр.

Балкис задумчиво поднял глаза.

- У нас нет расписанного по минутам плана, но после раскрытия заговора Шекта работы ведутся круглосуточно и весьма успешно. Сейчас нас задерживают только математические расчеты орбит. Мешает отсутствие современных компьютеров. Я думаю... теперь это уже может быть несколько дней.

- Несколько дней! - повторил Верховный министр тоном, в котором странным образом сочетались страх и восторг.

- Да, несколько дней, - подтвердил секретарь. - Но помните: всего за две секунды до точки отсчета нас может остановить одна-единственная бомба. И даже после этого в течение одного-шести месяцев могут последовать ответные удары. Следовательно, пока еще мы не можем считать, что уже выиграли.

Несколько дней! Через несколько дней на-

чится самая невероятная односторонняя битва во всей истории Галактики, когда одна Земля атакует всю Галактику.

У Верховного министра заметно дрожали руки.

Арвардан опять сидел в кресле стратолайнера. Он был взбешен. Не оставалось ни малейшей надежды, что Верховный министр и все эти ненормальные земляне разрешат ему работать в запретных зонах. С этим он уже смирился. Почему-то он даже не очень сожалел о случившемся. Он мог бы лучше подготовиться к экспедиции, если бы все продумал заранее.

В такой ситуации можно пройти в запретные зоны и без разрешения. Можно, например, вооружить свой корабль и при необходимости пробиться туда силой. Так даже будет лучше.

Проклятые идиоты!

Что они возомнили о себе, черт побери?

Впрочем, это, конечно, известно. Они считают себя родоначальниками всего человечества, жителями той единственной планеты...

Хуже всего, что они правы, в этом Арвардан был уверен.

Ну что ж... Стратолайнер поднялся в воздух. Арвардана прижало к мягкой обивке кресла. Через час он снова увидит Чику.

Собственно, говорил себе Арвардан, смотреть в Чике не на что, только вот этот синапсифайер может оказаться интересной штукой; не стоило и лететь на Землю, если он ничего не сможет узнать о приборе. Конечно, он не собирался возвращаться, не узнав все о синапсифайере.

Ну и дыра!

Энниус был прав.

Вот только этот доктор Шект... Арвардан повертел в руках тяжелый официальный пакет с рекомендательным письмом.

Потом Арвардан выпрямился, точнее, попытался выпрямиться, отчаянно сопротивляясь силе тяжести, которая вдавливала его в мягкое кресло, пока стратолайнер отдалялся от Земли, уходя из голубого неба в пурпурную стратосферу.

Арвардан вспомнил имя девушки. Ее звали Пола Шект.

Как же он мог забыть? Арвардан был доволен собой и чувствовал себя обманутым. Память подвела его, не сохранив фамилию девушки. Теперь было уже поздно.

Но в глубине души он был скорее рад.

14. ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

За два месяца, прошедших после испытаний синапсифайера на Джозефе Шварце, доктор Шект резко изменился. Он изменился не столько физически, хотя немного похудел и стал чуть больше сутулиться, сколько в своем поведении: Шект стал еще более рассеянным, и его ни на минуту не покидало ощущение страха. Теперь он сторонился даже ближайших коллег, жил замкнуто и общался с людьми только в случае крайней необходимости и так неохотно, что это заметил бы даже слепой.

Шект становился прежним только наедине с Полой, возможно, потому что за эти два месяца она тоже стала необычно замкнутой.

— За мной следят, — говорил Шект дочери. — Я почему-то чувствую слежку. Тебе знакомо такое ощущение?... За последний месяц перетрях-

нули весь институт, ушли те мои сотрудники, которых я любил и которым, кажется, мог доверять... Я ни на минуту не могу остаться один. Возле меня постоянно кто-нибудь крутится. Мне не дают возможности даже писать доклады.

Пола иногда сочувствовала отцу, а иногда подшучивала над ним, снова и снова повторяя:

— Ну что власти могут иметь против тебя, чтобы специально затевать все это? Ну даже если ты провел эксперимент на Шварце, это не такое уж страшное преступление. За несогласованное с правительством испытание тебе должны были просто дать выговор.

Лицо доктора Шекта пожелтело и заострилось. Он пробормотал:

— Мне не дадут жить. Скоро мне будет шестьдесят, и мне больше не дадут жить.

— После всего, что ты сделал для них? Чепуха!

— Пола, я знаю слишком много, и мне не доверяют.

— Знаешь слишком много? О чем?

В этот вечер доктор Шект устал и ему очень хотелось поделиться своими мыслями, чтобы хоть частично сбросить с себя тяжкое бремя. Он все рассказал Поле. Сначала Пола не поверила, а потом ее охватил такой ужас, что у нее не хватило сил подняться с кресла.

На следующий день Пола отправилась на другой конец города и оттуда по общественному коммуникатору попыталась связаться с Государственной палатой. Она говорила через носовой платок, попросив доктора Бела Арвардана.

Арвардана в палате не оказалось. Ей ответили, что сейчас он может быть в Бонэре, в шес-

ти тысячах миль от Чики, но он не слишком строго придерживается своего плана и может оказаться в любом другом городе. Да, его ждали в Чике, но никто не знал, когда именно он будет. Поле обещали все выяснить и попросили назвать свою фамилию.

Она тут же прервала связь и щекой прислонилась к стеклянной перегородке, ощутив приятную прохладу. От бессилия и разочарования она готова была разреветься.

Дура! Какая же дура!

Он спас ее, а она его прогнала. Он подставил себя под удар нейронного хлыста и так рисковал только для того, чтобы не позволить инородцу оскорблять простую земную девушку, а она все равно так обошлась с ним.

Сто кредитов, которые она отправила в Государственную палату на следующее утро после всего случившегося, были возвращены без комментариев. Пола хотела было найти Арвардана, чтобы извиниться перед ним, но потом испугалась. В Государственную палату пускали только инородцев, как она попадет туда? Пола никогда не была в палате, только изредка почтительно смотрела на нее издали.

А сейчас... Пола была готова отправиться во дворец самого прокуратора, чтобы... чтобы...

Только Арвардан мог им сейчас помочь. Только он, инородец, который на равных разговаривал с любым землянином. Интересно, почему она сама не догадалась, что он инородец? Он такой высокий, уверенный в себе. Он бы знал, что делать.

Кто-то обязательно должен знать, иначе погибнет вся Галактическая Империя.

Конечно, многие из инородцев того заслужи-

вают, но ведь не все же? А как же женщины и дети, старики и больные? Как же хорошие и добрые люди? Другие Арварданы? Те, кто никогда даже не слышал о Земле? В конце концов, они тоже люди. Такая ужасная месть навечно утопила бы в бесконечном море крови всякую справедливость.

Потом неожиданно Арвардан сам позвонил в институт. Шект покачал головой.

- Исключено. Я не могу рассказать ему.

- Это необходимо, - энергично настаивала Пола.

- Здесь? Невозможно. Это означало бы конец всем нам.

- Тогда прогони его. Я позабочусь обо всем остальном.

У Пола бешено заколотилось сердце, только потому, конечно, что появился шанс спасти бесчисленные миллиарды людей. Пола вспомнила его широкую открытую улыбку, вспомнила, как хладнокровно он заставил полковника Императорского гарнизона умерить свою гордость и извиниться перед ней - обычной земной девушкой.

Бел Арвардан может все!

Обо всех этих событиях Бел Арвардан, разумеется, знать не мог. Он расценил поведение Шекта как странную грубость, которая, если судить по его собственному опыту, очень типична для землян.

Сидя в безлюдной приемной, Арвардан чувствовал себя незванным гостем и с трудом сдерживал накопившееся раздражение.

Все-таки он произнес заранее заготовленные фразы:

- Мне никогда не пришло бы в голову отнимать у вас, уважаемый доктор, драгоценное время и просить принять меня, если бы не мой профессиональный интерес к вашему синапсифайеру. Мне сообщили, что в отличие от многих других землян вы не настроены враждебно к людям с других планет Галактики.

Очевидно, фраза оказалась крайне неудачной, потому что Шект тотчас вскочил и торопливо заговорил:

- Не знаю, откуда у вас такие сведения, но ваш осведомитель, кем бы он ни был, ошибается. Я не испытываю никаких особых симпатий к инородцам. Я отношусь ко всем одинаково. Я землянин...

Арвардан сжал губы и повернулся, собираясь уходить.

- Понимаете, доктор Арвардан, - скороговоркой прошептал Шект, - сожалею, если показался вам грубым и негостеприимным, но я действительно не могу...

- Я все понял, - холодно ответил археолог, хотя он не понял ровным счетом ничего. - Прощайте, сэр.

Доктор Шект беспомощно улыбнулся.

- Я так занят... Знаете ли, работа...

- Доктор Шект, у меня тоже нет лишнего времени.

Арвардан направился к двери, кипя от негодования, которое вызывало в нем это проклятое земное племя. Он невольно вспомнил поговорки, которыми люди так свободно перекидывались на других планетах, например: "Искать вежливость на Земле - все равно что сухое место в океане" или "Землянин охотно отдаст тебе все, что ничего не стоит и никому не нужно".

Рука Арвардана уже пересекла луч фотоэлемента, который включал механизм, открывавший входную дверь, когда он услышал за спиной торопливые шаги. Кто-то шепнул ему на ухо "Ш-ш!" и сунул в руку записку. Арвардан обернулся, но успел заметить только быстро удаляющуюся фигуру человека в красной одежде.

Устроившись во взятом напрокат автомобиле, Арвардан развернул листок. На нем было нацарапано: "Спросите, как проехать к драматическому театру. Будьте возле театра в восемь вечера. Убедитесь, что за вами не следят".

Недовольно нахмурившись, Арвардан пять раз перечитал записку и осмотрел ее со всех сторон, будто ожидая, что на ней выступят слова, написанные симпатическими чернилами. Потом он невольно огляделся. Улица была пуста. Он поднял руку, намереваясь выбросить глупую записку из окна автомобиля, потом, поколебавшись, сунул ее в карман куртки.

Бесспорно, если бы на тот вечер у Арвардана было намечено хотя бы самое ничтожное дело, он не обратил бы внимания на записку, и это повлекло бы за собой гибель миллиардов людей. Однако случилось так, что в тот вечер Арвардану решительно нечего было делать.

Арвардан задумался: а что, если автором записки была...

В восемь вечера Арвардан, зажатый в плотном потоке автомобилей, медленно продвигался по извилистому шоссе, которое, очевидно, вело к драматическому театру. Он спросил дорогу только один раз. Отвечавший пешеход недоверчиво посмотрел на него (очевидно, любой зем-

лянин подозревал всех и вся) и коротко ответил:

- Туда едут все, следуйте за ними.

Оказалось, что все автомобили, в самом деле, направлялись к театру и исчезали один за одним в раскрытой пасти подземной стоянки. Арвардан свернул в сторону и медленно поехал мимо театра, ожидая неизвестно чего.

К автомобилю с тротуара бросилась стройная фигурка. Удивленный Арвардан успел лишь заметить заглянувшее в окно автомобиля лицо, потом дверь распахнулась и мгновенно в автомобиле оказался какой-то человек.

- Простите, - сказал Арвардан, - но...

- Тише! - человек согнулся вдвое, чтобы его не было видно с улицы. - За вами следят?

- Разве за мной должны следить?

- Не будьте смешным. Поезжайте вперед. Когда я скажу, повернете... Боже мой, чего же вы ждете?

Арвардан узнал голос. Капюшон упал на плечи, показались светло-каштановые волосы. На Арвардана смотрели темные глаза Пола.

- Лучше здесь не стоять, - тихо сказала она.

Арвардан повиновался. Первые пятнадцать минут Пола только изредка указывала направление. Арвардан украдкой бросал на нее взгляд и с непривычной для себя радостью отметил, что на самом деле Пола даже еще прелестнее, чем ему казалось раньше. Странно, что теперь он совсем забыл про обиду.

Они остановились - точнее, по указанию Пола Арвардан остановил автомобиль - на углу малонаселенного жилого квартала. Пола выждала минуту, потом знаком приказала ехать дальше. Арвардан осторожно повел автомобиль по

узкой дорожке, которая оказалась спуском в частный гараж.

За ними закрылась дверь гаража, и внутреннее освещение автомобиля осталось единственным источником света.

Только теперь Пола серьезно посмотрела на Арвардана и сказала:

– Доктор Арвардан, прежде всего я должна извиниться. Мне пришлось пуститься на такие хитрости только для того, чтобы поговорить с вами без свидетелей. Я знаю, что в ваших глазах мне терять уже нечего...

– Не надо об этом, – неловко сказал Арвардан.

– Я обязана думать об этом. Я хочу, чтобы вы поверили: я хорошо понимаю, насколько глупо и нелепо я вела себя в тот вечер. Я не нахожу слов, чтобы передать...

– Прошу вас, не надо, – Арвардан отвел взгляд. – Тогда я тоже мог бы быть поддипломатичнее.

– Ну что ж, – Пола минуту помолчала, чтобы взять себя в руки. – Но я пригласила вас сюда не для этого. Из всех инородцев, которых я встречала, только вы обладаете благородством и добротой... В общем, мне нужна ваша помощь.

Арвардана словно окатили холодной водой. Значит, только для этого и устраивалась вся комедия? Свои чувства он выразил коротким:

– О-о?

– Нет, вы меня неправильно поняли, – закричала Пола. – Доктор Арвардан, помощь нужна не мне, а всей Галактике. Я ничего не прошу для себя. Ничего!

– Так в чем же дело?

- Во-первых... кажется, за нами никто не следил, но если вы услышите любой посторонний шум, пожалуйста... пожалуйста... - Пола опустила глаза, - обнимите меня и... и... ну, вы понимаете...

Арвардан кивнул и довольно сухо заметил:

- Думаю, что такая импровизация не потребует от меня больших усилий. Для этого обязательно ждать посторонний шум?

Пола покраснела.

- Прошу вас, не шутите и поймите меня правильно. Только так можно скрыть наши истинные намерения. Только так наше поведение будет казаться вполне естественным.

- Ваша проблема настолько серьезна? - заметно мягче спросил Арвардан.

Он с любопытством еще раз взглянул на Пола. Она казалась такой молодой, такой нежной. Арвардан смутно ощущал какую-то несправедливость. В своей жизни он не совершил ни одного необдуманного поступка. Он гордился этим. От природы он был довольно эмоционален, но боролся с этим недостатком и победил его. А здесь, в эту минуту у него появилось неразумное желание во что бы то ни стало защитить ее лишь потому, что она казалась слабой.

Пола сказала:

- Проблема очень серьезна. Я собираюсь кое-что вам рассказать. Знаю, вы можете мне не поверить, но хочу, чтобы вы постарались поверить. Я хочу, чтобы вы поняли, что говорю совершенно искренне. Но больше всего я хочу, чтобы, выслушав меня и все обдумав, вы остались бы с нами. Попытайтесь? Я даю вам пятнадцать минут, и если через пятнадцать минут вы решите, что мне нельзя доверять или что

из-за меня не стоит беспокоиться, то я уйду, и этим все кончится.

– Пятнадцать минут? – Арвардан произвольно улыбнулся, снял с руки часы и положил их перед собой. – Хорошо.

Пола сложила руки на коленях и старалась смотреть только прямо перед собой через ветровое стекло автомобиля, где было видно лишь голую стену гаража.

Арвардан задумчиво рассматривал Пола. Мягкая, нежная линия подбородка явно не сочеталась с тем решительным видом, который старалась придать себе Пола, а прямой тонкий нос и богатый оттенками цвет лица казались очень типичными для землян.

Арвардан перехватил брошенный на него искоса взгляд. Пола сразу отвела глаза.

– В чем дело? – спросил Арвардан.

Пола повернулась к Арвардану и прикусила нижнюю губу.

– Я наблюдала за вами.

– Да, я заметил. У меня испачкан нос?

– Нет, – впервые за этот вечер Пола чуть заметно улыбнулась.

Арвардана стали почему-то все больше привлекать в ней какие-то мелочи. Например, каждый раз, когда Пола встряхивала головой, ее каштановые локоны как бы сами собой взлетали и потом медленно опускались.

– С той ночи, – продолжала Пола, – я часто думала, почему вы, инородец, не носите эту освинцованную одежду. Вот это меня и сбilo с толку. Инородец всегда похож на мешок с картошкой.

– А я не похож?

– О нет! – в голосе Пола вдруг послышались

восторженные нотки, – вы... вы очень похожи на древнюю мраморную статую, только вы живой и теплый... Простите, я становлюсь нескромной.

– Вы хотите сказать, я должен считать вас земной девушкой, которая забыла свое место. Вам придется выбросить из головы подобные мысли, иначе мы никогда не станем друзьями... Я не верю во все эти разговоры о высокой радиоактивности землян. Я сам измерил радиоактивность атмосферы Земли, провел лабораторные эксперименты на животных и теперь совершенно убежден, что в обычных условиях земная радиация не принесет мне никакого вреда. Я уже провел на Земле два месяца и пока что не заболел: не лысею. – Он дернул себя за волосы. – Меня не мучает тошнота. Сомневаюсь, чтобы мне угрожала импотенция, хотя, должен признаться, в этом отношении я принял кое-какие меры предосторожности. Но, понимаете, освинцованные трусы не заметны.

Арвардан говорил все это с серьезным видом, а Пола опять улыбнулась.

– Мне кажется, вы немного сумасшедший, – сказала она.

– В самом деле? Вы не представляете, сколько очень умных и даже знаменитых археологов говорили мне это, даже в официальных докладах.

Пола прервала Арвардана.

– Ну, а теперь вы будете слушать меня? Пятнадцать минут прошло.

– А как вы думаете?

– Ну, наверное, будете. Иначе вас здесь уже давно не было бы. Во всяком случае, после всего, что я натворила.

– Неужели вы думаете, что я заставляю себя

сидеть рядом с вами? – тихо спросил Арвардан. – Если это так, то вы заблуждаетесь... Знаете, Пола, я никогда, никогда в жизни не встречал такой замечательной девушки, как вы.

Пола испуганно подняла глаза.

– Не надо, прошу вас. Я ничего такого не имела в виду. Вы верите мне?

– Верю, Пола. Расскажите мне все, что хотели рассказать. Я повсрю и постараюсь помочь вам, – совершенно искренне сказал Арвардан.

В этот момент Арвардан мог бы с радостью взяться даже за свержение Императора. Он никогда не был влюблен. А что такое любовь, задумался Арвардан. Раньше он никогда не произносил этого слова.

Любовь? К земной девушке?

– Доктор Арвардан, вы встречались с моим отцом?

– Доктор Шект ваш отец? Прошу вас, обращайтесь ко мне по имени. А я буду называть вас Полой.

– Постараюсь, если вы этого хотите. Надо думать, вы очень рассердились на него.

– Нельзя сказать, чтобы он был со мной очень любезен.

– Он не мог вести себя иначе. За ним постоянно следят. Мы с отцом договорились заранее, что он как-нибудь отделается от вас, а я должна буду устроить эту встречу. Это наш дом, понимаете, – голос Полы упал до шепота. – Короче говоря, земляне готовят восстание.

Арвардан не смог удержаться от насмешки.

– Не может быть! – сказал он, широко открыв глаза. – Только и всего?

Но Пола мгновенно вспыхнула.

– Не смейтесь надо мной. Вы обещали вы-

слушать меня и постараться поверить. Земля действительно готовит восстание. Это очень серьезно, потому что на этот раз земляне могут погубить всю Империю.

– Что могут сделать земляне? – теперь Арвардану все же удалось подавить неудержимое желание расхохотаться. Он мягко спросил: – Пола, насколько хорошо вы знакомы с галактографией?

– Как и любой другой землянин, учитель. А при чем здесь галактография?

– Вот при чем. Объем Галактики равен нескольким миллионам кубических световых лет. В этом объеме находятся двести миллионов обитаемых планет, на которых живут примерно пятьсот квадриллионов человек. Правильно?

– Наверное, правильно, раз вы так говорите.

– Именно так, поверьте мне на слово. Земля – это всего лишь одна из двухсот миллионов планет, причем ее не поддерживают никакие другие силы, а она не располагает практически никакими ресурсами. Другими словами, на каждого землянина приходится двадцать пять миллиардов жителей Галактики. Какой же вред могут причинить Империи земляне, если соотношение сил составляет двадцать пять миллиардов к одному?

Пола на минуту задумалась, потом решительно сказала:

– Бел, я не могу убедительно возразить вам, но ответ знает мой отец. Он не посвятил меня во все детали, потому что считает, что тогда он подвергнет мою жизнь опасности. Но он готов все рассказать сейчас, если вы согласитесь пройти со мной. Мне он сказал, что правительство Земли знает, как можно уничтожить все человечество, живу-

щее не на Земле. Я уверена, он говорит правду. Он всегда говорит правду.

Пола рассуждала так горячо, что даже немного покраснелась.

Арвардану неудержимо захотелось прикоснуться к ее лицу. (Что с ним происходит? Не он ли прежде приходил в ужас, когда ему случилось обнять ее?)

- Десять часов уже есть? - спросила Пола.

- Да, - ответил Арвардан.

- Тогда отец должен быть наверху... если его уже не схватили, - пожав плечами, Пола осмотрелась. - Мы можем подняться в дом прямо из гаража. Если вы пойдете за мной...

Пола взялась за ручку двери автомобиля, но вдруг застыла и охрипшим от волнения голосом прошептала:

- Кто-то идет... Ой, быстрее...

Для Арвардана дальше все происходило, как в тумане. Ему не пришлось заставлять себя следовать указаниям Пола. Его руки сами потянулись к Поле, и она доверчиво прижалась к Арвардану. Дрожащие губы Пола сомкнулись с его губами. Арвардан никогда не испытывал такого блаженства.

Секунд десять он отчаянно вертел глазами, стараясь уловить внезапно появившийся луч света или чьи-то шаги, но потом, ослепленный счастьем, оглохший от биения собственного сердца он перестал что-либо замечать.

Пола отодвинулась, но Арвардан снова настойчиво искал ее губы и снова прижался к ним. Он еще крепче обнял Пола, она прильнула к Арвардану, и их сердца забились в унисон.

Прошло немало времени, прежде чем они

смогли оторваться друг от друга. Минуту они отдыхали, прижавшись щека к щеке.

Арвардан не знал прежде, что такое любовь, и на этот раз он предпочел не говорить сразу о своих чувствах.

Все равно, жительница Земли она или нет, во всей Галактике нет ей равной.

Полным блаженства голосом Арвардан сказал:

- Должно быть, это был всего лишь шум уличного движения.

- Нет, - прошептала Пола. - Никакого шума не было.

Слегка отстранившись, Арвардан внимательно смотрел на девушку, но она не отвела взгляда.

- Вы - колдунья, - сказал он. - Вы это нарочно сказали?

В полутьме глаза Пола блеснули.

- Я хотела, чтобы вы поцеловали меня. Я ни о чем не жалею.

- Вы думаете, я жалею? Поцелуйте меня еще раз, потому что теперь этого хочу я.

Последовал еще один долгий-долгий поцелуй. Потом Пола решительно отодвинулась, несколькими четкими и аккуратными движениями поправила прическу и воротничок.

- Думаю, теперь нам надо подняться в дом, - сказала она. - Выключите свет в автомобиле. У меня есть карманный фонарик.

Вслед за Полой Арвардан вышел из автомобиля. В полной темноте, разрезаемой лишь узким лучом фонарика, Пола казалась смутной тенью.

Она сказала:

- Возьмитесь за мою руку. Сейчас мы поднимемся по лестнице.

Арвардан прошептал:

- Пола, я люблю вас, - слова вылетели сами собой и показались Арвардану такими естественными, он повторил: - Я люблю вас, Пола.

- Вы почти не знаете меня, - тихо возразила девушка.

- Нет, знаю. Я знал вас всю жизнь. Клянусь! Всю свою жизнь, Пола, все эти два месяца я думал о вас, мечтал о вас. Клянусь.

- Сэр, я всего лишь земная девушка.

- Значит, я тоже стану землянином. Испытайте меня.

Арвардан жестом остановил Полу и слегка согнул ее руку в локте, пока луч фонарика не упал на ее раскрасневшееся заплаканное лицо.

- Почему вы плачете?

- Потому что, когда отец расскажет вам то, что знает только он, вы поймете, что вам нельзя любить земную девушку.

- Испытайте меня и в этом.

15. ЧИСЛЕННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО СХОДИТ НА НЕТ

Арвардан и Шект встретились в дальней комнате на третьем этаже дома Шекта. Стекла в окнах комнаты были тщательно поляризованы, так что ни один посторонний взгляд не мог проникнуть внутрь. Пола осталась внизу, она устроилась в кресле и внимательно наблюдала за темной и пустой улицей.

Арвардану показалось, что за прошедшие после их первой неудачной встречи десять часов Шект изменился даже внешне. Он по-прежнему был осунувшимся и страшно усталым, но робость и боязливость уступили место почти отчаянной решимости.

- Доктор Арвардан, - очень уверенным тоном начал Шект, - прежде всего я должен извиниться за прием, оказанный вам сегодня утром. Я надеялся, что вы поймете...

- Признаться, сэр, я ничего не понял, но, кажется, сейчас начинаю понимать.

Шект сел за стол и жестом предложил Арвардану налить себе вина. Арвардан решительно отказался.

- Если вы не возражаете, я лучше попробую вот эти фрукты... Что это такое? Думаю, я никогда не видел ничего подобного.

- Это разновидность апельсина, - сказал Шект. - Насколько мне известно, этот вид растет только на Земле. С этих плодов очень легко снимается кожа.

Шект показал, как это делается, и Арвардан, с интересом вдохнув аромат плода, надкусил немного отдающую вином мякоть. Минуту спустя он воскликнул:

- Доктор Шект, да ведь это настоящий деликатес! Земляне никогда не пробовали экспортировать эти плоды?

- Древние, - хмуро объяснил биофизик, - не поощряют торговлю с инородцами. Впрочем, и наши ближайшие соседи по космосу не горят желанием торговать с нами. Это только одна из многих наших трудностей.

Арвардан снова почувствовал раздражение.

- Это величайшая глупость. Признаюсь, иногда я прихожу в отчаяние от невообразимо низкого уровня интеллекта людей, особенно когда приходится сталкиваться с какой-нибудь конкретной проблемой.

Шект пожал плечами с видом человека, которому терпеть глупости людей приходится всю жизнь.

- Боюсь, что это лишь небольшая часть общей почти неразрешимой проблемы негативного отношения к землянам.

- Эта проблема, - воскликнул археолог, - почти неразрешима только по той причине, что, очевидно, никто не хочет ее решать! Сколько землян ответили ненавистью к жителям всех других планет Галактики без разбора? Это почти эпидемическое заболевание - ненависть в ответ на ненависть. Действительно ли ваш народ хочет равенства и взаимного уважения? Нет! Большинство землян считает, что Земля должна быть единовластным правителем Галактики.

- Вероятно, многое из сказанного вами справедливо, - с досадой ответил Шект. - Не стану отрицать. Но дело не только в этом. Предоставьте нам возможность, и на Земле вырастут новые поколения, лишённые ограниченности сегодняшних правителей планеты, они действительно будут верить в равенство всех людей. Не раз власть на Земле была в руках ассимиляционистов, отличающихся терпимостью и верой в необходимость поиска компромиссных решений. Я - один из ассимиляционистов. Или, по меньшей мере, был им когда-то. Но сейчас Землей правят фанатики, крайние националисты, мечтающие о восстановлении прошлого величия Земли. Именно от них необходимо защитить Империю.

Арвардан нахмурился.

- Вы имеете в виду восстание, о котором говорила Пола?

- Доктор Арвардан, - мрачно сказал Шект, - нелегко убедить кого-нибудь в том, что Земля способна завоевать всю Галактику. Даже такое предположение должно показаться смехотворным,

и тем не менее это так. Мне не дано быть важным и смелым, я самый обыкновенный человек и очень хочу жить. Можете себе представить, насколько серьезным должно быть положение, чтобы я заставил себя пойти на измену Земле в тот момент, когда местная администрация уже не спускает с меня глаз.

- Что ж, - сказал Арвардан, - если положение настолько серьезно, мне лучше сразу выложить свои карты. Я помогу вам всем, что будет в моих силах, но должен предупредить: мои возможности не превышают возможностей обычного гражданина Империи. Здесь у меня нет никакого официального положения, я не располагаю влиянием ни во дворе Императора, ни даже во дворце прокуратора. Я всего лишь ученый и прилетел сюда с археологической экспедицией, преследующей только узкие научные цели. Поскольку вы готовы даже на измену Земле, не лучше ли сразу поговорить об этом с прокуратором? Вот он действительно сможет что-то предпринять.

- Именно этого я сделать не могу, доктор Арвардан. Меня об этом предупреждали Древние. Когда вы появились у меня сегодня утром, я подумал, что, может быть, вы пришли как посредник. Я подумал, что у Энниуса уже зародились какие-то подозрения.

- Возможно, он что-то и подозревает, хотя утверждать это я не берусь. Но, прошу прощения, я не посредник. Если вы сочтете необходимым довериться мне, обещаю передать все сведения прокуратуре от вашего имени.

– Благодарю. Это все, о чем я хотел вас просить. И еще одно... воспользуйтесь всем вашим влиянием, чтобы уберечь Землю от слишком сурового наказания.

– Конечно.

Арвардан почувствовал себя неловко. В этот момент он был убежден, что имеет дело со старым эксцентричным параноиком, вероятно безвредным, но безнадежно свихнувшимся. Тем не менее ему ничего не оставалось, как выслушать и постараться – ради Пола – помягче разговаривать с этим безобидным сумасшедшим.

– Доктор Арвардан, – сказал Шект, – вы слышали о синапсифайере? Утром вы упомянули об этом.

– Да, слышал. Я прочел вашу статью в “Успехах физики”, а позже обсуждал возможности прибора с прокуратором и Верховным министром.

– С Верховным министром?

– Ну да, конечно. Тогда я и получил рекомендательное письмо, которое вы... гм... боюсь, отказались прочесть.

– Искренне сожалею. Но я хочу, чтобы вы не... Что конкретно вы знаете о синапсифайере?

– Что это интересный, но неудачный эксперимент. Прибор предназначался для улучшения способности человека к обучению. Более или менее положительные результаты были получены только на крысах, но не на человеке.

Шект помрачнел.

– Да, конечно, из той статьи вы и не могли почерпнуть иные сведения. Она и предназначалась для того, чтобы подчеркнуть неудачные эксперименты и постараться скрыть положительные результаты.

- Гм... Довольно своеобразное понимание этики науки, доктор Шект.

- Согласен. Но, сэр, мне уже пятьдесят шесть, и, если вы хоть что-то знаете о законах Земли, вы должны понять, что мне осталось недолго жить.

- Вы имеете в виду "Закон о шестидесятилетии"? Да, я слышал об этом законе в сущности даже больше, чем мне хотелось бы, - Арвардан с отвращением вспомнил свой первый полет на земном стратолайнере. - Но я слышал также, что для некоторых, в том числе для известных ученых, делают исключения.

- Конечно. Однако окончательное решение принимают Верховный министр и Совет древних, это решение не может обжаловать даже сам Император. Мне сказали, что я могу получить право на жизнь только в обмен на то, что сохраню в тайне все сведения о синапсифайере и начну интенсивную работу по его совершенствованию, - сказал Шект и беспомощно развел руками. - Разве мог я тогда догадываться, к чему все это приведет, для чего будет использоваться синапсифайер?

- Для чего же он будет использоваться? - спросил Арвардан, извлек из нагрудного кармана пачку сигарет и предложил Шекту. Шект отказался.

- Если вы наберетесь терпения... Мои работы успешно развивались, и однажды я понял, что прибор уже можно испытывать на людях. Я синапсифицировал несколько биологов: я знал, что все они симпатизируют фанатикам, то есть экстремистам. Все синапсифицированные остались в живых, хотя у некоторых спустя какое-то время появились побочные эффекты. В конце концов

одного из синапсифицированных привезли к нам на лечение. Я не смог его спасти. Но, умирая, он бредил, и я многое узнал из его бреда.

Приближалась полночь. Для Арвардана день неожиданно оказался очень длинным и загруженным, он устал и решил поторопить Шекта.

– Я хотел бы, чтобы вы быстрее добрались до сути дела.

– Еще раз прошу вас, наберитесь терпения, – сказал Шект. – Я должен объяснить все очень детально, иначе вы мне не поверите. Конечно, вам известны особые условия на Земле – я имею в виду повышенный уровень радиоактивности.

– Да, это мне прекрасно известно.

– А о влиянии высокой радиоактивности на состояние планеты и ее экономики вы знаете?

– Да.

– Тогда я не буду долго распространяться. Скажу только, что вероятность мутаций на Земле выше, чем на любой другой планете Галактики. Стало быть, утверждение наших врагов, что земляне отличаются от других людей, имеет определенную физическую основу. Точнее, мутации все же происходят сравнительно редко, и в большинстве случаев мутанты оказываются нежизнеспособными. Если в организме землян и произошли какие-то необратимые изменения, то они коснулись только внутренних биохимических процессов, позволивших нам выработать большую сопротивляемость по отношению к специфической окружающей среде. Так, земляне более устойчивы к воздействию радиации, у них быстрее заживают ожоги...

- Доктор Шект, все, что вы рассказываете, мне хорошо известно.

- Тогда не приходило ли вам когда-нибудь в голову, что мутациям должны подвергаться не только люди, но и все другие живые организмы на Земле?

Последовало недолгое молчание, потом Арвардан ответил:

- Признаться, нет, не приходило, хотя, конечно, теперь я понимаю, что это абсолютно неизбежно.

- Так оно и есть. Мутации происходят. У нас намного больше видов домашних животных, чем у жителей любой другой планеты. Тот апельсин, который вы с таким удовольствием недавно съели, тоже мутантный вид, не существующий более нигде в Галактике. Между прочим, именно по этой причине - хотя есть и другие причины, конечно, - мутантные апельсины не экспортируются. Инородцы относятся к ним так же подозрительно, как и к нам, а мы охраняем мутантные виды как некое сокровище, которое есть только у нас. Разумеется, что справедливо для растений и животных, остается справедливым и для микроорганизмов.

Только теперь Арвардан почувствовал, что в его сердце закрадывается тревога. Он уточнил:

- Вы имеете в виду бактерии?

- Я имею в виду все царство примитивных форм жизни - простейших, бактерий и даже белков, способных к самовоспроизводству, которых иногда называют вирусами.

- Так что же вы хотите сказать?

- Думаю, вы уже поняли, доктор Арвардан. Вы явно заинтересовались. Видите ли, среди

жителей других планет широко распространено мнение, будто бы земляне несут с собой смерть, что связь с землянином означает гибель, вроде бы даже у них дурной глаз...

- Все это я знаю. Это обычное суеверие.

- Не совсем. И в этом самое ужасное. В основе этого суеверия, как и всех других, лежит крупица истины, как бы искажена и извращена она ни была. Понимаете, иногда землянин носит в своем организме какую-нибудь мутантную форму микроскопического паразита, который немного отличается от всех известных в Галактике паразитов и к которому поэтому инородцы могут оказаться восприимчивыми. Дальше, доктор Арвардан, вступают в силу обычные законы биологии.

Арвардан молчал.

- Иногда, конечно, заболеваем и мы, - продолжал Шект. - Время от времени в радиоактивном туманном облаке рождается новый штамм микроорганизмов. Тогда планету поражает эпидемия. Но вообще эта постоянная война между микроорганизмами и землянами идет с переменным успехом. Организм землянина в течение нескольких поколений вырабатывает средство защиты от новых штаммов бактерий и вирусов, и земляне остаются в живых. У инородцев такой возможности нет.

- Вы хотите сказать, - уточнил Арвардан, который вдруг почувствовал странную слабость, - что контакт с вами сейчас...

Арвардан отодвинул свое кресло и вспомнил о недавних поцелуях. Но Шект покачал головой:

- Нет, конечно, нет. Мы не создаем болезнь, мы просто являемся носителями бактерий. И да-

же среди нас переносчики опасных заболеваний встречаются очень редко. Если бы я жил на вашей планете, в моем организме было бы не больше бактерий, чем в вашем, потому что у меня нет особой предрасположенности к переносу опасных болезней. Даже здесь действительно опасен один из квадриллиона микроорганизмов, если не один из квадриллиона квадриллионов. Вероятность того, что вы сейчас опасно заразитесь, не больше вероятности попадания метеорита на крышу этого дома и оттуда на вашу голову. Но это верно только в том случае, если бактерии специально не отыскивают, не выделяют и не размножают.

Опять наступило молчание, на этот раз более длительное. Наконец Арвардан странно изменившимся голосом спросил:

— И земляне делают это?

Он уже не думал о паранойе. Он был готов поверить.

— Да. Правда, сначала это делалось с вполне невинными целями. Конечно, наших биологов преимущественно интересует специфика земных форм жизни. Так, недавно они выделили вирус обычной лихорадки.

— Что такое обычная лихорадка?

— Сравнительно легкое заболевание, эндемичное для Земли. Эта болезнь всегда с нами. Большинство землян болеет лихорадкой в детстве. Симптомы не очень болезненны: небольшой жар, быстро проходящая сыпь, воспаление суставов и губ, а также очень неприятная жажда. Обычно болезненное состояние продолжается от четырех до шести дней, после чего человек приобретает иммунитет к этому заболеванию. Я переболел обычной лихорадкой. Пола переболе-

ла. Но иногда появляется более опасная форма этого заболевания, которую называют радиационной лихорадкой. Вероятно, ее вызывает слегка измененный штамм того же вируса.

— Радиационная лихорадка... Я слышал о ней, — заметил Арвардан.

— В самом деле? Это заболевание называли радиационной лихорадкой в силу ошибочного предположения, что человек заражается им, находясь в зонах с повышенной радиоактивностью. Действительно, если человек заходит в такую зону, он часто заболевает радиационной лихорадкой, потому что там вирус легче всего претерпевает мутации и превращается в опасные формы. Но все же болезнь вызывает вирус, а не радиационное излучение. В случае радиационной лихорадки первые симптомы появляются уже через два часа после заражения. Губы поражаются настолько сильно, что больной почти не может говорить, а через несколько дней он обычно умирает.

Теперь, доктор Арвардан, мы подходим к самому главному. Земляне приобрели иммунитет к обычной лихорадке, а инородцы таким иммунитетом не обладают. Изредка обычной лихорадкой заболевает кто-нибудь из солдат гарнизона Империи; инородец переносит заболевание так же, как землянин радиационную лихорадку. Обычно он умирает в течение двенадцати часов после появления первых симптомов. После смерти его кремируют только земляне, потому что любой солдат, приблизившийся к больному, неминуемо заболевает сам.

Как я уже говорил, вирус был выделен сравнительно недавно, лет десять назад. Как и

большинство других фильтрующихся вирусов, он представляет собой нуклеопротеин, который обладает удивительным свойством концентрировать в себе необычно большое количество радиоактивных углерода, фосфора и серы. Когда я говорю "большое количество", то имею в виду, что пятьдесят процентов входящих в состав вируса углерода, серы и фосфора радиоактивны. Предполагается, что вредное воздействие вируса на организм человека связано не столько с токсинами, сколько с высокой радиоактивностью. Естественно, на землян, адаптировавшихся к гамма-излучению, вирус действует слабо. Первоначально вирус изучали главным образом с точки зрения механизма концентрирования радиоактивных изотопов. Как вы знаете, изотопы нельзя разделить химическими методами, для этого годятся только очень трудоемкие и длительные физические процессы. Не способен разделять изотопы и ни один живой организм, кроме этого вируса. Но вскоре направление исследований резко изменилось.

Я буду предельно краток, доктор Арвардан. Думаю, остальное вам уже понятно. Эксперименты проводили на животных, доставленных с других планет, но не на самих инородцах. Их на Земле слишком мало, чтобы исчезновение даже одного-двух могло пройти бесследно. Заговорщики не должны были допустить, чтобы их планы стали известны Империи. Поэтому группу вирусологов послали на синапсифицирование, после чего их работоспособность невероятно возросла. Именно они разработали новые математические подходы к решению проблем химии белков и иммунологии, что позволило им в конце концов получить искусственный штамм вируса,

способный губительно действовать только на жителей других планет. Сейчас уже заготовлены тонны кристаллического вируса.

Арвардан растерялся. Он чувствовал, как у него по лбу и щекам стекают ручейки пота.

– Вы хотите сказать, – с трудом выговорил он, – что земляне намереваются заразить этим вирусом всю Галактику, что они готовятся к гигантской бактериологической войне...

– Которую мы не можем проиграть, а вы не можете выиграть. Совершенно верно. Как только разразится эпидемия, ежедневно будут умирать миллионы людей, и ничто не остановит смерть. Перепуганные беженцы понесут вирус с собой через космическое пространство; даже если вы попытаетесь взорвать зараженные планеты, болезнь тотчас же с новой силой разгорится на других планетах. У вас не будет ни малейшего основания подозревать землян. К тому времени, когда безмятежная жизнь на нашей планете покажется подозрительной, опустошения будут настолько велики, а отчаяние инородцев настолько глубоким, что их уже ничто не будет волновать.

– И в конце концов погибнут все? – мозг Арвардана отказывался представить весь ужас неизбежной катастрофы.

– Может быть, не все. Наша вирусология развивается по двум направлениям. Теперь у нас уже есть противоядие, разработана схема его промышленного производства. Это средство будет применяться, если какая-либо планета успеет сдаться на милость победителя. Кроме того, некоторые самые далекие уголки Галактики могут избежать заражения. Нельзя исключать и возможность одного-двух случаев естественного иммунитета.

Арвардан уже и не думал сомневаться в правдивости услышанного, ужасная истина одним ударом перечеркивала казавшееся непобедимым соотношение двадцать пять миллиардов к одному.

— Это преступление задумали не земляне, — голос Шекта был слабым и усталым, — а всего лишь кучка диктаторов, обозленных тем, что Галактика не принимает их как равных, одержимые безумцы, стремящиеся отомстить любой ценой...

Они начнут войну, и все земляне будут вынуждены поддержать их. Что им останется делать? Все земляне будут связаны порукой, и им придется довести это страшное преступление до конца. Не могут же они оставить нетронутой часть Галактики и таким образом допустить возможность возмездия?

Однако я прежде всего человек, а потом уже землянин. Разве ради благополучия нескольких миллионов должны умирать триллионы людей? Разве цивилизация, завоевавшая всю Галактику, должна погибнуть только для того, чтобы удовлетворить возмущение жителей одной планеты, каким бы справедливым оно ни было? И разве после всего этого что-нибудь изменится к лучшему? Реальная власть в Галактике все равно будет принадлежать тем планетам, которые располагают наибольшими ресурсами, — а у Земли их вообще нет. В течение одного поколения земляне могут даже быть правителями Трантора, но их дети уже будут транторианами и неизбежно станут смотреть на загнивающую Землю сверху вниз.

Кроме того, какой смысл человечеству менять тиранию Галактики на тиранию Земли?

Нет, нет... Должен быть другой выход, справедливый для всех, гарантирующий всем свободу и жизнь.

Шект замолчал. Спрятав лицо в ладонях, он медленно раскачивался взад-вперед.

Ошеломленный Арвардан почти не слышал последних слов Шекта. Он пробормотал:

– Ваш поступок, доктор Шект, – это не измена. Я немедленно отправлюсь на Эверест. Прокуратор мне поверит. Должен верить.

Послышались быстрые шаги, дверь распахнулась, и на пороге показалась испуганная Пола.

– Отец ... По аллсе идут какие-то люди.

Лицо Шекта посерело.

– Доктор Арвардан, быстро, через гараж, – он сильно подтолкнул Арвардана. – Возьмите с собой Полу, а обо мне не беспокойтесь. Я их задержу.

Арвардан и Пола повернулись, но в дверях их уже ждал мужчина в зеленой одежде. Он недобро улыбался, небрежно помахивая нейронным хлыстом. Послышались удары возле главного входа, треск рухнувшей двери и топот ног.

– Кто вы такой? – попытался сопротивляться Арвардан и заслонил собой Полу.

– Я? – хриплым голосом переспросил человек в зеленой одежде. – Я всего лишь простой секретарь Его превосходительства, Верховного министра, – он сделал несколько шагов вперед. – Я вас уже устал ждать. Но не совсем. Гм, и девушка тут. Неосмотрительно...

Арвардан спокойно сказал:

– Я – гражданин Галактики. Сомневаюсь, что вы имеете право задерживать меня и даже входить в этот дом, не имея на руках соответствующего постановления властей.

– А я, – и секретарь легонько стукнул себя в грудь рукой, – и власть и закон на этой планете. Очень скоро в моих руках будут власть и закон всей Галактики. Между прочим, мы схватили всех вас, даже Шварца...

– Шварца? – почти в один голос воскликнули Пола и доктор Шект.

– Вы удивлены? Пойдемте, я провожу вас к нему.

Последнее, что запомнил Арвардан, была широкая улыбка секретаря. Последовал взмах нейронного хлыста, Арвардан почувствовал страшную боль и потерял сознание.

16. ДЕЛАЙТЕ СВОЙ ВЫБОР!

В это время Шварц лежал на неудобной жесткой скамье в одной из крохотных камер подвального этажа городского Исправительного дома.

Исправительный дом (обычно его называли просто Домом) был одним из символов власти Верховного министра и его приближенных в Чике. Высокой мрачной прямоугольной скалой он возвышался над стоявшими за ним бараками гарнизона Империи. Для любого нарушителя законов Земли Дом представлял гораздо более реальную угрозу, чем эфемерная власть Империи.

За несколько последних веков в стенах Дома в ожидании приговора побывало немало землян. Одни уклонялись от выполнения заданий или представляли фальшивые отчеты, другие жили больше позволенного, третьи потворствовали этим преступлениям, четвертые замыслили свержение местного правительства. Изредка, когда стоявшему в то время у власти пресытившемуся

правительству Империи ограниченность и жестокость земной юстиции казались особенно неразумными, прокуратор мог приостановить исполнение приговора, но обычно это приводило к восстанию или в лучшем случае к крупным беспорядкам.

Если Совет древних требовал смертного приговора, то прокуратор, как правило, соглашался. В конце концов, речь шла всего лишь о жизни землянина...

Разумеется, обо всем этом Джозеф Шварц ничего не знал. Сначала он понял только одно: он попал в плохо освещенную крохотную камеру, вся мебель которой состояла из двух жестких скамеек и стола. В стене была еще небольшая ниша, служившая одновременно и душевой и туалетом. Окон в камере не было вообще, а вентиляция работала из рук вон плохо.

Шварц потрепал волосы, окружавшие его большую лысину, и медленно поднялся. Итак, его попытка спастись бегством в никуда (действительно, разве есть на Земле место, где он был бы в полной безопасности?) была пресечена очень быстро, не слишком приятным способом, и вот теперь Шварц здесь.

Ему оставалось одно утешение – развлекаться с мысленными контактами.

Но хорошо это или плохо?

На ферме способность ощущать мысленные контакты казалась Шварцу странным даром, доставляющим одни лишь неприятности. Тогда он ничего не знал ни о природе этого дара, ни о его возможностях. Теперь Шварц мог тщательно исследовать свои способности.

Если двадцать четыре часа ничего не делать, а только горевать о своих злоключениях, то не-

долго и сойти с ума. Оказалось, Шварц может вступать в мысленные контакты с проходившими мимо камеры тюремными надзирателями, с охранниками, стоявшими в соседних коридорах, а при небольшом усилии даже с начальником Дома, кабинет которого был очень далеко.

Шварц осторожно зондировал и прощупывал сознание этих людей. Почему-то людей он представлял себе в виде спелых орехов, которые падают с дерева, от удара трескаются, а из их сухой оболочки выплескивается море эмоций, мыслей, суждений.

В Доме он узнал многое о Земле и Империи – намного больше, чем за два месяца на ферме.

Он узнал и самое главное – эта мысль повторялась снова и снова, так что ошибиться было невозможно: он приговорен к смертной казни.

Не было ни сомнений, ни надежды на спасение, ни возможности убежать.

Это может случиться сегодня, может завтра, но обязательно случится!

Почему-то Шварц смирился с этой мыслью и был почти рад приближению смерти.

Дверь распахнулась. Шварц с трудом поднялся, чувствуя, что у него подгибаются колени. Можно принимать смерть разумом, можно понимать ее неотвратимость, но проклятое тело все равно не услышит голос разума. Значит, вот она!

Нет, это еще не то. В мысленном контакте с вошедшим охранником не было и намека на смерть. Охранник держал наготове уже знакомый Шварцу металлический стержень.

– Следуй за мной, – приказал он.

Шварц пошел за охранником, размышляя на ходу о той странной силе, которой он обладал. Задолго до того, как охранник успеет пустить в ход свое оружие, гораздо раньше, чем он сообразит, что ему надо бы применить оружие, Шварц может сбить его с ног без малейшего звука, без промедления. Сознание охранника было полностью во власти сознания Шварца. Совсем небольшое усилие – и все кончено.

Но зачем? Сразу же появятся другие охранники. Сколько человек он сможет одолеть одновременно? Сколько сознаний он сможет контролировать?

Шварц покорно шел за охранником.

Его ввели в очень большую комнату. Здесь на неестественно высоких скамьях лежали три трупа – одной девушки и двух мужчин. Нет, они еще живы, об этом говорили три активных мысленных контакта.

Они парализованы, догадался Шварц. Их лица показались ему знакомыми... Где он с ними встречался?

Шварц хотел было остановиться, чтобы приглядеться внимательнее, но охранник с силой толкнул его в плечо.

– Забирайся!

В комнате была четвертая высокая скамья, пустая. В мысленном контакте с охранником не было слышно смерти, поэтому Шварц не стал возражать. Он знал, что будет дальше.

Охранник прикоснулся металлическим стержнем к ногам Шварца, и он сразу же перестал их ощущать. Теперь Шварц владел только своей головой, которая, казалось, существовала сама по себе.

Он повернул голову.

- Пола! - крикнул он. - Ведь вы - Пола, не так ли? Та девушка, которая...

Пола молча кивнула. Шварц не узнал ее по мысленному контакту, потому что два месяца назад он еще не знал, что это такое. В то время развитие его сознания достигло только стадии ощущения общей атмосферы. Это Шварц помнил очень хорошо.

Но теперь мысленные контакты говорили многое. За девушкой лежал доктор Шект, а еще дальше - доктор Бел Арвардан. Шварц без труда вытягивал из их сознания имена, оценивал глубину их отчаяния, отметил почти непереносимый ужас и страх в сознании девушки.

Сначала Шварц пожалел их, но потом, вспомнив, кто они такие, ожесточился.

Пусть они тоже умрут!

Пола, Арвардан и Шект находились здесь уже почти час. Очевидно, эта комната предназначалась для нескольких сотен заключенных. Пленники потерялись в гигантской камере. У Арвардана пересохло в горле, он с тщетным беспокойством вертел головой. Только голова и подчинялась ему.

Шект лежал с закрытыми глазами, плотно сжав обескровленные губы.

Арвардан отчаянно зашептал:

- Шект! Шект, вы меня слышите?

- Что?.. Что?.. - еле слышно отозвался Шект.

- Что вы делаете? Собираетесь поспать? Думайте, старина, думайте!

- Зачем? И о чем здесь можно думать?

- Кто этот Джозеф Шварц?

Пола ответила слабым и уставшим голосом:

- Разве вы не помните, Бел? Супермаркет, в котором мы встретились в первый раз? Это было так давно...

Арвардан отчаянно попытался повернуться. Несмотря на страшную боль, ему удалось на пару дюймов приподнять голову и краешком глаза увидеть Пола.

- Пола! Пола! - если бы сейчас он мог подойти к ней, как мог (и не делал этого) все два месяца. Пола смотрела на него со слабой болезненной, почти неживой улыбкой. - Все равно мы выиграем, - сказал Арвардан. - Вот увидите.

Но Пола только покачала головой, и Арвардан, не в силах более противостоять ужасной боли, опустил голову.

- Шект, - снова обратился Арвардан, - послушайте меня. Каким образом вы встретились с этим Шварцем? Почему он стал вашим пациентом?

- Синапсифайер. Он был добровольцем.

- И вы его синапсифицировали?

- Да.

Арвардан какое-то время обдумывал новость, потом спросил:

- Что его заставило прийти к вам?

- Не знаю.

- Но тогда... Не исключено, что он агент Империи.

(Шварц отчетливо улавливал ход мыслей Арвардана и улыбался про себя. Он молчал и намечался молчать и дальше.)

Шект чуть пошевелил головой.

- Агент Империи? Эта мысль пришла вам в голову, потому что так сказал секретарь Верховного министра. Чспуха. К тому же теперь

это не имеет никакого значения. Он так же беспомощен, как и мы... Послушайте, Арвардан, если все мы будем говорить одно и то же, возможно, они отложат... И в конце концов мы...

Несмотря на невыносимую боль в горле, Арвардан глухо рассмеялся.

- Вы хотите сказать, что мы останемся в живых. А Галактика погибнет, и вся цивилизация будет уничтожена. В живых? Нет, в таком случае я предпочту смерть!

- Я думал о Поле, - пробормотал Шект.

- Я тоже, - отозвался Арвардан. - Пусть скажет сама... Пола, как вы считаете, нам следует сдаться и попытаться вымолить себе жизнь?

- Я уже сделала выбор, - твердо ответила Пола. - Я не хочу умирать, но, если мы потерпим поражение, я умру вместе со всеми.

Арвардан остался доволен. Он возьмет ее с собой в систему Сириуса, и пусть ее там называют земной девушкой. Все равно она ни в чем им не уступает, и он с огромным удовольствием пересчитывает зубы любому, кто...

Здесь Арвардан вспомнил, что едва ли ему удастся взять Полу или вообще кого бы то ни было в систему Сириуса. Скорее всего ему уже не видеть Сириуса...

Потом, словно желая поскорее отделаться от этих мыслей, от любых мыслей, он закричал:

- Эй, вы! Как вас там? Шварц!

Шварц на мгновение приподнял голову и невыразительно посмотрел на Арвардана, но по-прежнему ничего не сказал.

- Кто вы? - спросил Арвардан. - И каким образом вы оказались замешанным в эту историю? Какова ваша роль в ней?

При этих словах Шварц вдруг особенно ост-

ро ощутил всю несправедливость случившегося с ним. Он вспомнил свое безоблачное прошлое, свое ужасное настоящее и выкрикнул:

- Я? Как я оказался замешанным? Так слушайте. Давным-давно я был самым обыкновенным человеком. Честным портным, работал от зари до зари. Я никому не причинил вреда, никого не беспокоил, заботился о своей семье. А потом без всякой причины, просто так - оказался здесь.

- В Чике? - уточнил Арвардан, который, конечно, понял далеко не все.

- Да не в Чике! - в бешенстве выкрикнул Шварц. - Вообще в этом сумасшедшем мире... А, мне все равно, поверите вы или нет. Мой мир в далеком прошлом. В моем мире земли и пищи хватало на два миллиарда человек, и все они жили на одной планете.

Выслушав гневные выкрики Шварца, Арвардан помолчал, потом повернулся к Шекту:

- Вы его понимаете?

- Вы не поверите, - с долей удивления сказал Шект, - но у этого человека есть червеобразный отросток длиной три с половиной дюйма. Пола, ты помнишь? И зубы мудрости. И на его лице росли волосы.

- Да, да, - с вызовом закричал Шварц. - Жаль, что у меня нет еще и хвоста, я бы вам его показал. Я - человек из прошлого. Я совершил путешествие во времени. Только не знаю, каким образом и почему. А теперь оставьте меня в покое, - не совсем последовательно он добавил: - Скоро за нами придут. Эта передышка придумана только для того, чтобы окончательно сломить нас.

Арвардан моментально среагировал:

- Вам это точно известно? Кто вам сказал?

Шварц не ответил.

- Это был секретарь? Коренастый мужчина с приплюснутым носом?

Шварц ничего не мог сказать о внешнем облике человека, с которым он поддерживал только мысленный контакт, но... секретарь? В сущности, мысленный контакт был очень кратковременным, но мощным, он явно принадлежал человеку, облеченному властью. Возможно, это действительно был секретарь.

- Балкис? - из чистого любопытства уточнил Шварц.

- Что? - не понял Арвардан.

Шект перебил его:

- Это фамилия секретаря.

- Ах так... И что же он сказал?

- Он ничего не сказал, - ответил Шварц. - Но я знаю. Всех нас ждет смерть, и никакого выхода нет.

- Он сумасшедший, вы не находите? - спросил Арвардан, понизив голос.

- Я пытаюсь понять... Вот и швы на его черепе. Они примитивны, очень примитивны.

Арвардан был поражен.

- Вы хотите сказать... Ах, перестаньте, это невозможно.

- Я тоже всегда так считал, - на какое-то время голос Шекта стал хоть немного напоминать голос прежнего Шекта, как будто углубление в научную проблему переключило его разум на ту далекую, но реально существующую область, в которой личные вопросы не играют никакой роли. - Видите ли, расчеты энергии, необходимой для перемещения материального объекта по оси времени, всегда приводили к бесконечно большим величинам, поэтому соот-

ветствующие проекты считались в принципе нереализуемыми. Но высказывалось мнение и о возможности "сдвигов во времени", аналогичных известным геологическим сдвигам. Во-первых, иногда чуть ли не на глазах исчезали космические корабли. В древности была широко известна история некоего Хора Деваллоу, который однажды вошел в свой дом и больше из него не вышел, но в доме его тоже не оказалось... Вспомните и планету, которая упоминается в руководствах по галактографии прошлого столетия. На эту планету было послано три экспедиции, они благополучно вернулись и доставили все сведения о ней... но с тех пор планету никто не видел.

Кроме того, некоторые достижения ядерной химии, вероятно, говорят о возможности нарушения закона сохранения массы и энергии. Предлагалось, например, объяснение, постулировавшее сдвиг части массы системы по оси времени. Так, если уран смешать с небольшим, но строго определенным количеством меди и бария, то под воздействием гамма-излучения образуется резонирующая система...

- Отец! - прервала Шекта Пола. - Перестань! Все это бесполезно...

Но Арвардан не допускающим возражений тоном сказал:

- Подождите. Дайте подумать. Я берусь разгадать эту загадку. Кто еще? Разрешите мне задать ему несколько вопросов... Послушайте, Шварц!

Шварц перевел взгляд на Арвардана.

- Ваша планета была единственной в Галактике? - спросил Арвардан.

Шварц кивнул головой, потом хмуро подтвердил:

- Да.

- Точнее, вы так думали. Я хочу сказать, вы не умели путешествовать к звездам и, стало быть, у вас не было возможности проверить. Ведь могло существовать множество необитаемых планет, о которых вы даже не догадывались.

- Не могу сказать.

- Да, конечно... Жаль. А об атомной энергии что вы можете сказать?

- У нас была атомная бомба. Уран... и плутоний... Наверное, из-за этого планета и стала радиоактивной. Должно быть, после всего этого... после того, как я исчез... была еще одна большая война... Атомные бомбы...

Шварц вспомнил Чикаго, свою старую планету - до того, как там стали рваться атомные бомбы. Ему стало очень жаль. Не себя, а ту прекрасную планету...

Арвардан что-то пробормотал про себя, потом спросил:

- Хорошо. Конечно, у вас был свой язык.

- На Земле? Тьма языков.

- А вы говорили на каком?

- На английском... когда уже стал взрослым.

- Отлично. Скажите что-нибудь по-английски.

Больше двух месяцев Шварц ни слова не говорил на этом языке, и теперь он медленно, с любовью произнес:

- Я хочу снова перенестись домой, к своей семье.

Арвардан обратился к Шекту:

- Шект, когда вы его синапсифицировали, он изъяснялся на этом языке?

- Не могу сказать, - озадаченно ответил Шект. - Странные звуки я слышал тогда, странные звуки слышу и сейчас. Но есть ли между ними связь? Не знаю.

- Ладно, это неважно... Шварц, как на вашем языке звучало слово "мать"?

Шварц сказал.

- Ага. А как "отец"... "брат"... "один", то есть числительное... "два"... "три"... "дом"... "человек"... "жена"...

Вопросы сыпались один за одним, и, когда Арвардан замолчал, чтобы перевести дыхание, на его лице отразилось глубочайшее изумление.

- Шект, - сказал он, - или этот человек говорит правду, или я стал жертвой самой невероятной мистификации. Он говорит практически на том же языке, на котором сделаны письма, найденные в системах Сириуса, Арктура, Альфы Центавра и в двадцати других; по стратиграфическим оценкам им не менее пятидесяти тысяч лет. А он говорит на этом языке, хотя его удалось расшифровать лишь несколько десятков лет назад, и во всей Галактике не наберется и десяти человек, не считая меня, которые понимали бы его.

- Вы в этом уверены?

- Я? Конечно, уверен. Я археолог. Я обязан знать свое дело.

Впервые Шварц почувствовал, что окружавшая его последние два месяца броня отчуждения дала трещину. Он снова приобретал утраченную индивидуальность. Никакой тайны больше не было: он - человек из прошлого, с этим все согласились. Значит, он не сошел с ума, значит, можно навсегда отбросить мучившие его сомнения. Шварц испытал огромное облегчение, но все же держался особняком.

- Почему же он не попался мне раньше, - Арвардан забыл обо всем на свете, кроме своих священных профессиональных забот. - Шект, вы понятия не имете, что это значит для археологии. Шект,

перед нами человек из далекого прошлого. Боже мой!.. Послушайте, мы можем заключить сделку. Шварц – это живое доказательство, которое ищут земляне. Они могут его получить. Они могут...

Шварц насмешливо прервал Арвардана:

– Знаю, на что вы рассчитываете. Вы думаете, что благодаря мне земляне докажут, что их планета была родиной цивилизации, и постараются нас отблагодарить. Ничего не выйдет! Я уже думал об этом, я бы постарался выторговать себе жизнь. Но мне – или вам, это все равно, – не поверят.

– Но мы располагаем неопровержимыми доказательствами.

– Никто не станет вас даже слушать. И знаете, почему? Потому что относительно своей истории у них совершенно определенные представления. Любое отступление от этих представлений в их глазах является богохульством, даже если это полная правда. Правда им не нужна, им нужны только их традиции и обычаи.

– Знаете, Бел, – сказала Пола, – мне кажется, он прав.

Арвардан скрипнул зубами.

– Можно хотя бы попытаться.

– Ничего не получится, – настаивал на своем Шварц.

– Почему вы говорите так уверенно?

– Потому что знаю! – ответил Шварц с такой уверенностью оракула, что Арвардан не нашелся, что возразить.

Теперь настала очередь Шекта, который со странным блеском в уставших глазах наблюдал за Шварцем. Он тихо спросил:

– После синапсифицирования вы не ощущали никаких отрицательных последствий?

Это слово было незнакомо Шварцу, но он понял суть вопроса. Значит, его все-таки оперировали, что-то делали с его мозгом! Как много он узнал нового!

- Отрицательных последствий не было, - ответил он.

- Но я заметил, что вы быстро обучились нашему языку. Сейчас вы говорите очень хорошо. В сущности, вас невозможно отличить от землянина. Вас это не удивляет?

- У меня всегда была очень хорошая память, - спокойно ответил Шварц.

- Следовательно, вы чувствуете себя так же, как и до синапсицирования?

- Да.

Теперь уже доктор Шект смотрел на Шварца довольно жестким взглядом.

- Почему вы стараетесь умолчать? Знаете, я уверен: вам хорошо известно, о чем я сейчас думаю.

Шварц усмехнулся.

- О том, что я могу читать мысли? Ну и что?

Но Шект не стал слушать Шварца, а повернулся к Арвардану.

- Арвардан, он способен чувствовать мысли других людей. Сколько интересного я мог бы с ним сделать. И после этого быть здесь... совершенно беспомощным...

- Что?.. что?.. что?.. - ничего не поняв, бессмысленно затараторил Арвардан.

Даже Пола, казалось, немного заинтересовалась.

- Вы действительно можете читать мысли? - спросила она Шварца.

Шварц кивнул. Как жаль, подумал он, она

ухаживала за ним, а теперь ее убьют. Впрочем, все равно она предала его.

– Арвардан, помните, недавно я рассказывал вам о вирусологе, который умер вскоре после синапсифицирования? – сказал Шект. – Он стал утверждать, что способен читать мысли других людей, и мы посчитали тогда это первым симптомом нарушения рассудка. А он на самом деле мог читать чужие мысли. Я убедился в этом перед его смертью, но никому и никогда не говорил об этом. Так что, Арвардан, в принципе это возможно, вполне возможно. Видите ли, при понижении электрического сопротивления клеток мозг приобретает способность улавливать магнитные поля, индуцированные микротоками мозга другого человека, и преобразовывать их в соответствующие мысли. В этом отношении мозг выполняет те же функции, что и обычное звукозаписывающее устройство. Это – телепатия в полном смысле слова...

Арвардан повернулся к Шварцу, который прямо хранил враждебное молчание.

– Шект, если это так, то мы сможем использовать его способности, – археолог мысленно перебирал тысячи вариантов, отбрасывая явно неосуществимые. – Теперь можно найти способ, как нам выбраться отсюда. Нужно найти выход. Ради нас и ради спасения всей Галактики.

Но Шварц никак не отреагировал на мысленный контакт, который он ощущал очень отчетливо. Он сказал:

– Вы имеете в виду мою способность читать мысли? Но какая от этого польза? Конечно, я могу и еще кое-что, не только копошиться в чужих мыслях. Вот, например...

Это было что-то вроде легкого толчка, но Арвардан вскрикнул от неожиданной боли.

- Это сделал я, - сказал Шварц. - Хотите еще?

- Вы можете проделать то же и с охранниками? - изумился Арвардан. - И с секретарем? Тогда почему же вы позволили привести вас сюда? Боже мой, Шект, мы решим все наши проблемы. Слушайте, Шварц...

- Нет, - сказал Шварц, - это вы послушайте меня. Почему вы так уверены, что я хочу убежать отсюда? Где я окажусь? На той же самой мертвой планете. А я хочу быть дома, но это невозможно. Я хочу быть на своей планете, со своей семьей, но это неосуществимо. Поэтому я хочу умереть.

- Но Шварц, речь идет о судьбе всей Галактики. Вы не можете думать только о себе.

- Почему не могу? Какое мне дело до вашей Галактики? Надеюсь, теперь она заживо сгниет и умрет. Я знаю, что собираются делать земляне, и рад этому. Несколько минут назад девушка сказала, что она решила, на чьей она стороне. Вот и я решил, на чьей я стороне. Моя сторона - Земля.

- Что?

- А почему бы и нет? Ведь я - землянин!

17. ИЗМЕНИТЕ СВОЕ РЕШЕНИЕ!

Прошел уже час с тех пор, как Арвардан с трудом пришел в себя и обнаружил, что он беспомощно, как туша говядины в лавке мясника, валяется на скамье. И за этот час совсем ничего не произошло. Ничего, кроме этого лихорадочного, непоследовательного разговора, который разве что помог скоротать невыносимо медленно тянущееся время.

Все это не случайно, все было задумано с определенной целью. В этом Арвардан был уверен. Их, беспомощно валявшихся на скамьях, даже не сочли необходимым охранять, им дают понять, что не считают их опасными, что перед своими врагами они невероятно слабы и ничтожны. Упрямое сознание никак не могло смириться с таким унижением; когда придет палач, он не встретит никакого или почти никакого сопротивления.

Арвардан понял, что настало время нарушить молчание. Он сказал:

– Надо полагать, эта комната прослушивается. Нам следовало бы быть поосторожней в наших разговорах.

– Нет, не прослушивается, – спокойно возразил Шварц, как бы констатируя нечто очевидное. – Никто нас не слушает.

С языка Арвардана чуть было не сорвалось привычное “Как вы можете знать?”, но он вовремя спохватился и промолчал.

Подумать только, оказывается, существует такая невероятная сила! И эта сила не в его руках, а в руках человека из прошлого, который называет себя землянином и хочет смерти!

Перед глазами Арвардана была только часть потолка. Повернув голову в одну сторону, он мог краем глаза уловить угловатый профиль Шекта, в другую – пустую стену. Если приподнять голову, то на мгновение удавалось увидеть бледное, усталое лицо Полы.

Время от времени его мозг сверлила одна и та же мысль: ведь он – представитель Империи, Боже мой, Империи, гражданин Галактики! И тогда его положение казалось ему особенно диким, несправедливым; было что-то чрезвычайно

неприятное в том, что его жизнью и смертью распоряжались земляне.

Потом эта мысль отошла на второй план.

Могли бы положить его и рядом с Полой... Впрочем, нет, так даже лучше. Сейчас у него не слишком вдохновляющий вид.

- Бел? - обращение Пола прозвучало единым звуком и почему-то показалось Арвардану особенно приятным перед неизбежной гибелью.

- Что, Пола?

- Как вы думаете, они скоро придут?

- Может быть, скоро, дорогая... Все так плохо. Мы упустили целых два месяца, не так ли?

- Это моя вина, - прошептала Пола. - Моя вина. А теперь у нас отняли даже эти последние минуты. Это уже... слишком...

Арвардан не ответил. Он снова взялся перебирать тысячи вариантов спасения, отчаянно стараясь найти самый надежный путь. Мне это только кажется, подумал он, или я действительно начинаю чувствовать под собой жесткий пластик скамьи? Сколько будет продолжаться паралич?

Необходимо заставить Шварца помочь. Арвардан попытался контролировать свои мысли, заранее зная, что это бесполезно.

- Шварц, - позвал он.

Шварц был так же беспомощен, как и другие пленники, но к его страданиям добавлялось еще одно не зависевшее от его воли обстоятельство: в его сознании совмещались мысли и страдания всех четырех пленников.

Если бы Шварц оказался здесь один, он уже давно нашел бы себе утешение в мечтах о предстоящем вечном мире и покое, давно побо-

рол бы последние следы той любви к жизни, которая еще совсем недавно – два или три дня назад? – заставила его бежать с фермы. Но сейчас это было совершенно невозможно, сейчас ему постоянно мешало ощущение беспомощности и ужаса перед неизбежным концом, которое, как пелена, обволакивало сознание Шекта, мешали и почти отчаявшееся, но никак не желавшее смириться сильное, деятельное сознание Арвардана, и глубокая трогательная печаль Полы.

Неплохо было бы экранировать свое сознание, отгородиться от чужих мыслей, подумал Шварц. Какое ему дело до страданий других? У него была своя жизнь, и смерть тоже будет своя.

Но мысли этих трех несчастных ненастойчиво, но постоянно просачивались в сознание Шварца, как бы проникая через мельчайшие щели.

Когда Арвардан обратился к нему, Шварц уже знал, что речь пойдет об их спасении, о том, что Шварц должен им помочь. Но почему он должен их спасти? Почему?

– Шварц, – вкрадчиво повторил Арвардан, – вы могли бы стать героем и при этом остаться в живых. За что вы умрете здесь? За тех людей?

Но в это время Шварц вспоминал разные эпизоды своей молодости, отчаянно пытаясь составить из них сколько-нибудь цельную картину. Живые воспоминания о далеком и совсем недавнем прошлом в конце концов заставили его возмутиться. Впрочем, ответил он спокойно и сдержанно:

– Да, я мог бы стать героем – и предателем тоже. Да, меня хотят убить, как вы сказали, те

люди. Но, хотя вы назвали их людьми, в ваших мыслях были совсем другие слова. Я их не понял, но это были отвратительные слова. И не потому, что эти люди отвратительны сами по себе, а потому что они – земляне.

– Это неправда, – горячо возразил Арвардан.

– Это правда, – так же горячо парировал Шварц, – и все вы знаете это. Да, они хотят меня убить, но только потому, что считают меня таким же, как вы, ведь вы способны одним словом осудить целую планету, уничтожить ее своим презрением, медленно задушить ее одним лишь вашим невыносимым чувством превосходства. Что ж, теперь защищайтесь от этих жалких существ, от этого сброда, который как-то умудрился угрожать своим подобным божеству хозяевам. И не просите помощи у одного из них.

– Вы рассуждаете, как фанатик-землянин, – с удивлением отметил Арвардан. – Но почему? Разве вы страдали от нашего чувства превосходства? Вы сами сказали, что жили на многонаселенной независимой планете. Вы были землянином тогда, когда Земля была единственной носительницей разумной жизни. Значит, вы – один из нас, правителей Галактики. Зачем вам нужно связывать себя с этой умирающей планетой? Это совсем не та Земля, что сохранилась в вашей памяти. Старая Земля больше похожа на мою планету, чем на этот больной мир.

Шварц рассмеялся.

– Говорите, я – один из правителей? – сказал он. – Ладно, не будем углубляться. Не стоит тратить на это силы. Лучше возьмем, например, вас. Вы – прекрасный образчик тех, кого посылает нам Галактика. Вы терпимы и необыч-

но великодушны, вы восхищаетесь собой, потому что относитесь к доктору Шекту как к равному. Но в глубине души – причем не слишком глубоко, потому что мне не составляет труда отчетливо видеть это в вашем сознании, – вы понимаете, что рядом с ним вы чувствуете себя неуютно. Вам не нравится, как он говорит или как он смотрит. В сущности, он вообще вам не нравится, и это несмотря на то, что он добровольно предлагает предать Землю... Да, а недавно вы поцеловали земную девушку и теперь считаете это недопустимой слабостью. Вы стыдитесь своего поступка...

– Боже мой, я совсем не... – отчаянно выкрикнул Арвардан. – Пола, не верьте ему. Не слушайте его.

Пола спокойно ответила:

– Бел, не оправдывайтесь и не придавайте словам Шварца слишком большого значения. Шварц проникает в ваше сознание очень глубоко, возможно, он затрагивает какие-то детские впечатления. Если бы он так же глубоко заглянул в мои мысли, то нашел бы примерно то же самое. Нечто очень похожее он обнаружил бы и в своем сознании, если бы потрудился вторгнуться в него так же бесцеремонно, как вторгается сейчас в наше.

Шварц почувствовал, что краснеет.

Не повышая тона, все таким же спокойным, тихим голосом Пола обратилась к Шварцу:

– Шварц, если вы можете исследовать сознание человека, загляните в мои мысли. Скажите, разве я участвовала в заговоре? Прозондируйте сознание моего отца. Скажите, разве это не правда, что он легко уклонился бы от “Закона о шестидесятилетии”, если бы согласился со-

трудничать с безумцами, которые собираются погубить Галактику? Что он выиграл своей изменой?.. И посмотрите еще раз, разве кто-то из нас желает зла Земле и ее жителям?

Вы сказали, что как-то мимолетно заглянули в сознание Балкиса. Не знаю, насколько глубоко вы проникли в эту мерзость. Когда он вернется, когда будет поздно что-либо предпринимать, прочтите его мысли еще раз. Убедитесь, что он безумец... а потом можете умирать!

Шварц молчал.

В разговор поторопился вступить Арвардан.

- Ладно, Шварц, теперь прошупайте мое сознание. Можете углубиться настолько, насколько вам захочется. Я родился на планете Баронн в системе Сириуса. Годы, когда формируется мировоззрение, я провел в атмосфере презрительного отношения к Земле и землянам, так что я уже ничего не могу поделать с теми глупостями и пороками, которые были заложены с детства. Но посмотрите внимательнее на поверхностные слои моего сознания и скажите, разве, став взрослым человеком, я не боролся со слепыми догмами в себе? Не в других, это было бы намного проще, я имсю в виду - в себе самом, причем боролся так, как только мог.

Шварц, вы совсем не знаете нашей истории! Вы ничего не знаете о тех тысячелетиях и десятках тысячелетий, в течение которых человек завоевывал Галактику, о войнах и нищете. Вы ничего не знаете и о первых столетиях существования Империи, когда деспотизм и анархия поочередно сменяли друг друга. Наше Галактическое правительство стало достаточно представительным только за последние двести лет. Только в эти годы всем планетам были предо-

ставлены культурная автономия и право полного самоуправления, а также право голоса в правительстве всей Галактики.

Во всей истории человечества не было другого периода без войн и нищеты. Только последние двести лет экономика Галактики развивается гармонично. Вы хотите все это разрушить и начать с нуля? И каким образом? С помощью деспотической теократии, умеющей разве что сеять всеобщую подозрительность и ненависть.

Недовольство землян понятно и законно. Когда-нибудь, если Галактика еще будет существовать, проблеме Земли удастся решить. Но то, что замышляется сейчас, – это не решение. Вы знаете, что именно они намерены сделать?

Если бы у Арвардана были способности, так неожиданно обнаружившиеся у Шварца, он без труда увидел бы, что в его сознании происходит борьба. Впрочем, и не обладая такими способностями, Арвардан интуитивно понял, что в этот момент ему следует помолчать.

Шварц размышлял. После скоротечной эпидемии ужасной болезни все планеты должны обезлюдеть... Действительно ли он только землянин? Просто землянин? В юности он покинул Европу и эмигрировал в Америку, но разве после этого он стал другим человеком? И если позже люди оставили израненную, исковерканную Землю и отправились на другие планеты, то разве от этого они перестали быть землянами? Разве вся Галактика не принадлежит ему, Шварцу? И разве все они, все без исключения, не прямые потомки его и его братьев?

Шварц с трудом произнес:

– Хорошо, я с вами. Чем я могу помочь?

– На каком максимальном расстоянии вы мо-

жете зондировать сознание других людей? – тут же спросил Арвардан, будто опасаясь, что Шварц может изменить свое решение.

– Не знаю. За стенами кто-то есть. Вероятно, охранники. Думаю, что я могу дотянуться и до тех, кто находится на улице, но чем больше расстояние, тем слабее сигнал.

– Естественно, – сказал Арвардан. – А как насчет секретаря? Вы можете отыскать его сознание?

– Не знаю, – пробормотал Шварц.

Последовала пауза... Время тянулось невыносимо медленно.

– Мне мешают ваши мысли, – сказал Шварц. – Не смотрите на меня и не думайте обо мне. Рассуждайте о чем-нибудь другом.

Арвардан, Пола и Шект попытались последовать указаниям Шварца, но спустя несколько минут он признался:

– Нет... не могу... не могу.

Вдруг Арвардан воскликнул:

– Я могу немного двигаться... Боже мой, мне удалось пошевелить ногой... Ох!

Каждое движение было для него настоящей пыткой.

Он спросил:

– Шварц, насколько сильно вы можете навредить человеку? Я хочу сказать, можете ли вы ранить его больше, чем меня несколько минут назад?

– Я убил человека.

– Вы? И как же вам это удалось?

– Не знаю. Так уж получилось. Это... это... – в своей попытке выразить словами необъяснимое Шварц выглядел почти до смешного беспомощным.

– Ладно, а сможете вы справиться с несколькими противниками сразу?

- Я не пробовал, но думаю, что не смогу. Я не в состоянии читать сознания двух человек одновременно.

Вмешалась Пола:

- Бел, не надо думать об убийстве секретаря. Из этого ничего не получится.

- Почему не получится?

- Как мы выйдем отсюда? Даже если мы схватим секретаря и убьем его, за стенами Дома нас будут ждать сотни его единомышленников. Как ты этого не понимаешь?

Разговор Пола и Арвардана прервал Шварц. Хриплым голосом он сказал:

- Я нашел его.

- Кого? - в один голос воскликнули все трое. Даже Шект исступленным взглядом следил за Шварцем.

- Секретаря. Мне кажется, это мысленный контакт с ним.

- Не отпускай его! - Арвардан старался, чтобы его голос звучал по возможности более убедительно; он всем телом неловко перекатился, упал со скамьи, ударившись о пол полупарализованной ногой, и тщетно пытался приподняться.

- Вы разбились! - вскрикнула Пола. Она тоже хотела приподняться и неожиданно обнаружила, что ее рука, хотя и с большим трудом, все же стала немного сгибаться в локте.

- Нет, все в порядке. Шварц, выжмите из него все без остатка. Извлеките все сведения, какие только удастся.

Шварц до боли в висках старался дотянуться своим сознанием до мыслей секретаря. Он неловко и слепо цеплялся за очень слабый мысленный контакт; так ребенок протягивает еще плохо повинующиеся ему ручки к игрушке, до которой никак

не может дотянуться. До сих пор Шварц подбирал все мысли без разбора, а теперь он искал, искал...

Лишь с большим трудом он улавливал отрывочные мысли.

- Победа! Он уверен в победе... Что-то о космических путях. Они уже запустили их в космос... Нет, еще не запустили. Что-то другое... Да, собираются запустить.

Шект застонал.

- Арвардан, это автоматические ракеты для переноса вируса через космическое пространство. Они нацелены на все планеты.

- Шварц, где они хранятся? - настаивал Арвардан. - Ищи, старина, ищи...

- Какое-то здание... я... почти ничего... не вижу... Пять точек... звезда... название... кажется, Слу...

Снова вмешался Шект:

- Точно. Клянусь всеми богами, это именно то место. Замок Сенлу. Он со всех сторон окружен радиоактивными зонами. Кроме Древних, никто не имеет права заходить туда. Шварц, это недалеко от места слияния двух больших рек?

- Не могу... Да, да, да.

- Когда, Шварц, когда? Когда начнется атака?

- Не могу сказать точно, но скоро... скоро. Его сознание прямо-таки лопается от предвкушения... Это будет очень скоро, - Шварцу казалось, что его голова вот-вот треснет от напряжения.

Арвардану наконец удалось подняться. Руки и ноги дрожали и не подчинялись ему, он встал на четвереньки и лихорадочно спросил Шварца:

- Секретарь идет сюда?

- Да. Он уже у двери.

Последние слова Шварц произнес полупшепо-
том.

Балкис вошел в комнату триумфатором и презрительно обратился к Арвардану:

- Доктор Арвардан! Не лучше ли вам занять свое место?

Арвардан взглянул на секретаря, остро переживая унижительность своего положения. Ответить ему было нечего, и он промолчал. Арвардан медленно, преодолевая боль и тяжело дыша, снова опустился на пол. Если бы его тело стало хоть немного послушнее, если бы ему удалось сделать один-единственный прыжок и перехватить оружие у этого...

На этот раз с флексипластового ремня, опоясывавшего зеленую одежду секретаря, не свисал нейронный хлыст. Его место занял крупнокалиберный бластер, способный в мгновение ока испарить человека до отдельных атомов.

Секретарь с удовлетворением жестоко смотрел на четырех пленников. Девушку он старался не замечать, но то, что трое других оказались здесь, свидетельствовало о чистой работе. Вот они: предатель-землянин, агент Империи и это таинственное создание, за которым они следили два месяца. Есть ли у них сообщники?

Конечно, еще оставались Энниус и вся Империя. Земля обрубилa руки Империи - если считать руками этих шпионов и предателей, - но где-то еще оставался мозговой центр, готовый, возможно, послать на Землю новые руки.

Секретарь держался совершенно свободно. Он скрестил руки на груди, всем своим видом показывая, что ему нет необходимости держать оружие наготове. Спокойно и негромко он заговорил:

- Настало время назвать вещи своими именами. Земля и Галактика находятся в состоянии войны – пока еще не объявленной, но тем не менее войны. Вы – военнопленные, и с вами будут обращаться как с пленными во время войны. Естественно, шпионы и предатели заслуживают лишь одного наказания – смерти...

- Только в случае законной и объявленной войны, – гневно персбил секретаря Арвардан.

- Законной войны? – не скрывая насмешки, переспросил секретарь. – А что такое законная война? Земля всегда была в состоянии войны с Галактикой независимо от того, была она официально объявлена или нет.

- Не спорь с ним, – тихо сказала Пола, обращаясь к Арвардану. – Пусть быстрее скажет, что хочет, и покончим с этим.

Арвардан улыбнулся Поле странной, перекошенной улыбкой, потому что в это время с величайшим трудом, задыхаясь от напряжения, поднимался на ноги.

Балкис негромко засмеялся. Не спеша он подошел вплотную к Арвардану, так же не спеша положил руку на его широкую грудь и толкнул.

Арвардан, непослушные руки которого не откликнулись на требование защититься, а сокращавшиеся с черепашьею скоростью мышцы не смогли сохранить тело в равновесии, тяжело упал, ударившись о пол головой.

Пола вскрикнула. Подгоняя не подчинявшееся ей тело, она медленно, очень медленно сползла со своей скамьи.

Балкис позволил ей подползти к Арвардану.

- Ваш возлюбленный, – сказал он. – Ваш сильный и мужественный возлюбленный-инордец. Спешите к нему! Чего же ты ждешь? Заклю-

чи героя в свои объятия и забудь о том, что на нем пот и кровь миллиардов замученных землян. Вот он, твой храбрый доблестный герой, — свалился на пол от легкого толчка руки землянина.

Пола стояла на коленях возле Арвардана, ощупывая его голову, нет ли на ней крови или опасной трещины. Арвардан медленно открыл глаза и одними губами произнес:

— Все в порядке, не беспокойся!

— Он трус, — сказала Пола. — Только трус способен ударить парализованного и хвастаться победой. Поверьте мне, таких среди землян не много.

— Я знаю, иначе вы не были бы земной женщиной.

Голос секретаря стал более жестким.

— Как я уже сказал, все вы потеряли право на жизнь. Тем не менее вы можете выкупить свои жизни. Вас интересует цена?

— Если бы вы оказались на нашем месте, это вас заинтересовала бы цена, — гордо ответила Пола. — В этом я уверена.

— Тихо, Пола, — Арвардан все еще не мог восстановить дыхание. — Что вы предлагаете?

— О, — сказал Балкис, — вы хотите продать себя? Как это сделал бы, например, я? Я, дикий землянин?

— Вам лучше знать, что вы собой представляете, — ответил Арвардан. — Что же касается меня, то я не продаю себя. Я покупаю Полу.

— Я не хочу, чтобы мной торговали, — сказала Пола.

— Очень трогательно, — проскрипел секретарь. — Он не только нисходит до наших самок, до наших земляных червей, но и готов продемонстрировать самопожертвование.

- Что вы предлагаете? - требовательно переспросил Арвардан.

- Вот что. Очевидно, сведения о наших планах просочились в Империю. Нетрудно понять, как эти сведения попали к доктору Шекту, но удивляет, каким путем они достигли Империи. Естественно, мы хотели бы точно знать, что именно известно Империи. Не то, что узнали вы, доктор Арвардан, а что знает сейчас Империя.

- Я археолог, а не шпион, - отрезал Арвардан. - Понятия не имею, что известно Империи, но надеюсь, что правительство знает чертовски много.

- Так я и предполагал. Что ж, у вас есть возможность изменить свою точку зрения. Подумайте как следует. Все подумайте.

Пока Шварц не произнес ни слова, он даже ни разу не взглянул на секретаря.

Секретарь выждал несколько минут, потом немного раздраженно сказал:

- В таком случае я назову цену вашего отказа. Вас ждет не простая смерть. Я совершенно уверен, что все вы готовы к этому неприятному и неизбежному исходу. Доктор Шект и его дочь, которая к несчастью для нее оказалась вовлеченной в это преступление, являются гражданами Земли. В сложившейся ситуации мне представляется наиболее целесообразным подвергнуть их синапсифицированию. Вы меня поняли, доктор Шект?

Шект смотрел на Балкиса с ужасом.

- Вижу, что поняли, - продолжал Балкис. - Конечно, нетрудно настроить синапсифайер так, чтобы он повредил ткани мозга ровно настолько, насколько необходимо для превращения че-

ловека в безмозглого зверя. Должен признаться, это крайне омерзительное состояние: вас придется кормить, иначе вы умрете от голода; вас придется мыть, иначе вы утонете в нечистотах; вас придется держать взаперти, иначе вы на смерть напугаете любого, кто увидит вас. Перед приближающимися великими событиями это будет хорошим уроком для других.

— Что касается вас, — секретарь повернулся к Арвардану, — и вашего друга Шварца, вы являетесь гражданами Империи и, следовательно, представляете собой ценный материал для интересного эксперимента. У нас никогда не было возможности испытать концентрированный препарат вируса лихорадки на вас, галактических собаках. Интересно проверить, правильны ли наши расчеты. Понимаете, я имею в виду действие небольших доз — таких, чтобы смерть наступила не сразу. Если мы достаточно разбавим препарат, неизбежный летальный исход может наступить через неделю. Это будет чрезвычайно неприятная для вас неделя.

Балкис замолчал. Прищурившись, он наблюдал за реакцией пленников, потом сказал:

— Все это — единственная альтернатива нескольким вашим словам, сказанным своевременно. Что известно Империи? Работают ли сейчас на Земле другие агенты Империи? Если они собираются помешать нам, то каким образом?

— Как мы можем быть уверены, — пробормотал Шект, — что вы не убьете нас сразу же после того, как получите все необходимые сведения?

— Могу только заверить вас в том, что в случае отказа вы умрете ужасной смертью. Вам придется рискнуть. Что скажете теперь?

- Мы можем подумать?

- Разве я не предоставил вам такую возможность? Я вошел сюда десять минут назад и пока еще готов вас слушать... Так что же, у вас есть что сказать? Ничего? Вам следует понять, что ваше время не бесконечно. Арвардан, вы все еще пытаетесь играть мускулами? Очевидно, вы надеетесь дотянуться до моей шеи прежде, чем я успею вытащить бластер. Предположим, что дотянетесь. Что тогда? За стенами сотни моих единомышленников, все пойдет по намеченному плану и без меня. Даже ваше наказание останется таким же.

А вы, Шварц? Вы убили нашего агента. Ведь это вы его убили, не так ли? Возможно, вы думаете, что можете убить и меня?

Только сейчас Шварц посмотрел на Балкиса и спокойно сказал:

- Могу, но не буду.

- Очень любезно с вашей стороны.

- Совсем нет. Это очень жестоко с моей стороны. Вы сами сказали, что есть вещи гораздо хуже быстрой смерти.

Неожиданно для себя Арвардан понял, что слова Шварца пробудили в нем надежду.

18. ДУЭЛЬ

Шварц был в смятении. С одной стороны, он чувствовал странную уверенность в своих силах, в том, что ситуация полностью находится под его контролем. С другой стороны, ему самому в это не верилось. Нейронный хлыст парализовал его позже других, даже доктор Шект уже сидел, тогда как Шварц едва мог пошевелить рукой.

Не отпуская мысленный контакт с сознанием

секретаря, бесконечно злобным, грязным и отвратительным, Шварц начал дуэль. Он сказал:

— Сначала я был на вашей стороне, несмотря на то что вы собирались убить меня. Мне казалось, я понимал ваши чувства и ваши намерения... Но сознание лежащих здесь ваших пленников сравнительно невинно и чисто, тогда как ваше... ваши мысли невозможно описать словами. Вы боретесь совсем не ради землян, а только за свою власть над ними. В ваших мечтах нетрудно увидеть не свободную, а снова поработленную Землю. Я вижу, что вы грезите не о свержении власти Империи, а об установлении своей собственной диктатуры.

— Ах, так вы все это видите? — сказал Балкис. — Ну и смотрите на здоровье. В конце концов, ваши сведения мне не так уж необходимы — во всяком случае, не настолько, чтобы ради них я терпел оскорбления. Близится час удара. Этого вы не ожидали? Удивительно, насколько можно ускорить работы, если как следует нажать на людей, только что утверждавших, что быстрее работать невозможно. Это вы видели, уважаемый чтец чужих мыслей?

— Нет, не видел, — ответил Шварц. — Я не искал такие данные и поэтому не обратил внимания... Впрочем, можно посмотреть сейчас. Два дня... меньше... посмотрим еще... во вторник, в шесть утра... по чикскому времени.

Секретарь наконец не выдержал и ухватился за рукоятку бластера. Несколькими быстрыми шагами он подошел к беспомощно лежавшему Шварцу и наклонился над ним.

— Откуда вам это известно?

Шварц до предела напряг свое сознание, стараясь ни на секунду не выпускать из-под конт-

роля мысленный контакт с секретарем. Он отчаянно сжал челюсти и насупил брови, хотя это были только видимые признаки, которые не имели прямой связи с настоящим усилием, а лишь произвольно сопровождали его. Шварц резко усилил давление на мысленный контакт с секретарем.

Сначала Арвардан ничего не понял и, теряя драгоценные секунды, не придавал значения молчанию внезапно окаменевшего секретаря.

Шварц, задыхаясь, пробормотал:

– Я держу его... Заберите у него оружие. Я не могу долго... – он замолчал.

Только сейчас Арвардан все понял. Шатаясь, он встал на четвереньки, потом медленно, с невероятным трудом выпрямился. Пола тоже хотела было подняться, но у нее ничего не получилось. Шект обошел свою скамью и упал на колени. Только Шварц лежал на скамье, на его лице отражалось огромное напряжение.

Секретарь окаменел, как от взгляда горгоны Медузы. На его гладком, лишенном морщин лбу медленно собирались капельки пота, но неподвижное лицо не выражало никаких эмоций. Признаки жизни подавала только правая рука секретаря, державшая бластер. Присмотревшись внимательнее, можно было заметить медленные, очень короткие движения большого пальца, который то слабее, то чуть сильнее давил на спусковую кнопку. Усилие было недостаточным для выстрела, но палец снова и снова упрямо возвращался к кнопке...

– Держите его крепче, – злоратно выдохнул Арвардан. Он на мгновение прислонился к спинке стула, стараясь собраться с силами. – Дайте мне добраться до него.

Как в кошмарном сне, ему казалось, что он

пробирается сквозь толщу густой патоки, пытается плыть по вязкой смоле. Он напрягал непослушные мышцы, а они подчинялись так медленно, так медленно...

Арвардан не догадывался, да и не мог догадываться о той жесткой дуэли, которая разыгрывалась в двух шагах от него.

У секретаря была только одна цель: вложить совсем немного сил в свой большой палец. Если говорить точнее, ему нужно было приложить усилие всего лишь в три унции, потому что именно при таком усилии бластер приводился в действие. Для этого мозг секретаря должен был дать нужную команду неуверенным дрожащим мышцам руки, уже наполовину сократившимся, и... и...

У Шварца тоже была только одна цель: не допустить движения большого пальца секретаря. Но он не знал, какая область общего мысленного контакта отвечает за движение его большого пальца, и был вынужден всеми силами держать противника в оцепенении, в полном оцепенении...

Мысленный контакт с секретарем отчаянно сопротивлялся Шварцу. Неловким командам Шварца противостояло опасно изворотливое и быстро реагирующее сознание. Несколько мгновений оно спокойно выжидало, потом неожиданно заставляло напрячься одну мышцу, затем другую...

Для Шварца это было что-то вроде борцовской схватки, в которой он обхватил противника и должен был удержать его любой ценой, как бы неистово тот ни пытался его сбросить.

Но внешне эта борьба никак не проявлялась, разве только в нервно сжимающихся и разжи-

мавшихся челюстях Шварца, его дрожащих, кусанных до крови губах да в случайных, почти незаметных напряженных движениях большого пальца секретаря.

Арвардан остановился передохнуть. Он не хотел, но был вынужден остановиться. Вытянув руку, он уже дотронулся до одежды секретаря, но понял, что не в состоянии сделать ни одного движения больше. Его легкие разрывались от усилий и все же не могли вдохнуть так, чтобы заставить двигаться непослушные ноги. От нечеловеческих усилий на глазах у Арвардана выступили слезы, а от невыносимой боли он видел все как в тумане.

Ловя открытым ртом воздух, Арвардан крикнул:

— Шварц, еще несколько минут. Держите его, держите его...

Шварц медленно-медленно покачал головой.

— Не могу... не могу...

В самом деле, для Шварца весь мир превратился в расплывчатый хаос, а его сознание стало все более жестким и неуправляемым.

Большой палец секретаря дернулся еще раз и снова нажал на контактную кнопку бластера. Теперь палец не отошел назад, и давление на кнопку очень медленно, но неуклонно возрастало.

Шварц чувствовал, что его глаза вот-вот вылезут из орбит, а на висках выступили набухшие вены. Он уже улавливал злобную радость в сознании противника...

В этот момент Арвардан, вытянув руки, готовые вцепиться в оружие, ринулся вперед. Его негибкое и нежелавшее подчиняться разуму тело не удержало равновесия, и он упал.

Секретарь, сознание которого все еще не отпускал Шварц, тоже упал. Бластер с грохотом стукнулся о твердый пол и отлетел в сторону.

Почти одновременно секретарю наконец удалось освободиться от контроля Шварца, который бессильно опустил голову, не в состоянии больше двинуться.

Балкис отчаянно старался выбраться из-под давившего на него всей своей тяжестью Арвардана. Он со всей силы разом ударил противника коленом в пах и кулаком в челюсть, приподнялся, оттолкнул его. Скорчившись от боли, Арвардан скатился на пол.

Растрепанный секретарь, отдуваясь, с трудом поднялся на ноги и замер.

Перед ним стоял пошатываясь Шект. Левой рукой он слабо поддерживал правую, в которой был зажат бластер. Хотя в руках Шекта оружие подрагивало, оно было нацелено на секретаря.

- Идиоты! - закричал взбешенный секретарь. - Чего вы добиваетесь? Мне достаточно позвать охрану...

- Чтобы по меньшей мере вам, - слабым голосом ответил Шект, - расстаться с жизнью.

- Убив меня, вы ничего не добьетесь, - сказал секретарь, - и вы это отлично знаете. Так вы не спасете Империю, ради которой предали нас... не спасете даже самих себя. Отдайте мне оружие и вы будете освобождены.

Он протянул руку, но Шект только рассмеялся.

- Я не настолько сошел с ума, чтобы поверить вашим словам.

- Можете не верить, но вы полупарализованы, - с этими словами секретарь резко рванулся вправо, и Шект своими ослабевшими руками не успел изменить прицел.

Но теперь все мысли Балкиса были заняты одним – прыжком уйти из-под прицела бластера. Шварц еще раз ухватился за мысленный контакт с секретарем, сделал отчаянное усилие, и секретарь упал как подкошенный.

Арвардан, преодолевая боль, поднялся на ноги. Щека у него была в крови и распухла. Хромая, он подошел к Шварцу.

– Шварц, вы в состоянии двигаться?

– Немного, – устало ответил Шварц и сполз со скамьи.

– К нам никто не идет?

– Я никого не слышу.

Арвардан печально улыбнулся Поле. Он провел рукой по ее мягким каштановым волосам. Пола не сводила с него восторженного взгляда. За последние два часа Арвардан не раз думал, что больше никогда не коснется ее волос и не увидит ее глаз.

– Пола, может быть, для нас еще не все потеряно?

Но Пола покачала головой и ответила:

– У нас очень мало времени. Только до вторника, до шести часов.

– Мало времени? Что ж, посмотрим, – Арвардан наклонился над распростертым секретарем и, не деликатничая, откинул назад его голову.

– Он жив? – своими все еще непослушными пальцами Арвардан безуспешно попытался нащупать пульс, потом сунул руку под зеленую куртку секретаря. – Во всяком случае, сердце у него бьется... – сказал он. – Шварц, вы владеете очень опасным оружием. Почему вы не сделали этого сразу?

– Я хотел удержать его в оцепенении, – от-

ветил Шварц, с лица которого еще не стерлись следы тяжелого испытания. – Я подумал, если мне удастся удержать его, то мы сможем вывести его перед собой, использовать как щит, спрятаться за его спиной.

Внезапно оживившийся Шект поддержал Шварца:

– Это стоит попробовать. В Форт-Дибберне, меньше чем в полумиле отсюда, располагается гарнизон Империи. Если мы доберемся туда, то будем в безопасности и сможем связаться с Энниусом.

– Если доберемся! Должно быть, не меньше сотни стражников ждет нас снаружи и еще несколько сотен попадется по пути... Да и что мы будем делать с замороженным Древним? Нести его на плечах? Или толкать перед собой на колесах? – Арвардан весело рассмеялся.

– К тому же, – мрачно заметил Шварц, – я не могу держать его долго. Вы сами видели... У меня ничего не получилось.

Шект очень серьезным тоном сказал:

– Потому что вы не владеете своим оружием. Теперь послушайте меня, Шварц. У меня возникла мысль, как можно использовать ваши способности. Ваш мозг – это устройство, принимающее электромагнитные сигналы мозга другого человека. Мне кажется, вы можете не только принимать, но и передавать сигналы. Вы поняли?

Шварц мучительно раздумывал.

– Вы должны понять, – настаивал Шект. – Вам нужно сконцентрировать свою волю на том, чего вы хотите добиться от него... А прежде всего мы отдадим ему бластер.

– Что? – почти в один голос воскликнули все трое.

Шект повысил голос:

– Он должен вывести нас отсюда. У нас нет другого способа выбраться отсюда, не так ли? А если он будет вооружен, мы меньше привлечем внимания.

– Но я не могу держать его. Говорю вам, не могу, – Шварц сгибал и разгибал руки, хлопал в ладони, стараясь быстрее придать им прежнюю подвижность. – Меня не интересуют ваши теории, доктор Шект. Вы понятия не имеете, как это делается. Это очень ненадежное, совсем не простое, мучительное занятие.

– Знаю, но это наш единственный шанс. Попробуйте прямо сейчас, Шварц. Когда он придет в себя, заставьте его двинуть рукой, – почти умолял Шект.

Лежавший до сих пор без движения секретарь застонал, и Шварц ощутил оживший мысленный контакт. Осторожно, почти боязливо он дал ему время усилиться и потом заговорил с ним. Это была речь без слов; так говорит человек со своей рукой, когда он хочет сделать ею какое-то движение. Эта речь настолько слаба, что обычно человек ее не замечает.

И рука Шварца осталась неподвижной, а рука секретаря дернулась. Землянин из далекого прошлого поднял глаза и растерянно улыбнулся, но остальные следили только за лежавшим на полу Балкисом: он приподнял голову, в его глазах постепенно появлялся живой блеск, но рука вдруг как-то необычно и нелепо согнулась под прямым углом.

Шварц приступил к работе.

Секретарь несколькими угловатыми движениями поднялся, при этом едва не потерял равновесие. А затем, вопреки своей воле, он как-то странно затанцевал.

В его движениях не было никакого ритма, и,

уж конечно, красоты, но для трех пленников, следивших за танцующим, и для Шварца, контролировавшего не только движения, но и сознание секретаря, это зрелище стало предметом неопишуемого удивления, потому что в процессе танца тело секретаря управлялось мозгом, не имевшим с ним материальной связи.

Медленно и осторожно Шект подошел к похожему на робот секретарю и не без колебаний протянул руку. У него на ладони рукояткой к Балкису лежал бластер.

- Пусть он возьмет бластер, Шварц, - сказал Шект.

Балкис неловко схватил оружие. На мгновение в его глазах загорелся хищный огонек. Секретарь очень медленно укрепил бластер на поясе и опустил руку.

Шварц пронзительно рассмеялся.

- Он чуть было не ускользнул, вон там.

Но лицо Шварца побледнело.

- Так как же? Вы можете держать его?

- Он сопротивляется, как дьявол. Но мне не так тяжело, как раньше.

- Потому что вы знаете, что вам нужно делать, - ободряюще заметил Шект, стараясь говорить более уверенно, чем он чувствовал себя на самом деле. - Теперь передавайте приказания. Не старайтесь держать его, просто представьте, что вы делаете это сами.

- Вы можете заставить его говорить? - вмешался Арвардан.

Последовала пауза, потом из горла секретаря вырвалось грубое скрежещущее рычание. Снова пауза, и снова такое же рычание.

- Лучше не получается, - тяжело вздохнул Шварц.

- Но почему не получается? - спросила обеспокоенная Пола.

Шект пожал плечами.

- Членораздельная речь возможна только при очень точном взаимодействии многих мышц. В этом отношении речь намного сложнее движения мышц ноги. Впрочем, Шварц, это неважно. Мы можем обойтись и без слов.

Позднее каждый из участников этой необычной одиссеи по-своему вспоминал о событиях последующих двух часов. Доктор Шект, например, забыл обо всех своих страхах; он напряженно и сочувственно следил за единоборством Шварца с секретарем и сожалел о том, что ничем не может помочь Шварцу. Шект почти ничего не замечал, кроме его круглого лица, которое время от времени морщилось и перекашивалось от огромного внутреннего напряжения. Лишь изредка Шект бросал мимолетный взгляд на других.

Стоявшие за дверью стражники при появлении секретаря, зеленая одежда которого символизировала официальную власть, четко отдали честь. Секретарь ответил неловким, вялым жестом. На этот раз все пятеро прошли беспрепятственно.

Когда они миновали большой зал, Арвардан вдруг осознал чудовищную нелепость всего происходящего. Робкая надежда на собственное спасение смыкалась с надеждой предотвратить страшную угрозу Галактике. И даже в эти минуты Арвардан не мог отвести глаз от Пола. Ему казалось, что во всей Вселенной никогда не было женщины желаннее Пола; возможно, причиной тому были нависшая над ними смертельная опасность, или грубо

разрушенные планы Арвардана, или сознание того, что скорее всего ему уже никогда не придется испытать сладость поцелуев Пола.

Позднее, размышляя об этих минутах, Арвардан не мог вспомнить ничего и никого, кроме Пола. Одну лишь Полу.

А Пола смотрела только на Арвардана; в слепяще ярком утреннем свете его опущенное вниз лицо расплывалось перед ее глазами. Опираясь на сильную мужскую руку, Пола улыбалась Арвардану. Именно это она вспоминала впоследствии: твердую, надежную руку Арвардана, прикрытую лишь тонкой блестящей синтетической тканью, которая на ощупь казалась гладкой и прохладной...

На лице Шварца от напряжения выступили капельки пота. К счастью, извилистая подъездная аллея, на которой они оказались, покинув здание через боковой вход, оказалась практически безлюдной.

Только Шварц точно знал, чем им грозит неудача. В сознании противника, которое было под его контролем, он легко угадывал невероятное унижение и еще более сильную ненависть, видел, как зреют жестокие планы. Шварцу пришлось тщательно зондировать сознание секретаря, чтобы отыскать необходимые сведения — где стоит правительственный автомобиль и как к нему можно пройти... В поиске этих сведений Шварцу мешало почти физическое ощущение стремления к мести, которое непременно выплеснулось бы наружу, если бы Шварц ослабил контроль даже на десятую долю секунды.

Шварц на всю жизнь запомнил тайники сознания секретаря, в которых ему пришлось копаться. Впоследствии в хмурые предрассветные часы он не

раз мысленно повторял весь путь, пройденный беглецами в логове врага вслед за направляемым им опасным безумцем.

Когда они подошли к автомобилю, Шварц уже не осмеливался расслабляться настолько, чтобы говорить связными фразами, и выдыхал отдельные слова:

– Не могу... управлять... автомобилем... не могу... заставить... его... управлять... слишком сложно... не могу...

Шект жестом успокоил Шварца, не осмеливаясь прикоснуться к нему, разговаривать с ним, боясь отвлечь внимание Шварца даже на секунду. Чуть позже Шект прошептал:

– Шварц, заставьте его сесть на заднее сиденье. Поведу автомобиль я. Я умею. Теперь просто удерживайте его в оцепенении, а я отберу бластер.

Секретарь ездил в автомобиле особой модели, отличавшейся от всех обычных моделей. Автомобиль привлекал внимание. На ходу его подвижные зеленые фары ритмично перемещались из стороны в сторону, одновременно меняя яркость излучаемого изумрудного света. Люди останавливались посмотреть, а встречные машины почтительно и поспешно сворачивали ближе к обочине.

Если бы автомобиль был менее замечен, если бы он привлекал меньше внимания, то случайный прохожий, возможно, успел бы увидеть бледный застывший профиль Древнего на заднем сиденье, успел бы удивиться и почувствовать опасность...

Но прохожие замечали только автомобиль, поэтому пока время работало на беглецов...

У сверкающих полированным хромом ворот, уходящих, как и все строения Империи, высоко в небо и разительно отличавшихся от приземистых широких земных сооружений, стоял солдат.

Огромным бластером он преградил дорогу автомобилю. Беглецы остановились.

Из автомобиля высунулся Арвардан.

- Солдат, я - гражданин Империи. Я бы хотел поговорить с командиром гарнизона.

- Предъявите ваше удостоверение, сэр.

- Удостоверение у меня забрали. Я - Бел Арвардан с планеты Баронн системы Сириуса. У меня очень срочное дело к прокуратору.

Солдат поднял руку, тихо сказал что-то в прикрепленный к запястью передатчик и подождал ответа. Потом он опустил оружие и отступил в сторону. Ворота медленно открылись.

19. ТОЧКА ОТСЧЕТА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

В последовавшие несколько часов суматоха и неразбериха царили в Форт-Дибберне, а, пожалуй, еще больше в самой Чике.

В полдень Верховный министр попытался связаться из Вашэнна по коммуникатору со своим секретарем, но его так и не нашли. Верховный министр остался крайне недоволен, а мелкие чиновники Исправительного дома засуетились.

Были предприняты тщательные поиски. Стражники, стоявшие возле дверей большого зала, утверждали, что секретарь вместе с заключенными отбыл в половине одиннадцатого утра... Нет, он не отдал никаких распоряжений. Никто не мог сказать, куда он направился, а спрашивать, конечно, стражникам и в голову не пришло.

Другая группа стражников вообще ничего не видела и ничего не смогла сообщить. Атмосфера накалялась, всеми овладели неуверенность и беспокойство.

В два часа дня получили первое сообщение: утром видели автомобиль секретаря, хотя никто не мог сказать, был ли в автомобиле сам Балкис... Кто-то сообщил, будто бы секретарь управлял автомобилем, но потом выяснилось, что человек этот обозначился...

К двум тридцати было установлено, что автомобиль секретаря въехал в ворота Форт-Дибберна.

Почти в три часа было решено запросить начальника Форт-Дибберна. Ответил какой-то лейтенант. От него земляне узнали, что пока нет возможности получить какие-нибудь сведения. Вместе с тем офицер Его величества потребовал сохранять спокойствие и порядок в городе. Кроме того, он просил до особого распоряжения не предавать гласности факт исчезновения члена Общества древних.

Как и следовало ожидать, требования офицера Империи вызвали обратную реакцию.

Действительно, заговорщики не могли полагаться на волю случая, если за сорок восемь часов до назначенного срока атаки один из их руководителей оказался в руках врага. Это могло означать только или предательство, или раскрытие заговора, то есть любую из сторон одной медали. Но так или иначе заговорщикам грозила смерть.

Поэтому начали распространяться слухи...

И население Чики заволновалось...

На перекрестках города появились профессиональные пропагандисты. Кто-то открыл тайные арсеналы, и каждому желающему давали в руки оружие. Толпы вооруженных землян с разных сторон направлялись к Форт-Дибберну. В шесть

часов вечера начальнику гарнизона было отправлено новое послание, которое на этот раз было вручено парламентаром.

Тем временем в Форт-Дибберне события развивались своим чередом, хотя и не в таком масштабе, как в городе. Все началось с того, что молодой офицер, встретивший автомобиль, протянул руку к бластеру секретаря.

– Оружие я забираю, – коротко объявил он.

– Шварц, заставьте его отдать бластер, – сказал Шект.

Рука секретаря поднялась и распрямилась, офицер забрал бластер и унес его. Только тогда Шварц облегченно вздохнул и отпустил сознание секретаря.

Арвардан был наготове. Когда секретарь распрямился, как сжатая до предела стальная пружина, Арвардан набросился на него, отчаянно работая кулаками.

Офицер отдал короткое приказание. К беглецам подбежали солдаты. Когда крепкие солдатские руки оттащили Арвардана, секретарь без сил лежал на сиденье автомобиля, с уголка его рта стекала темная струйка крови. У Арвардана старая ссадина на щеке снова стала кровоточить.

Арвардан дрожащей рукой поправил волосы, потом, указывая на секретаря, твердым голосом сказал:

– Я обвиняю этого человека в заговоре с целью свержения правительства Империи. Мне необходимо срочно поговорить с начальником гарнизона.

– Мы постараемся организовать вашу встречу, – вежливо ответил офицер. – А сейчас, если вы не возражаете, вам придется последовать за мной. Всем вам.

И беглецов на долгие часы оставили одних. Предоставленная им комната оказалась удобной и сравнительно чистой. Первый раз за двенадцать часов им удалось пообедать, и, несмотря на серьезность ситуации, они расправились с обедом быстро и с большим удовольствием. Им даже удалось воспользоваться еще одним благом цивилизации – ванной.

Тем не менее их комната охранялась. Через несколько часов терпение Арвардана истощилось и он воскликнул:

– Да мы просто сменили одну тюрьму на другую!

За стеной текла монотонная армейская жизнь, которая, впрочем, никак их не задевала. Арвардан взглянул на спящего Шварца, но Шект перехватил его взгляд и покачал головой.

– Не надо, – сказал он. – Это выше человеческих возможностей. Он совершенно обессилен. Пусть спит.

– Но осталось только тридцать девять часов.

– Знаю. И все же подождите.

Раздался спокойный и слегка насмешливый голос:

– Кто из вас объявил себя гражданином Империи?

Арвардан выскочил вперед.

– Я. Я... – и он в замешательстве замолчал, узнав говорившего. Тот недобро усмехался. Об их последней встрече напоминали немного скованные движения его левой руки.

Пола тихо подсказала:

– Бел, это тот офицер... Помнишь, около супермаркета...

– Тот, которому он сломал руку, – громко уточнил офицер. – Я – лейтенант Клоди, а вы... да, вы тот самый человек. Значит, вы гражда-

нин системы Сириуса, не так ли? И тем не менее вы спутались с этими... Боже мой, как низко может пасть человек! И с вами все та же девушка, — он помолчал, потом медленно, с расстановкой произнес: — Земляной червь!

Арвардан вспыхнул, но сдержался. Нельзя, сказал он себе, пока еще нельзя...

Он постарался говорить покорным тоном.

— Лейтенант, могу я увидеть полковника?

— Боюсь, что полковник сейчас не на службе.

— Вы хотите сказать, его нет в городе?

— Этого я не говорил. С ним можно связаться, если ваш вопрос достаточно важен.

— Очень важен... Могу ли я поговорить с дежурным офицером?

— Сейчас дежурный офицер — это я.

— Тогда вызовите полковника.

Лейтенант медленно покачал головой.

— Этого я не могу сделать, пока не буду сам убежден, что вызвать полковника заставляют достаточно веские причины.

Арвардан дрожал от нетерпения.

— Ради Бога, перестаньте играть со мной в кошки-мышки. Это вопрос жизни и смерти.

— В самом деле? — лейтенант Клоди небрежно помахивал небольшой щегольской тростью. — Вы могли бы попросить приема у меня.

— Хорошо... Ладно, я жду.

— Я сказал, вы могли бы попросить.

— Лейтенант, вы можете принять меня?

На лице лейтенанта не было и следа улыбки.

— Я сказал, покорно попросить. На глазах у девушки.

Арвардан подавил возмущение и сделал шаг назад. Пола тронула его за руку.

- Бел, пожалуйста, - сказала она. - Не надо сердить его.

Археолог хрипло пробормотал:

- Бел Арвардан из системы Сириуса покорнейше просит дежурного офицера принять его.

- Проверим, - сказал лейтенант Клоди.

Он шагнул к Арвардану и резко, со всей силы ударил его наотмашь по перевязанной щеке.

У Арвардана перехватило дыхание, он с трудом сдержался, чтобы не закричать от боли.

Лейтенант заметил:

- Однажды вас это очень оскорбило. Теперь не оскорбляет?

Арвардан ничего не ответил.

- Прием разрешен, - сказал лейтенант.

Арвардана вывели в сопровождении четырех солдат - двое шли впереди и двое сзади. Лейтенант Клоди возглавлял процессию.

Теперь в комнате остались Пола, доктор Шект и по-прежнему спящий Шварц. Шект сказал:

- Я уже не слышу его, а ты?

Пола покачала головой.

- Уже давно ничего не слышу. Отец, ты думаешь, он что-нибудь сделает с Белом?

- Что он может сделать? - успокаивающе пробормотал Шект. - Ты забываешь, что он не такой, как мы. Он - гражданин Империи, ему не просто причинить неприятности... Кажется, ты любишь его?

- Очень люблю, отец. Я понимаю, это глупо.

- Конечно, глупо, - Шект горько усмехнулся. - Он честен. Я не могу сказать про него ничего плохого. Но что он может сделать? Не останется же он жить с нами на этой планете? Разве

он может взять тебя с собой? Представить земную девушку своим друзьям? Своей семье?

Пола заплакала.

— Я знаю. Возможно, у нас вообще не будет будущего.

Шект снова встал, как будто последние слова Пола напомнили ему о чем-то очень важном. Он повторил:

— Я его не слышу.

Шект имел в виду секретаря. Балкиса поместили в соседней комнате. Сначала они хорошо слышали его шаги, когда он, как зверь в клетке, ходил взад-вперед. Но теперь из соседней комнаты не доносилось ни звука.

Само по себе это еще ни о чем не говорило, но для Шекта и его друзей секретарь олицетворял и грозящую смертельно опасную эпидемию, и все разрушения, готовые обрушиться на гигантскую сеть населенных планет. Шект слегка потряс Шварца.

— Проснитесь, — сказал он.

Шварц заворочался.

— В чем дело?

Шварц почти не успел отдохнуть. Он настолько устал, что силы возвращались к нему очень и очень медленно.

— Где Балкис? — спросил Шект.

— Ах да... — Шварц недоуменно повертел головой, потом вспомнил, что лучше всего он видит не глазами. Тогда Шварц стал искать среди множества мысленных контактов тот, который он успел узнать лучше других.

В конце концов Шварц нашел этот контакт, но не стал с ним тесно соприкасаться. Долгое общение с сознанием секретаря не прибавило ему желания снова погружаться в эту патологическую гнусность.

Шварц пробормотал:

- Он на другом этаже. С кем-то разговаривает.

- С кем?

- С сознанием этого человека я никогда не соприкасался. Подождите, дайте послушать. Может быть, секретарь... Да, он назвал его полковником.

Шект и Пола быстро переглянулись.

- Не может же быть и здесь предательство? - шепотом спросила Пола. - Я хочу сказать, что офицер Империи не станет вступать в заговор с землянами против Императора, правда же?

- Не знаю, - мрачно ответил Шект. - Я уже готов поверить всему.

Лейтенант Клоди усмехался. Он сидел за столом, играя бластером, а за его спиной стояли четыре солдата. Говорил с самоуверенностью, соответствующей обстановке.

- Не люблю земляных червей и никогда не любил. Это подонки Галактики. Все они невежественны, суеверны, болезненно подозрительны и ленивы, к тому же разносят опасные болезни. Земляне тупы и глупы. Но, клянусь, большинство из них знает свое место.

В какой-то мере я могу их понять. Такими они родились, это не их вина. Конечно, если бы я был Императором, я не стал бы терпеть того, что допускает он, я имею в виду их проклятые обычаи и традиции. Впрочем, это неважно. Когда-нибудь мы поймем...

- Подождите, - взорвался Арвардан, - я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать...

- Вам придется выслушать, потому что я еще не все сказал. Я как раз собирался заметить, что не могу понять одного - чем думает поклонник

земляных червей. Я не могу уважать человека, именно человека, который пал так низко, что ползает вместе с земляными червями и вынюхивает их самок. Он даже хуже землян...

– Идите вы к черту с вашим уважением! – гневно воскликнул Арвардан. – Вы знаете, что здесь готовится заговор против Империи? Вы представляете, насколько опасна ситуация? Каждая минута промедления грозит смертью миллиардам жителей Галактики...

– Нет, доктор Арвардан, не знаю. Вас ведь следует называть доктором, не так ли? Я не могу забывать о ваших титулах. Видите ли, у меня на этот счет своя теория. Вы – один из них. Возможно, вы и, в самом деле, родились в системе Сириуса, но у вас темная душа землянина, и вы используете свои права гражданина Галактики, чтобы помогать им. Вы похитили их важного чиновника, этого Древнего. Само по себе это, конечно, неплохо, и я не стал бы из кожи вон лезть ради спасения какого-то Древнего. Но земляне его уже ищут. Мы получили их послание.

– Уже получили? Так быстро? Тогда почему же мы здесь попусту болтаем? Мне необходимо видеть полковника. Я должен успеть...

– Вы надеетесь на бунт, на всякие беспорядки, да? Может быть, это даже входит в ваши планы? Как первый этап организованного восстания?

– Вы с ума сошли? Почему я должен организовывать восстание?

– В таком случае вы не должны возражать, если мы отпустим этого Древнего?

– Вы не посмеете, – Арвардан встал; казалось, он вот-вот бросится на лейтенанта.

Но в руке лейтенанта Клоди уже сверкнул бластер.

- Не посмею? Тогда послушайте меня. Я уже немного с вами поковитался: дал вам пощечину и заставил ползать передо мной на коленях на глазах у ваших земных дружков. Я сказал вам в лицо, что вы - самый ничтожный из червей, а вы были вынуждены сидеть и слушать меня. А сейчас я с удовольствием оторву вам бластером руку в отместку за то, что вы сделали с моей рукой. Теперь только пошевелитесь!

Арвардан застыл.

Лейтенант Клоди усмехнулся и убрал бластер.

- К сожалению, я должен привести вас к полковнику в целости и сохранности. Он примет вас в пять пятнадцать.

- Вы знали... вы знали это с самого начала! - с трудом выдавил из себя Арвардан.

- Конечно.

- Лейтенант Клоди, если мы, потеряв по вашей вине время, будем повержены, то всем нам осталось недолго жить, - сказал Арвардан с таким ледяным спокойствием, что его голос искажился до неузнаваемости. - Но вы умрете первым, потому что последние минуты своей жизни я потрачу на то, чтобы превратить вашу голову в кашу из мозгов и раздробленных костей.

- К вашим услугам, поклонник земляных червей. В любое время!

Начальник гарнизона Форт-Дибберна почти всю жизнь отдал службе Империи. Поскольку несколько последних поколений жили в мире, то армейским офицерам не предоставлялась возможность прославиться в бою, не удостоился та-

ких почестей и полковник. Правда, за свою долгую службу он, не сделав карьеры, успел побывать во всех уголках Галактики, поэтому командование гарнизоном даже на этой ненормальной планете он воспринимал как самую обычную службу. Больше всего на свете полковник хотел, чтобы ничто не нарушало размеренную жизнь гарнизона. Пожалуй, это было его единственным желанием, поэтому ради сохранения спокойствия он был готов на все – даже на то, чтобы униженно просить прощения у земной девушки.

Вошедшему в кабинет Арвардану полковник показался очень уставшим. Он расстегнул воротник рубашки, а мундир, к которому был прикреплен сверкающий золотом символ Империи с изображением космического корабля и звезды, небрежно бросил на спинку стула. Рассеянно и невесело поглядывая на Арвардана, полковник постукивал костяшками пальцев правой руки.

– Очень неприятная история, – сказал он, – очень неприятная. Я хорошо помню вас, молодой человек. Вы – Бел Арвардан с планеты Баронн. Сейчас вы же – главный возмутитель спокойствия. Вы не можете жить без приключений?

– Полковник, неприятности грозят не только мне лично, но и всей Галактике.

– Слышал, – с ноткой нетерпения в голосе отозвался полковник. – Во всяком случае, мне известно, что вы хотите сообщить. Мне сказали, что у вас уже нет никаких документов.

– Документы у меня отобрали, но меня знают на Эвересте. Сам прокуратор может подтвердить, что я – тот самый Бел Арвардан. Я надеюсь, он так и сделает не позднее сегодняшнего вечера.

– Об этом мы еще поговорим, – полковник

скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула. – А пока не лучше ли вам изложить свою версию?

– Мне стало известно об опасном заговоре небольшой группы землян. Целью заговора является свержение правительства Империи. Если о планах заговорщиков немедленно не сообщить правительству, преступники могут уничтожить не только правительство, но и значительную часть всей Империи.

– Молодой человек, в своем крайне резком и абсолютно голословном утверждении вы зашли слишком далеко. Я вполне могу допустить, что земляне способны устроить досадные беспорядки, осадить нашу крепость, причинить большой ущерб, но я не могу даже на секунду поверить, что они в состоянии изгнать гарнизоны Империи с планеты, не говоря уж о свержении правительства Галактики. Тем не менее я готов выслушать детали этого... э-э... заговора.

– К сожалению, положение настолько серьезно, что я считаю необходимым доложить обо всех деталях заговора только прокуратору лично. Поэтому я прошу, если вы не возражаете, дать мне возможность связаться с ним.

– Гм... Не будем слишком торопиться. Вам известно, что человек, которого вы привезли в Форт-Дибберн, является секретарем Верховного министра Земли, одним из Древних и вообще одной из самых важных персон на планете?

– Все это я знаю.

– И тем не менее вы утверждаете, что он является руководителем того заговора, о котором вы говорили.

– Да.

– Какие у вас доказательства?

- Я уверен, вы поймете меня правильно, если скажу, что этот вопрос я могу обсуждать только с прокуратором.

Полковник нахмурился и принялся изучать свои ногти.

- Вы сомневаетесь в моей компетентности?

- Нет, сэр, нисколько не сомневаюсь. Но дело в том, что только прокуратор может отдать приказ о необходимых в этом случае решительных действиях.

- Какие решительные действия вы имеете в виду?

- В течение тридцати часов по одному из сооружений землян должен быть нанесен бомбовый удар. Это сооружение необходимо разрушить полностью, иначе погибнет все или почти все население Империи.

- Какое сооружение? - устало спросил полковник.

- Могу я связаться с прокуратором? - вопросом на вопрос ответил Арвардан.

Беседа зашла в тупик. После минутного молчания полковник холодно сказал:

- Вы осознаете, что, похитив землянина, совершили преступление, за которое должны отвечать перед судом землян? Одним из основных принципов нашего правительства является защита прав граждан Империи, поэтому обычно оно настаивает на передаче дела в Галактический суд. Однако на этой планете положение особое, и мне даны строгие указания избегать, где только это возможно, любых столкновений с землянами. Поэтому, если вы подробно не ответите на мой вопрос, я буду вынужден передать вас и ваших друзей в руки местной полиции.

- Но это означает смертный приговор! И для

вас тоже!.. Полковник, я гражданин Империи и требую встречи с проку...

Арвардана прервал сигнал коммуникатора, стоявшего на столе полковника. Полковник повернулся и включил коммуникатор.

- Слушаю.

- Сэр, - Арвардан отчетливо слышал каждое слово, - толпа аборигенов окружила крепость. Судя по всему, они вооружены.

- Пока не было никаких насильственных действий?

- Нет, сэр.

Лицо полковника оставалось совершенно бесстрастным. По крайней мере самообладанию он научился.

- Артиллерию и авиацию привести в состояние боевой готовности. Всем занять боевые позиции. Огонь открывать только в целях самозащиты. Понятно?

- Так точно, сэр. Землянин с флагом парламентарера просит принять его.

- Впустите. И приведите ко мне секретаря Верховного министра.

Полковник холодно посмотрел на Арвардана.

- Уверен, теперь вы понимаете всю сложность ситуации, в которой мы оказались по вашей милости.

- Я требую, чтобы любые переговоры проходили только в моем присутствии, - выкрикнул взбешенный Арвардан. - Я требую также, чтобы вы объяснили мне, почему вы часами держите меня под стражей, а сами тем временем запираетесь наедине с землянином-предателем. Я официально заявляю, мне хорошо известно, что вы говорили с ним прежде, чем вызвали меня.

- Сэр, вы предъявляете мне обвинения? -

полковник тоже повысил голос. – В таком случае изложите их в более конкретной форме.

– Я не предъявляю никаких обвинений. Хочу только напомнить, что вся ответственность за ваши действия будет лежать только на вас. Возможно, в будущем, если у нас будет будущее, вы прославитесь как человек, который погубил все человечество из-за простого упрямства.

– Замолчите! Во всяком случае, я не обязан отчитываться перед вами в своих действиях. Отныне мы будем поступать так, как сочту нужным я. Понятно?

20. ТОЧКА ОТСЧЕТА ДОСТИГНУТА

Секретарь вошел в дверь, которую распахнул перед ним солдат. На его распухших багровых губах играла холодная усмешка. Он поклонился полковнику, одновременно всем своим видом показывая, что не замечает Арвардана.

– Сэр, – сказал полковник землянину. – Я сообщил Верховному министру, что вы находитесь в крепости и рассказал, как вы сюда попали. То, что вас задержали здесь, – совершенно... э-э... из ряда вон выходящее событие, и я намерен освободить вас при первой возможности. Однако сейчас у меня находится джентльмен, который, как вы, вероятно, уже знаете, выдвигает против вас очень серьезные обвинения. В создавшейся ситуации мы вынуждены расследовать...

– Понимаю, полковник, – спокойно ответил секретарь. – Впрочем, как я уже объяснял вам, этот человек находится на Земле, насколько мне известно, всего лишь два месяца или около

того, поэтому он не может разбираться в тонкостях нашей внутренней политики. Его знание Земли – очень ненадежная основа для любых обвинений.

Арвардан гневно возразил:

– Я – археолог, больше того, моя специальность – история Земли и ее обычаев. Я достаточно хорошо осведомлен о внутренней политике землян. Кроме того, я не единственный обвинитель.

Секретарь не счел нужным отвечать Арвардану ни в тот момент, ни позднее. Он разговаривал только с полковником.

– Среди обвинителей, – сказал секретарь, – был также один из наших ученых. Он уже почти достиг шестидесятилетия и, возможно, по этой причине страдает манией преследования. В компанию преступников входит еще один человек неизвестного происхождения, ранее отличавшийся крайним слабоумием. Все трое едва ли могут предъявить заслуживающие внимания обвинения.

Арвардан не выдержал:

– Я требую, чтобы меня выслушали...

– Сядьте, – холодно и почти враждебно прервал его полковник. – Вы отказались говорить со мной. Будьте же последовательны. Впустите парламентаря.

Парламентарем оказался другой член Общества древних. Лишь чуть заметное движение век выдало его чувства при виде секретаря. Полковник встал.

– Вы будете говорить от имени всех людей, собравшихся возле крепости?

– Да, сэр.

– Насколько я понимаю, эта незаконно собрав-

шаяся и бесчинствующая толпа требует возвращения своего соотечественника?

- Да, сэр. Он должен быть немедленно освобожден.

- Конечно! Однако в интересах закона, а также в целях соблюдения порядка и уважения к представителям Его императорского величества на этой планете никакие переговоры не могут начинаться до тех пор, пока собравшиеся не перестанут угрожать вооруженным восстанием. Вы должны распустить своих людей.

В разговор включился секретарь.

- Брат Кори, - сказал он успокоительным тоном, - полковник совершенно прав. Пожалуй-ста, успокойте людей. Я здесь в полной безопасности, никому ничто не угрожает. Вы поняли? Никому и ничто. Клянусь честью Древнего.

- Хорошо, брат. Я счастлив, что вы в безопасности.

Парламентер вышел.

- Мы отпустим вас, как только нормализуется ситуация в городе, - заключил полковник. - Благодарю за содействие в разрешении конфликта.

Арвардан опять вскочил со стула.

- Я запрещаю! Вы хотите отпустить потенциального убийцу человечества и в то же время не позволяете мне связаться с прокуратором, на что имеет полное право любой гражданин Галактики, - крикнул он и в полном отчаянии добавил: - Неужели вы больше считаетесь с этим земным псом, чем со мной?

Не дослушав гневные, почти бессвязные выкрики Арвардана, секретарь сказал:

- Полковник, если так хочет этот человек, я охотно останусь здесь до решения моей судьбы прокуратором. Обвинение в измене и заговоре доста-

точно серьезно; даже подозрения, насколько бы необоснованными они ни были, лишают меня возможности работать на благо моего народа. Поэтому я буду только рад, если мне предоставят возможность лично доказать прокуратору, что во всей Галактике нет человека, более преданного Империи, чем я.

Полковник ответил строгим тоном:

– Сэр, я понимаю ваши чувства. Должен признаться, на вашем месте я скорее всего занял бы другую позицию. Сэр, вы можете служить примером для всей вашей расы. Я попытаюсь связаться с прокуратором.

Арвардан не сказал больше ни слова, и его скоро отвели в ту же камеру.

В камере Арвардан избегал взглядов друзей. Долго он сидел неподвижно и грыз пальцы.

Наконец Шект поинтересовался:

– Ну и как?

Арвардан горько покачал головой:

– Я почти все испортил.

– Что вы сделали?

– Не сдержался, оскорбил полковника, в результате ничего не добился... Шект, дипломат из меня не получился.

Потом Арвардан попробовал оправдаться:

– А что я мог сделать? – выкрикнул он. – Балкис разговаривал с полковником раньше меня, и я уже не мог доверять полковнику. А вдруг ему предложили жизнь в обмен на предательство? А вдруг он уже давно участвует в заговоре? Понимаю, это дикая мысль, но я не мог не учитывать и такую возможность. Все слишком ненадежно. Я требовал встречи с самим Энниусом.

Шект встал и заложил руки за спину.

– Так Энниус прилетит?

- Думаю, прилетит. Но только потому, что встречи с ним просил сам Балкис. Вот этого я уже не понимаю.

- Балкис сам просил? Значит, Шварц прав.

- В чем? Что сказал Шварц?

Упитанный землянин сидел на своей койке. Все смотрели на него, а он пожал плечами и беспомощно развел руками:

- Я на минуту перехватил мысленный контакт с секретарем, когда его недавно вели мимо нашей комнаты. Сомневаться не приходится, он долго разговаривал с тем же офицером, что и вы, доктор Арвардан.

- Я знаю.

- Но в сознании полковника нет и намека на мысль об измене.

- Что ж, - печально заметил Арвардан, - значит, мои догадки были неверны. Когда придет Энниус, мне придется признаться, что я был неправ. А что с Балкисом?

- В его сознании я не нашел ни тени волнений или страха, там одна только ненависть. Теперь эта ненависть обращена главным образом против нас, потому что мы схватили и привезли его сюда. Мы жестоко ударили по его самолюбию, и он полон решимости рассчитаться с нами. В его сознании я не заметил грез. Он хочет один, без посторонней помощи сделать так, чтобы вся Галактика, не говоря уже о нас, была не в силах помешать осуществлению его планов. Пока он дает нам фору, вкладывает прямо в наши руки козыри, а потом с удовольствием сотрет нас в порошок и будет праздновать победу.

- Вы хотите сказать, что он способен рисковать своими планами, своими мечтами завоева-

ния Империи только ради того, чтобы иметь возможность отомстить нам? Это безумие.

- Знаю, - без колебания ответил Шварц. - Он, и в самом деле, безумец.

- И он уверен в успехе?

- Да.

- Тогда, Шварц, нам нужны вы. Нам понадобятся ваши способности. Вот послушайте...

Но Шект, покачивая головой, сказал:

- Нет, Арвардан, у нас ничего не получится. Когда вас увели, я разбудил Шварца, и мы обсудили положение. Надо признать, что он, очевидно, не в состоянии использовать все свои богатые возможности, о которых, кстати, мы имеем довольно смутное представление. Он может остановить или парализовать человека, даже убить его. Больше того, он может против воли человека сокращать или расслаблять его мышцы, но, к сожалению, этим его возможности исчерпываются. Шварцу не удалось заставить секретаря говорить, потому что он не смог подействовать на его мышцы, которые управляют голосовыми связками. Он не смог координировать движения секретаря так, чтобы тот был в состоянии вести автомобиль. Шварцу пришлось приложить немалые усилия, чтобы секретарь сохранял равновесие, пока мы шли к машине. Очевидно, что Шварц не сможет управлять Энниусом настолько, чтобы вынудить его, например, издать определенный приказ или написать нужное нам распоряжение. Видите, я тоже думал об этом... - Шект еще раз покачал головой и замолчал.

Тщетность усилий приводила Арвардана в отчаяние. Потом он вдруг забеспокоился:

- А где Пола?

- Она спит в алькове.

Арвардану очень хотелось разбудить Полу, очень хотелось... О, ему многое хотелось!

Арвардан взглянул на часы. Близилась полночь — значит, оставалось только тридцать часов.

Арвардан лег спать. Когда он проснулся, было уже светло. Больше его не вызывали, никто вообще не интересовался пленниками, и Арвардан почти потерял всякую надежду.

Арвардан посмотрел на часы. Полночь приближалась. Оставалось только шесть часов.

Арвардан недоумевающе и безнадежно огляделся. Теперь в крепости собрались все. Наконец прибыл сам прокуратор. Рядом с Арварданом сидела Пола, ее крохотная теплая ладонь лежала на запястье Арвардана, а не сходявшее с ее лица выражение страха и отчаяния больше, чем что бы то ни было другое, настраивало Арвардана против всей Галактики.

Возможно, думал Арвардан, все они, и в самом деле, заслуживают смерти. Как это глупо, глупо, глупо...

Арвардан почти не замечал сидевших слева от него Шекта и Шварца. Кроме них здесь Балкис, этот проклятый Балкис со своими распухшими губами и огромным синяком на щеке. Должно быть, подумал Арвардан, ему чертовски трудно говорить. При этой мысли губы Арвардана растянулись в злобной усмешке, руки сами собой сжались в кулаки, и даже его собственная перевязанная щека, казалось, успокоилась.

Лицом ко всем сидел нахмуренный Энниус, который никак не мог решить, чью сторону ему следует принять. В тяжелой бесформенной освинцованной одежде он казался немного смешным.

И Энниус тоже не умен, подумал Арвардан.

Он вдруг возненавидел всех этих имперских приспособленцев, которые мечтали только о спокойствии и легкой жизни. Куда подевались те, кто бесстрашно завоевывал Галактику триста лет назад? Куда?..

Оставалось шесть часов...

Энниус получил срочное сообщение из Форт-Дибберна восемнадцать часов назад и, отложив все дела и обогнув половину планеты, прилетел в крепость. Причины вызова были не совсем ясны, но тем не менее казались достаточно вескими. В сущности, рассуждал прокуратор, во всем этом деле нет ничего особенного, кроме досадного похищения одного из зеленорубашечников – яркой достопримечательности этой косной и суеверной планеты. Да и конечно же, еще эти дикие необоснованные обвинения. Очевидно, ничего такого, в чем сам полковник не мог бы разобратся на месте.

Правда, в этом деле замешан и Шект – не как обвиняемый, а как обвинитель. Это совсем непонятно.

Прокуратор смотрел на виновников конфликта и размышлял. Он отдавал себе отчет в том, что сейчас его решение может спровоцировать восстание, а в результате, вероятно, ослабить его собственные позиции при дворе Императора, разрушить надежды на карьеру... Насколько можно верить пространному рассказу Арвардана о каких-то штаммах вируса и о смертельно опасной пандемии? Если принять решение, полагаясь только на рассказ Арвардана, насколько убедительно можно будет объяснить свои действия правительству?

С другой стороны, Арвардан – очень известный археолог.

Прокуратор решил повременить с выводами и обратился к секретарю:

– Наверное, у вас тоже есть что сказать по поводу выдвинутых обвинений?

– До смешного мало, – уверенным тоном ответил секретарь. – Я лишь хотел спросить, есть ли у обвинителей какие-либо доказательства, подтверждающие их правоту?

– Ваше превосходительство, – подчеркнуто беспристрастно сказал Арвардан, – я уже говорил вам, что в день нашего ареста, то есть позавчера, этот человек сам рассказал нам о подробностях заговора.

– Возможно, Ваше превосходительство, – заметил секретарь, – вы сочтете нужным поверить этому обвинению, но, позвольте заметить, это всего лишь слова. По сути дела инородец может засвидетельствовать только один факт: насильно схватили меня, и опасности подвергалась моя жизнь, а не его. Теперь же я хотел бы, чтобы мой обвинитель объяснил, каким образом ему удалось выяснить все детали так называемого заговора всего лишь за девять недель, которые он провел на планете, тогда как вы, прокуратор, за долгие годы службы на Земле не нашли ничего порочащего меня?

– В словах брата есть логика, – неохотно согласился Энниус. – Как вы узнали о заговоре?

– Ваше превосходительство, – голос Арвардана дрожал от напряжения, – о заговоре мне сообщил доктор Шект еще до признания обвиняемого.

– Это так, доктор Шект? – прокуратор перевел взгляд на физика.

- Так, Ваше превосходительство.

- А как вы узнали о заговоре?

- Доктор Арвардан, - ответил Шект, - удивительно точно и подробно сообщил о планах использования синапсифайера и о предсмертных признаниях бактериолога Ф. Смитко. Этот человек тоже входил в число заговорщиков. Его признания записаны, вы можете ознакомиться с ними.

- Но, доктор Шект, предсмертные слова человека, который, как известно, находился в бреду, если доктор Арвардан верно нас информировал, стоят немногого. Нет ли у вас других, более веских доказательств?

Арвардан не сдержался и, стукнув кулаком по подлокотнику кресла, выкрикнул:

- Что это - судебное разбирательство? Кто-нибудь из нас нарушил правила уличного движения? У нас нет времени взвешивать все "за" и "против" на аналитических весах или измерять их микрометром. Повторяю, мы свободны в наших действиях лишь до шести часов утра. Значит, чтобы предотвратить страшную угрозу, в нашем распоряжении остается только пять с половиной часов... Ваше превосходительство, вы знали доктора Шекта и раньше. Разве он был лжецом?

Тотчас же Арвардана перебил секретарь:

- Ваше превосходительство, никто не обвиняет доктора Шекта в преднамеренной лжи. Дело всего лишь в том, что наш доктор стареет, последнее время его очень беспокоит приближающееся шестидесятилетие. Боюсь, что преклонный возраст и страх перед "Законом о шестидесятилетии" могли вызвать легкую шизофрению, самое обычное заболевание здесь на Земле... По-

смотрите на него! Разве он выглядит как нормальный человек?

Конечно, Шект мало походил на нормального человека. Он был настолько потрясен последними событиями и приближающейся катастрофой, что его лицо постоянно было искажено от внутреннего напряжения.

Все же Шект заставил себя говорить обычным и даже спокойным тоном. Он сказал:

– Я мог бы заявить, что последние два месяца я постоянно находился под наблюдением Древних, что все присланные мне письма и мои ответы подвергались цензуре. Очевидно, однако, что такие жалобы легко объяснить той же шизофренией. К счастью, здесь присутствует Джозеф Шварц, тот самый человек, который добровольно согласился на синапсифицирование в тот день, когда вы, Ваше превосходительство, посетили мой институт.

– Помню, – сказал Энниус, немного обрадованный тем, что хотя бы на минуту удалось сменить тему. – Это именно тот доброволец?

– Да.

– Похоже, он не очень пострадал от этого эксперимента.

– Напротив, эксперимент пошел ему на пользу. Синапсифицирование оказалось необыкновенно удачным, возможно, потому что этот человек всегда обладал феноменальной памятью, о чем я в то время, конечно, не знал. Как бы то ни было, сейчас он приобрел уникальную способность проникать в мысли других людей.

Энниус, не вставая, вытянулся далеко вперед и в удивлении воскликнул:

– Что? Вы хотите сказать, он читает мысли?

– Это нетрудно продемонстрировать, Ваше пре-

восходительство. Но я думаю, брат подтвердит мои слова.

Секретарь бросил на Шварца беглый взгляд, и на его лице отразилась неистребимая ненависть. Впрочем, ответил он довольно спокойно, почти без дрожи в голосе:

– Совершенно верно, Ваше превосходительство. Сидящий с ними человек обладает определенными гипнотическими способностями, хотя я не уверен, что это, и в самом деле, последствия синапсифицирования. Я хотел бы добавить, что его синапсифицирование не было зарегистрировано. Согласитесь, этот факт сам по себе в высшей степени подозрителен.

– Синапсифицирование не было зарегистрировано, – спокойно заметил Шект, – в полном соответствии с официальными распоряжениями Верховного министра.

В ответ секретарь только пожал плечами.

– Вернемся к сути дела и оставим эту нелепую перебранку, – властно сказал Энниус. – Так что с этим Шварцем? Какое отношение к делу имеет его способность читать мысли, гипнотизировать или делать что-то еще?

– Шект хочет сказать, – вставил секретарь, – что Шварц способен прочесть мои мысли.

– Это так? Ну так что же сейчас думает уважаемый Балкис? – поинтересовался прокуратор, впервые обратившись непосредственно к Шварцу.

– Он уверен, – ответил Шварц, – у нас нет никаких шансов убедить вас, что в этом, как вы сказали, деле правду говорим мы.

– Совершенно справедливо, – с издевкой заметил секретарь, – хотя для такого вывода иметь исключительные умственные способности не обязательно.

– Он думает также, – продолжал Шварц, – что вы – несчастный глупец и трус, что вы боитесь действовать, хотите только спокойствия и надеетесь лишь своей рассудительностью и объективностью победить землян. Поэтому вы глупец вдвойне.

Секретарь покраснел.

– Я категорически отрицаю такие инсинуации. Ваше превосходительство, это наглая, ничем не прикрытая попытка настроить вас против меня.

– Меня не так легко настроить, – возразил Энниус и снова обратился к Шварцу: – А что сейчас думаю я?

– Что даже если я способен читать мысли других людей, – ответил Шварц, – нет никакой гарантии, что я правдиво их перескажу.

Прокуратор удивленно поднял брови:

– Абсолютно верно, абсолютно верно. Вы поддерживаете обвинения, выдвинутые доктором Арварданом и доктором Шектом?

– Полностью поддерживаю.

– Понятно. И тем не менее, даже если все мы убедимся в ваших телепатических способностях, ваши показания не могут быть приняты во внимание ни одним судом, пока не удастся найти еще одного свидетеля с такими же способностями, но незаинтересованного в исходе дела.

– Речь идет не о юридических тонкостях, – снова, не сдержавшись, выкрикнул Арвардан, – а о спасении Галактики!

– Ваше превосходительство, – секретарь приподнялся в кресле, – я хотел бы сделать заявление. Я прошу удалить из зала этого Джозефа Шварца.

– Почему?

— Этот человек не только читает мысли, но и обладает способностью воздействовать на поведение людей. Я был схвачен только потому, что Шварц парализовал меня. Опасение, что он снова может попытаться сделать что-нибудь со мной или даже с вами, и заставляет меня выступить с этим заявлением.

Арвардан поднялся, собираясь возразить, но секретарь не дал сказать ему ни слова.

— Слушание любого дела, — закричал он, — не может считаться объективным, если в зале присутствует человек, способный благодаря своему особому дару незаметно влиять на сознание судьи!

Энниус быстро принял решение. Вошел солдат и увел Шварца, который не оказал ни малейшего сопротивления. Больше того, на его круглом лице не было заметно и следа возмущения.

Для Арвардана это было окончательным ударом.

Напротив, приземистый мрачный секретарь встал и минуту помолчал, переживая одержанную победу.

— Ваше превосходительство, — начал он серьезно, официальным тоном, — все утверждения доктора Арвардана основаны на показаниях доктора Шекта. В свою очередь источником сведений доктора Шекта является предсмертный горячий бред одного человека. Обратите внимание, Ваше превосходительство, что все эти, с позволения сказать, сведения, все разоблачения не появлялись на свет до тех пор, пока Джозеф Шварц не был подвергнут синапсифицированию.

Возникает вопрос — кто же такой этот Джозеф Шварц? До его появления доктор Шект был вполне нормальным, спокойным человеком.

Вы сами, Ваше превосходительство, несколько часов разговаривали с ним в тот самый день, когда в институт привезли Шварца. Были ли тогда у него какие-нибудь психические отклонения? Сообщил ли он вам о заговоре против Империи? О каком-то бреде умирающего бактериолога? Разве он казался озабоченным? Или болезненно подозрительным? Сейчас он заявляет, что, следуя инструкциям Верховного министра, он фальсифицировал результаты испытаний синапсифайера, не регистрировал фамилии синапсифицированных. Он говорил вам об этом во время вашей первой встречи? Нет, он заявляет это только сейчас, после появления Шварца.

Повторяю вопрос, кто же такой Джозеф Шварц? Когда его привезли в институт, он не разговаривал ни на одном из известных языков. Это мы сами установили позднее, когда впервые усомнились в устойчивости психики доктора Шекта. Шварца привез какой-то фермер, который ничего не знал о нем, ни одного факта его биографии. Между прочим, нам тоже до сих пор ничего неизвестно.

Тем не менее этот человек проявил странные способности. Только силой своей мысли он может парализовать человека на расстоянии до ста ярдов и даже убить, если тот находится ближе. Я испытал это на себе: сначала он полностью парализовал меня, а потом управлял движениями моих рук и ног. При желании он мог бы управлять и моим сознанием.

Я убежден, что Шварц манипулировал и сознанием сидящих перед вами "обвинителей". Они заявляют, что я арестовал их, угрожал им смертной казнью, что я признался в заговоре с целью захвата власти во всей Империи... Между

тем, Ваше превосходительство, задайте им только один вопрос: сколько времени они находились под влиянием Шварца, который способен внушать любые мысли?

Так не изменник ли сам Шварц? А если не изменник и не заговорщик, то кто же он?

Внешне спокойный и даже почти добродушный секретарь сел.

В голове Арвардана вихрем проносились тысячи мыслей.

Как можно возразить секретарю? Сказать, что Шварц – человек из прошлого? А какие у него доказательства? Сообщить, что он разговаривает на древнем вымершем языке? Но это может засвидетельствовать только он сам, Арвардан, а его сознание тоже, как утверждает секретарь, контролируется Шварцем. Да и вообще, как можно быть уверенным в том, что твое сознание свободно от постороннего влияния? Кто такой Шварц? Что убедило Арвардана в реальности плана завоевания Галактики землянами?

Арвардан попытался подойти к решению задачи с другой стороны. Почему он поверил в существование заговора? Ведь он – ученый и не должен принимать все на веру, а на этот раз... Он поверил словам Шекта? Поцелуям девушки? Или Джозефу Шварцу?

Ничего разумного в голову не приходило. Решительно ничего!

– Так как же, – поторопил их Энниус. – Доктор Шект, вам есть что сказать? А вам, доктор Арвардан?

Воцарившуюся тишину неожиданно прорезал голос Пола:

– Почему вы задаете такие вопросы? Разве вы не видите – все, что сказано секретарем, –

ложь? Разве вы не понимаете, что своим обманом он связал всех нас? Скоро мы все умрем, и я уже смирилась с этой мыслью... но мы могли остановить, могли остановить... А вместо того чтобы действовать, мы сидим и... и... говорим, говорим... – и Пола громко зарыдала.

Секретарь заметил:

– Итак, мы дошли до воплей молодой истерички... Ваше превосходительство, у меня есть предложение. Мои обвинители говорят, что все это – какая-то вирусная эпидемия и прочая выдуманная ими ерунда – должно произойти в определенное время, кажется в шесть утра. Я готов остаться в крепости еще на неделю. Если они говорят правду, то известия об эпидемии в Галактике дойдут до Земли через несколько дней. Если это и случится, вооруженные силы Империи все еще будут контролировать ситуацию на Земле...

– Действительно, выгодная сделка – Земля в обмен на всю Галактику, – пробурчал смертельно бледный Шект.

– Я ценю свою жизнь и жизни всех землян. Я буду заложником, отвечающим за нашу невиновность. Я готов немедленно информировать Общество древних о том, что добровольно остаюсь здесь на неделю, тем самым мы предотвратим возможные беспорядки.

Секретарь замолчал и скрестил руки на груди.

Энниус озадаченно посмотрел по сторонам.

– Я не могу не согласиться с таким предложением... – начал он.

Терпение Арвардана иссякло. Он встал и решительно направился к прокуратору. Никто так и не узнал, что он замышлял, а впоследствии и сам Арвардан не мог этого вспомнить. Как бы

то ни было, у Энниуса под рукой оказался нейронный хлыст, и он им воспользовался.

В третий раз на этой планете Арвардан испытал нестерпимую боль и потерял сознание.

Пока Арвардан лежал без сознания, время атаки – шесть часов – наступило...

21. ТОЧКА ОТСЧЕТА МИНОВАЛА

... И миновало!

Свет...

Неяркий свет и сначала расплывчатые, потом все более и более отчетливые очертания предметов...

Чье-то лицо... На него кто-то смотрит...

– Пола! – в одно мгновение мысли Арвардана прояснились, а все предметы стали на свои места. – Который час?

Арвардан схватил Полу за руку, Пола невольно поморщилась от боли.

– Уже восьмой, – прошептала она. – Точка отсчета давно миновала.

Не обращая внимания на режущую боль в суставах, Арвардан возбужденно осмотрелся. Свернувшийся в кресле калачиком тощий Шект уныло кивнул Арвардану.

– Все кончено, Арвардан, – сказал он.

– Значит, Энниус...

– Энниус так и не решился что-нибудь предпринять. Удивительно, не правда ли? – сказал Шект и рассмеялся. Его странный смех резал уши. – Мы втроем без всякой посторонней помощи раскрываем страшный заговор против всего человечества, захватываем руководителя заговора и отдаем его в руки правосудия. Мне вся

эта история напоминает древние сказки, в которых в самый критический момент обычно появляется непобедимый рыцарь и в мгновение ока одерживает победу. Да, сказки всегда кончаются именно так. К сожалению, наша сказка вовремя не кончилась. Оказалось, что нам никто не верит. Такого в сказках не бывает, не так ли? В них всегда счастливый конец, я правильно говорю? Смешно... – и Шект глухо зарыдал.

Арвардан с тоской взглянул на Шекта и повернулся к Поле. Ее глаза, темные и влажные от слез, напомнили ему о Вселенной с мириадами звезд. Подумать только, именно сейчас к этим звездам несутся крохотные, но смертельно опасные контейнеры, они пожирают световые годы, добираясь через гиперпространство до самых далеких уголков Галактики. Скоро они приблизятся к населенным планетам – возможно, они уже рядом с ними – и прорежут их атмосферы, тогда невидимый дождь вирусов прольется на ничего не подозревающих людей.

Итак, все кончено.

Катастрофу уже не предотвратить.

– Где Шварц? – тихо спросил Арвардан.

Пола покачала головой.

– Не знаю, – ответила она. – Назад его так и не приводили.

Дверь открылась. Очевидно, Арвардан все же не совсем смирился с мыслью о скорой смерти, потому что он моментально поднял голову, и в его глазах вспыхнул огонек слабой надежды.

Увы, это был Энниус. Арвардан нахмурился и отвернулся.

Энниус подошел ближе и бросил взгляд на Шекта и его дочь. Но даже в такой ситуации

Шект и Пола были прежде всего землянами и ничего не могли сказать прокуратору, хотя хорошо понимали, что, как бы плохо им ни пришлось в немногие оставшиеся дни жизни, прокуратора ждет еще более быстрая и более мучительная смерть.

Энниус тронул Арвардана за плечо.

- Доктор Арвардан?

- Ваше превосходительство? - отозвался Арвардан, невесело передразнивая прокуратора.

- Сейчас уже больше шести часов.

Энниус не спал всю ночь. Официально оправдав Балкиса, он так и не смог убедить самого себя в том, что обвинители были безумны или в том, что им внушили безумные мысли. Всю ночь он смотрел, как бездушный хронометр отмеряет последние минуты жизни в Галактике.

- Да, уже больше шести, но звезды еще видны.

- Но вы все же полагаете, что вы правы?

- Ваше превосходительство, - ответил Арвардан, - всего через несколько часов погибнут первые жертвы вируса. На них никто не обратит внимания. Миллионы людей умирают ежедневно. Но через неделю погибнут сотни миллионов. Случаев выздоровления практически не будет. Мы не знаем ни одного средства борьбы с эпидемией. Сначала несколько планет объявят чрезвычайное положение и попросят помочь им в борьбе с эпидемией. Через две недели к ним присоединятся десятки других планет, а чрезвычайное положение будет объявлено во всех ближайших секторах. Через месяц вся Галактика будет охвачена эпидемией. Через два месяца останется меньше двадцати не тронутых эпидемией планет. Через шесть месяцев Галактика

будет мертва... Что же предпримете вы, когда поступят первые сообщения?

Впрочем, я могу предугадать ваши действия. Вы разошлете по всей Галактике сообщения, что эпидемия, кажется, началась на Земле. Ваши сообщения не спасут ни одной жизни. Вы объявите войну Древним на Земле. Этим вы также не спасете ни одной жизни. Вы сотрете всех землян с лица их планеты. Этим вы только увеличите число жертв... Вы можете также стать посредником между вашим другом Балкисом и Галактическим советом, вернее, теми членами совета, которые останутся в живых. Потом вы даже можете удостоиться чести вручить власть над руинами искалеченной Империи Балкису, а взамен получить противоядие, которое, быть может, удастся доставить на такое число планет, в таком количестве и в такие сроки, что еще представится возможность с вашей помощью спасти одного человека.

Энниус улыбнулся. Очевидно, доводы Арвардана не только не убедили его, но и не произвели особенно большого впечатления.

— Вы не считаете, что до смешного драматизируете события?

— О, конечно. Я уже смирился со смертью, да и вы тоже можете считать себя трупом. Разве это не смешно? Но мы должны сохранять дьявольское спокойствие и ни в коем случае не терять имперского величия, вы согласны?

— Если вас оскорбило то, что я воспользовался нейронным хлыстом...

— Что вы, несколько, — с иронией перебил прокуратора Арвардан. — Я уже привык и почти ничего не чувствую.

— Тогда я попытаюсь объяснить вам свое по-

ложение. В этой истории все чертовски запутано. Мне было бы чрезвычайно трудно составить разумное сообщение. Впрочем, не менее трудно и умолчать обо всем происшедшем. Не забывайте, что все остальные обвинители – земляне, только ваше мнение имеет определенный вес. Как вы ответите, если я попрошу вас подписать заявление, в котором вы признали бы, что ваши обвинения были выдвинуты в состоянии... В общем, придумайте сами разумную формулировку, которая не навлекла бы на мысли о внушении и прочей чертовщине.

– Ничего нет проще. Можно написать, что я был не в себе, пьян, находился под гипнозом или под воздействием наркотиков. Все годится.

– Вы можете говорить серьезно? Хорошо, я скажу, чем вы все испортили, – прокуратор перешел на шепот. – Вы уроженец системы Сириуса. Почему же вы увлеклись земной девушкой?

– Что?

– Не кричите. Я хотел сказать, неужели вы и в нормальном состоянии были бы настолько неразумным? Об этом вы не подумали? – и прокуратор чуть заметно кивнул в сторону Полы.

Несколько секунд Арвардан в изумлении молча смотрел на прокуратора, потом резким движением схватил верховного и полномочного представителя Империи на Земле за горло. Энниус отчаянно, но безуспешно старался высвободиться из железной хватки Арвардана.

– Говорите, я не подумал об этом, да? – сказал Арвардан. – Вы имеете в виду мисс Шект? Если так, то я требую, чтобы вы относились с уважением к... Впрочем, идите к черту. Все равно вы уже мертвец.

Энниус с трудом восстановил дыхание.

- Доктор Арвардан, можете считать себя арес...

Снова распахнулась дверь - на пороге стоял полковник.

- Ваше превосходительство, толпа землян снова окружила крепость.

- Что? Разве Балкис не объяснил все своим чиновникам? Он собирался остаться здесь на неделю.

- Объяснил. Пока еще он здесь. Но и толпа тоже здесь. Мы готовы открыть огонь. Как офицер, я бы рекомендовал именно так и поступить. Есть ли у вас другие предложения, Ваше превосходительство?

- Подождите со стрельбой, пока я не поговорю с Балкисом. Приведите его сюда, - сказал прокуратор и повернулся к Арвардану. - А с вами, доктор Арвардан, я разберусь позже.

Вошел улыбающийся Балкис. Он поклонился Энниусу, а тот в ответ удостоил его только коротким кивком.

- Послушайте, - резко начал прокуратор, - мне сообщили, что ваши люди заблокировали все подходы к крепости. Такие действия являются прямым нарушением нашего соглашения... Мы не хотим кровопролития, но наше терпение не безгранично. Вы можете заставить толпу разойтись?

- Если я этого захочу, Ваше превосходительство.

- Если захотите? Так захотите же, и немедленно.

- Нет, Ваше превосходительство, не захочу, - секретарь усмехнулся и резко взмахнул рукой. - Глупец! - теперь в его голосе звучала долго

сдерживаемая и наконец-то прорвавшаяся наружу насмешка. – Вы слишком долго выжидали и за это поплатитесь жизнью! Впрочем, можете остаться жить рабом, если вам это больше понравится, но запомните, легкой жизни я вам не обещаю.

Грубость слов и оскорбительный тон, которым они были произнесены, не произвели видимого впечатления на Энниуса. Даже сейчас, когда карьере Энниуса, несомненно, был нанесен серьезнейший удар, его не покинула обычная, свойственная дипломату Империи, бесстрастность. Лишь лицо его посерело и теперь казалось еще более усталым.

– Значит, моя осторожность стоила так дорого? И история о вирусе – это правда? – в голосе прокуратора слышалось отвлеченное, почти безразличное удивление. – Но и вы сами, и вся Земля пока у меня в заложниках.

– Ничего подобного, – мгновенно возразил ликующий секретарь. – Это вы и ваши друзья – мои заложники. Вирус, который сейчас распространяется по всей Вселенной, наводнил и Землю. Им уже заражена атмосфера всех гарнизонов Империи на нашей планете и даже атмосфера Эвереста. Мы, земляне, невосприимчивы к этой болезни, а как себя чувствуете вы? Не ощущаете ли вы слабость? Сухость во рту? Лихорадочное состояние? Не беспокойтесь, это ненадолго. А противоядие вы можете получить только у нас.

Энниус долго молчал. На его тонком лице можно было прочесть лишь презрение к секретарю. Потом прокуратор повернулся к Арвардану и спокойно сказал:

– Доктор Арвардан, прежде всего я должен

попросить у вас прощения за необоснованное недоверие. Доктор Шект, мисс Шект, примите мои извинения.

Арвардан усмехнулся:

- Благодарю. Ваши извинения окажутся для всех нас чрезвычайно полезными.

- Ваш сарказм вполне понятен, - сказал прокуратор. - Если вы ничего не имеете против, я вернусь на Эверест, чтобы умереть вместе со своей семьей. Конечно, ни о каких переговорах с этим... человеком не может быть и речи. Я уверен, солдаты гарнизонов Империи на Земле достойно встретят смерть и, без сомнения, многие земляне успеют осветить нам дорогу в царство смерти... Прощайте.

- Подождите, подождите! Не уходите!

Энниус медленно повернулся в сторону того, кто произнес эти слова.

Так же медленно, чуть пошатываясь от усталости, через порог переступил Джозеф Шварц.

Секретарь изменился в лице и отпрянул назад. Он с подозрением и испугом смотрел на человека из прошлого.

- Нет, - проскрежетал он, - вам не удастся выжать из меня секрет противоядия. Лишь несколько человек имеют к нему доступ, и только некоторые специалисты могут правильно его применять. Вы не сможете добраться до них, прежде чем вирус сделает свое дело.

- Конечно, сейчас нам до них не добраться, - согласился Шварц, - но у нас еще масса времени. Вирус не сделает свое дело, потому что, понимаете ли, его уже нет.

Эти слова не сразу дошли до тех, кто слушал Шварца. Арвардан застыл в растерянности.

Неужели его обманули? Или все происходящее – невероятная мистификация, жертвами которой оказались и секретарь, и сам Арвардан? Если это так, то зачем нужна была такая мистификация?

Тишину нарушил Энниус:

– Объясните, что вы имеете в виду. Не тяните.

– Это несложно объяснить, – ответил Шварц. – Прошлой ночью мне ничего не оставалось, как только молча слушать вас. Поэтому я долго, но очень осторожно копошился в сознании секретаря... Я очень боялся, что он заметит мое вторжение в его мысли. А потом секретарь потребовал, чтобы меня удалили из зала. Ничего другого, конечно, мне и не было нужно, проделать все остальное было просто.

Я парализовал охранников и пошел на аэродром. Весь гарнизон уже был в полной боевой готовности, самолеты с комплектом вооружения заправлены и готовы к вылету. Пилоты только ждали приказа. Я выбрал одного, и мы полетели в Сенлу.

Секретарь, казалось, хотел что-то сказать, но не мог – его рот беззвучно открывался и закрывался.

Первым заговорил Шект.

– Но, Шварц, вы не могли заставить пилота управлять самолетом. Ваших способностей хватает только на то, чтобы вынудить человека идти.

– Это так, если я заставляю человека что-то делать против его воли. Но сознание доктора Арвардана раньше помогло мне узнать, что жители сектора Сириуса особенно ненавидят землян. Поэтому я искал пилота – уроженца этого сектора и очень быстро нашел лейтенанта Клоди.

- Лейтенанта Клоди? - воскликнул Арвардан.

- Да... Ах, так вы знаете его. Да, понимаю. В вашем сознании это читается совершенно отчетливо.

- Еще бы... Продолжайте, Шварц.

- Этот офицер так сильно ненавидит землян, что даже мне трудно понять источники его ненависти, хотя я долго копошился в его сознании. Он хотел одного - сбросить бомбы на землян. Он хочет уничтожить их всех до единого. Только армейская дисциплина сдерживала его, иначе он уже давно сделал бы не один боевой вылет.

Такое сознание имеет свои особенности. Достаточно ненавязчиво предложить, слегка подтолкнуть, и никакая дисциплина уже не в состоянии его удержать. Кажется, он даже не заметил, что я сел в самолет вместе с ним.

- Как вы нашли Сенлу? - прошептал Шект.

- В мое время, - объяснил Шварц, - на Земле был большой город, который назывался Сент-Луис. Он располагался в месте слияния двух больших рек... Словом, мы нашли Сенлу. Мы летели ночью и в море светящейся радиоактивной поверхности планеты заметили темное пятно, а доктор Шект говорил, что замок стоит в оазисе, не зараженном радиоактивными веществами. Мы выпустили осветительную ракету и увидели внизу здание с пятью башнями. Точно такую же картину я видел в сознании секретаря... Теперь на месте этого здания лишь воронка глубиной сто футов. Это было в три часа утра. Вирус не успели запустить в космос. Вселенная не заражена.

С губ секретаря сорвался звериный вопль, нечеловеческий крик воплощения зла. Он хотел, казалось, броситься на Шварца, но вдруг по-

шатнулся и рухнул. С его губ стекала тонкая струйка пены.

— Я ничего с ним не делал, — тихо сказал Шварц и, задумчиво глядя на неподвижное тело Балкиса, добавил: — Мы вернулись раньше шести, но я точно знал, что мне нужно выждать, пока минует точка отсчета. Балкис должен был отпраздновать победу. Мысленно он уже давно к ней готовился, а доказать его вину можно было только его собственным признанием... Теперь он перед вами.

22. ЛУЧШЕЕ НАС ЖДЕТ ВПЕРЕДИ

Прошло тридцать дней с тех пор, как Джо-зеф Шварц поднялся на самолете со взлетно-посадочной полосы Форт-Дибберна в ту ночь, которая могла бы стать началом уничтожения Галактики. Взлет самолета сопровождал бешеный рев сигнала тревоги, а в наушниках не смолкали приказы о немедленном возвращении.

Он не вернулся, пока не стер с лица Земли замок Сенлу.

В конце концов его героизм получил официальное признание. Теперь в кармане Шварц носил ленточку ордена Космического пространства и Солнца первой степени. За всю историю Империи во всей Галактике еще только два человека получили такой орден при жизни.

Для портного на пенсии это кое-что значило.

Конечно, если не считать нескольких высших правительственных чиновников, никто точно не знал, какой именно подвиг совершил Шварц, но это было уже неважно. Однажды в учебники истории навсегда будет внесено его имя.

Стоял тихий вечер. Шварц не торопясь направлялся к дому доктора Шекта. Город жил мирной жизнью, как и все планеты Галактики. Кое-где на Земле банды фанатиков еще устраивали беспорядки, но их главари были убиты или арестованы, и теперь о спокойной жизни на Земле могли побеспокоиться сами земляне, точнее, те из них, которые были сторонниками более умеренной политики.

К Земле уже направлялись первые огромные грузовые корабли с почвой, не загрязненной радиоактивными элементами. Энниус еще раз предложил переселить землян на другую планету, но его предложение опять отклонили. Благотворительность была не в почете. Пусть земляне получают возможность возродить свою планету своими силами. Пусть они восстановят дом своих предков, родину всего человечества. Пусть земляне своими руками снимут радиоактивный слой почвы и заменят его здоровым грунтом, пусть они озеленят мертвые пространства и снова заставят цвести пустыни.

Для этого предстояло выполнить колоссальную работу. Возможно, на обновление планеты уйдет столетие. Ну и что? Пусть Галактика даст землянам нужные машины, продовольствие и здоровую почву. Потребуется лишь ничтожная доля практически неисчерпаемых ресурсов Галактики, да и эта доля позднее будет возмещена.

Когда-нибудь землянин снова станет таким же человеком, как и житель любой другой планеты, Земля превратится в обычную планету Галактики, а жители Земли смогут говорить со всем человечеством на равных.

Такие мысли заставляли быстрее биться сердце Шварца, когда он подходил к дому Шекта. На следующей неделе Шварц вместе с Арварданом отправится на большие планеты центральной Галактики. Разве кто-нибудь из его поколения летал на другие планеты?

Шварцу сразу же вспомнилась старая Земля, его Земля. Как долго она была мертва, как долго!

И тем не менее прошло только три с половиной месяца...

Шварц уже поднял руку, чтобы нажать на кнопку звонка, но остановился. Мысленно он услышал происходивший за стеной разговор. Удивительно, подумал Шварц, насколько отчетливо я слышу теперь мысли других людей, как будто у меня в голове звенят крохотные колокольчики.

Ну конечно, это говорил Арвардан. Как всегда, его мысли были богаче любых слов.

— Пола, я долго ждал и раздумывал, ждал и раздумывал. Больше ждать я не хочу. Ты полей со мной.

По живости мыслей Пола не уступала Арвардану, но на этот раз она ответила нерешительно:

— Бел, я не могу. Это совершенно невозможно. Мои провинциальные манеры и поведение... На этих больших планетах я буду чувствовать себя последней дурой. И к тому же я всего лишь зем...

— Не говори так. Ты — моя жена, и этим все сказано. Если кто-нибудь поинтересуется, кто ты и что собой представляешь, то ты — уроженка Земли и гражданка Империи. Если же кто-то заинтересуется другими деталями, то ты — моя жена.

- Предположим. А что ты собираешься делать после своего доклада археологическому обществу на Транторе?

- Что делать? Ну, сначала я возьму отпуск на год, и мы с тобой осмотрим все самые интересные планеты Галактики. Мы не пропустим ни одной достопримечательности, даже если нам придется лететь туда и обратно на почтовом корабле. Ты получишь полное представление о Галактике; такой медовый месяц, вернее, медовый год может обеспечить только правительство Империи...

- А потом...

- А потом мы вернемся на Землю, вступим в рабочий отряд добровольцев и следующие сорок лет жизни будем ковыряться в грязи, уничтожая радиоактивную почву.

- Но почему ты хочешь заниматься этим?

- Потому что, - в этот момент в мысленном контакте с Арварданом появилась подозрительная пауза, - я люблю тебя, а ты хочешь именно этого. И еще потому что я - патриот Земли, о чем говорят документы о натурализации, которые я только что получил.

- Хорошо...

И разговор прервался.

Но мысленные контакты, конечно, не прерывались, и довольный, хотя и немного застеснявшийся Шварц решил не торопиться и отошел от двери. Он может и подождать. Когда все уляжется, ему представится не одна возможность помешать Арвардану и Поле.

Шварц постоял на улице, разглядывая звездное небо. Над ним расстилалась вся Галактика - видимые и невидимые глазом звезды.

Шварц тихо прочел самому себе, новой Земле и всем миллионам далеких планет очень старое стихотворение, которое теперь из многих квадриллионов людей знал лишь он один:

Не бойся стареть рядом со мной!
Впереди нас ждет самое лучшее –
Последняя часть нашей жизни,
Ради которой и были прожиты все годы.

Содержание

1. ЧЕРЕЗ ПОЛШАГА.....	5
2. ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ЧУЖЕСТРАНЦА.....	19
3. ОДИН МИР ИЛИ МНОГО МИРОВ?.....	30
4. САМАЯ ПРЯМАЯ ДОРОГА.....	48
5. ДОБРОВОЛЕЦ ПОНЕВОЛЕ.....	63
6. НОЧНЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ	81
7. РАЗГОВОР С СУМАСШЕДШИМИ?	93
8. ВСТРЕЧИ В ЧИКЕ.....	106
9. КОНФЛИКТ В ЧИКЕ	122
10. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЙ.....	138
11. ТРАНСФОРМАЦИЯ РАЗУМА	151
12. СОЗНАНИЕ, КОТОРОЕ УБИВАЕТ	170
13. ЗАГОВОР В ВАШЭННЕ.....	183
14. ВТОРАЯ ВСТРЕЧА.....	199
15. ЧИСЛЕННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО СХОДИТ НА НЕТ	214
16. ДЕЛАЙТЕ СВОЙ ВЫБОР!	229
17. ИЗМЕНИТЕ СВОЕ РЕШЕНИЕ!.....	244
18. ДУЭЛЬ.....	260
19. ТОЧКА ОТСЧЕТА ПРИБЛИЖАЕТСЯ.....	273
20. ТОЧКА ОТСЧЕТА ДОСТИГНУТА.....	287
21. ТОЧКА ОТСЧЕТА МИНОВАЛА.....	304
22. ЛУЧШЕЕ НАС ЖДЕТ ВПЕРЕДИ.....	314

Литературно-художественное издание

Айзек Азимов

ПЕСЧИНКА В НЕБЕ

Заведующий редакцией А. А. Кирюшкин

Ведущий редактор Н. Н. Овчинникова

Художественный редактор Ю. Л. Максимов

Технический редактор М. Н. Глебова

Корректор Т. М. Подгорная

ИБ № 8383

Лицензия Л.Р. № 010174 от 22.01.92 г.

Подписано к печати 18.10.93. Формат 70х100/32.

Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная.

Объем 5 бум.л. Усл. печ.л. 13,00. Усл. кр.-отт. 13,41.

Уч.-изд.л. 13,22. Изд. № 9/9200. Тираж 30 000 экз.

Зак.1893 С 102.

Издательство «Мир»

Министерства печати и информации Российской Федерации
129820, ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2

Московская типография № 7

Министерства печати и информации Российской Федерации
121019, Москва, пер. Аксакова, 13

Зарубежная

фантастика

Издательство «Мир»